



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P G
3321
D53
P5
1898
MAIN

UC-NRLF



В Э 814 872

*... Гриневскому
... отношение отъ его
... по подготовке
... 1898
... Петербурга.*

ПИСЬМА
И. И. ДМИТРИЕВА

КЪ

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1810 — 1836

Годовъ

(Изъ Остафьевскаго архива)

ИЗДАНЫ

съ предисловіемъ и примѣчаніями

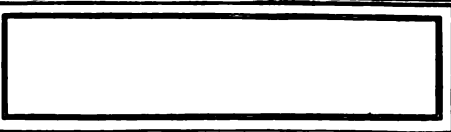
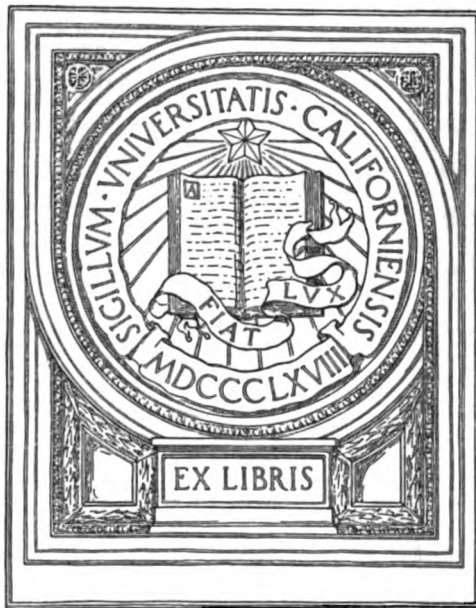
НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·



ПИСЬМА
И. И. ДМИТРИЕВА

КЪ

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1810 — 1836

Г О Д О В Ъ

(Изъ Остафьевскаго архива)

ИЗДАНЫ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ

НИКОЛАЯ ВАРСУКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюля 1898 года.

PG 3321
D53 P5
1898
MAIN

ПИСЬМА

И. И. ДМИТРИЕВА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Господинъ предсѣдатель Общества ревнителей Русскаго Историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, графъ Сергій Дмитриевичъ Шереметевъ, передалъ въ Общество для напечатанія въ *Старинъ и Новизнъ* девяносто-пять писемъ Ивана Ивановича Дмитриева къ князю Петру Андреевичу Вяземскому, хранящихся въ Остафьевскомъ архивѣ.

Письма эти, обнимающія время съ 1810 по 1837 годъ, имѣютъ тѣсную и нераздѣльную связь съ письмами Карамзина также къ князю Вяземскому, напечатанными уже въ первой книгѣ *Старинъ и Новизнъ*, ибо, какъ свидѣлствуетъ князь Вяземскій, Карамзинъ и Дмитриевъ „вмѣстѣ прожили рука въ руку, душа въ душу, честное поприще дѣятельной жизни; и нынѣ изъ гроба нераздѣльно встаютъ они и являются вмѣстѣ, какъ братья“. Когда получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Дмитриева, князь Вяземскій писалъ въ Москву: „Со смертію Дмитриева мы какъ будто во второй разъ погребаемъ Карамзина“.

Въ 1814 году И. И. Дмитриевъ, сойдя съ высокой ступени министра юстиціи, поселился навсегда въ Москвѣ. Еще до выхода въ отставку, онъ былъ озабоченъ приготовленіемъ пріюта для своей старости. Съ этою цѣлью онъ купилъ въ Москвѣ погорѣлое мѣсто, недалеко отъ Тверскаго бульвара и такъ называемаго Патриаршаго пруда, въ приходѣ св. Спиридонія, и приступилъ къ постройкѣ дома и разведенію сада. „Удивляюсь поэту“, писалъ онъ,—

„который равнодушенъ къ живописи, цвѣтамъ и деревьямъ, слѣдовательно, и къ природѣ. Одинъ дубъ, посаженный мною въ первое лѣто моего новоселья, доставляетъ мнѣ каждое лѣто новое удовольствіе: съ каждою весною нахожу его рослѣе и вѣтвистѣе. Посѣя цвѣточныя сѣмена, я ожидаю почти съ каждымъ утромъ пріятную себѣ новость. Вчера утѣшался всходомъ цвѣточного стебля; черезъ нѣсколько дней уже застаю его въ полномъ расцвѣтѣ. Украшеніемъ моего сада обязанъ я нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей, имѣющихъ сады или оранжереи. Подарокъ деревомъ или цвѣткомъ прочтѣе прочаго служить намъ памятникомъ дружбы или пріязни. Лугъ мой передъ домомъ украшается дикимъ каштаномъ: онъ подаренъ мнѣ былъ землякомъ моимъ Н. А. Дурасовымъ; мы еще въ дѣтскихъ лѣтахъ обучались въ Симбирскѣ въ одномъ училищѣ. Онъ уже давно скончался; но я и понынѣ, проходя мимо каштана, всякій разъ съ чувствомъ признательности вспоминаю его и наше дѣтство“.

М. А. Максимовичъ, въ своемъ „Перевата-полѣ“, вспоминая свою московскую жизнь, когда онъ, въ качествѣ профессора ботаники Московскаго университета, жилъ въ ботаническомъ саду, писалъ: „Возвращаюсь къ цвѣтамъ ботаническаго сада... Ради ихъ, каждую весну радовалъ меня своимъ посѣщеніемъ тогдашній старѣйшина литературный, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Заставалъ онъ меня всегда въ домашнемъ неприборѣ, за письменнымъ липовымъ столомъ, оставленнымъ мнѣ на память княземъ Владиміромъ Федоровичемъ Одоевскимъ, при его переселеніи изъ Москвы въ Петербургъ. Обозрѣвая со мною въ саду цвѣточныя гряды и выставки наши, сановитый авторъ „Ермака“ каждый разъ говорилъ: „Пожалуйста, отберите для меня побольше ароматическаго“. И я нарочно для него, не довольствуясь геліотропами и розами, поручалъ садовнику выращивать по возможности все дышавшее мускусомъ и носившее на себѣ его имя—*mincullus moschatus* и проч.“

„Въ Москвѣ, на Спиридоновѣ“, пишетъ П. И. Бартеньевъ, — „близъ Тверскаго бульвара и Патріаршихъ прудовъ, въ той части—города, гдѣ по преимуществу живутъ люди, принадлежащіе къ достаточному и образованному сословію, гдѣ тишина и нѣтъ суетливой торговли, возвышался среди обширнаго сада большой домъ

поэта и министра юстиціи Ивана Ивановича Дмитриева. Онъ самъ его выстроилъ въ 1814 году, вышедши въ отставку и поселившись въ Москвѣ, и самъ насадилъ вокругъ прекрасный садъ, изъ котораго, еще въ наши дни, раздавалось по окрестностямъ соловьиное пѣніе. Даже за два дня до кончины своей И. И. Дмитриевъ сажалъ акаціи возлѣ кухни, чтобы заслонить ее съ прїѣзду. Домъ Дмитриева былъ деревянный, построенный изъ стоячихъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзными обручами. Про него можно сказать, что и онъ былъ

Пріютъ, сіяніемъ музъ согрѣтый..

„Въ этомъ домѣ собирались представители ума, словесности и просвѣщенія, словомъ, вся пишущая братія, съ Прокоповича-Антонскаго до Гоголя включительно“. Князь же П. А. Вяземскій свидѣтельствуешь, что къ Дмитриеву собирались по вечерамъ „не только всѣ извѣстные литераторы, но и всякіе“. Дмитриевъ „не только отличалъ, ободрялъ молодыя дарованія, но когда могъ старался и давать имъ ходъ. Въ теченіе министерства своего онъ многихъ изъ нихъ приврѣлъ и зачислилъ по вѣдомству своему. Онъ говаривалъ, что во всякомъ случаѣ они грамотнѣй другихъ и могутъ правильнѣе написать дѣловую бумагу“. Мало того, въ Москвѣ Дмитриевъ „былъ очень популяренъ, особенно у людей по грамотной части. Къ нему прихаживали всѣ уличные поэты или шинельные, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ благосклонно выслушивалъ ихъ стихи и помогалъ имъ денежными пособіями. Особенно жаловалъ онъ одного Фомина. Сей Фомина ходилъ всегда въ черномъ фланелевомъ капотѣ, вѣрно доставшемся ему, замѣчалъ Дмитриевъ, послѣ траурнаго церемоніала; за недостаткомъ пуговицъ капотъ сверху зашпиленъ былъ булавкою съ какимъ-то цвѣтнымъ камешкомъ. Дмитриевъ особенно любовался ею, угадывая, что она подарена была поэту кухаркою или прачкою, которую онъ воспѣлъ“.

Само собою разумѣется, Дмитриевъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ и съ ученою братіею. Такъ, напримѣръ, когда извѣстный издатель *Сибирскаго* и *Азіатскаго Вѣстниковъ* и „Книги Большого Чертежа“ Григорій Ивановичъ Спасскій представилъ ему свой *Азіатскій Вѣстникъ*, то Дмитриевъ въ отвѣтъ своемъ писалъ: „Нѣтъ

сомнѣнія, чтобы *Азіатскій Вѣстникъ* не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника (*Сибирскаго*), даже можно обѣщать еще и большаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіатическаго Общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1) О границахъ Русской и Китайской и 2) Описаніе Россіи; переводы съ китайскаго. Относительно сего государства желательно было бы, чтобъ вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго архимандрита нашего Іакинфа. Простите меня, если я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служить въ пользѣ и чести отечества заставило меня сказать, можетъ быть, больше, нежели сколько требовало приличіе“.

Прервавъ свою службу въ Варшавѣ въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій поселился въ Москвѣ и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ литературою. Въ это время онъ написалъ „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Прочитавъ это сочиненіе еще въ рукописи, И. И. Дмитріевъ остался имъ чрезвычайно доволенъ, и отъ избытка благодарнаго сердца написалъ слѣдующее четверостишіе:

Кого не увлечетъ талантъ сего поэта?
Ему никто не образецъ:
Онъ сыплетъ остротой, но всегда мудрецъ
Еще въ младыя лѣта.

Четверостишіе это застало князя Вяземскаго въ Остафьевѣ, и онъ оттуда, 22-го сентября 1821 года, писалъ Дмитріеву: „Какъ возблагодарить мнѣ васъ за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отнынѣ, въ самомъ дѣлѣ, пріялъ я печать Аполлона и могу сказать, что посвященъ рукою верховнаго его жреца“.

Когда, въ семидесятыхъ годахъ, я занимался, по порученію князя П. А. Вяземскаго, разборомъ и описаніемъ его Остафьевскаго архива, среди бумагъ мнѣ попался листокъ на синей старинной бумагѣ, въ которомъ заключался цензурный отзывъ И. М. Снегирева объ „Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Листокъ этотъ

я тогда же представилъ князю Петру Андреевичу, съ просьбою, сдѣлать къ нему замѣчаніе. Просьба моя была исполнена, и такимъ образомъ мы теперъ имѣемъ возможность познакомить читателей, какъ съ отзывомъ И. М. Снегирева, такъ и съ примѣчаніями къ оному князя П. А. Вяземскаго *). „Прочитавъ съ сердечнымъ участіемъ“, писалъ Снегиревъ, — „новое произведеніе нашего писателя, я долженъ бы начать свои замѣчанія похвалами. Но что значать похвалы неизвѣстнаго человѣка? Прибавятъ ли онѣ что-либо къ славѣ извѣстнаго автора? Освобождаю себя отъ восклицаній простодушныхъ и заказныхъ; для слуха правдиваго они несносны; это дань лести суетному честолюбію; авторъ же другъ истины; скажу лучше чистосердечно свои мысли о нѣкоторыхъ недостаткахъ, какіе я замѣтилъ, прочитавъ про себя и вслухъ его сочиненіе.

„По моему мнѣнію, котораго впрочемъ не выдаю за приговоръ, все сочиненіе занимательно, исполнено мыслей новыхъ, свѣтлыхъ и рѣзкихъ. Жизнеописатель достоинъ описуемаго имъ мужа. Желательно только, чтобы въ планѣ было болѣе порядка, въ переходахъ болѣе постепенности, въ отступленіяхъ болѣе краткости и соотвѣтственности предмету. Сочинитель на пути своемъ къ предположенной цѣли безпрестанно останавливается, кланяется и разговариваетъ съ знакомыми и тѣмъ замедляетъ путь свой, уклоняется отъ главной цѣли. Постороннія мысли иногда затемняютъ у него главный предметъ: полный мыслей и чувствованій, онъ изливаетъ ихъ съ избыткомъ, забывая мудрую бережливость. Иное довольно намекнуть; что же остается читателю? Къ чему бы, на примѣръ, говоря о слогѣ Дмитріева, приводить примѣры изъ Боссюета ¹⁾. Біографъ долженъ быть пристрастенъ къ одной истинѣ, а не къ своему герою и не долженъ быть знакомъ удивленія: изображать дѣлами, а не словами. Онъ пишетъ для потомства, а повторяетъ нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ о личныхъ неудовольствіяхъ и дѣлаетъ намеки, понятные для современниковъ, и то для немногихъ. Частный кругъ одного общества не есть всемірный ²⁾.

„Остроты прекрасны у мѣста, и нашъ писатель по справедливости названъ *остроумнымъ*. Но, увы! какъ часто отъ остроты ума

*) Примѣчанія князя Вяземскаго помѣщаются вслѣдъ за сею статьею подъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

гаснетъ жаръ сердца; а историкъ, пишущій не для однихъ современниковъ, долженъ быть безстрастнымъ: милая, высокая простота въ жизнеописаніи болѣе нравится, чѣмъ желаніе блистать островами, сколь бы онѣ ни были потѣшны³⁾. Еще скажу, что у біографа слишкомъ много *эпитетовъ*; нѣкоторые умные писатели говорятъ, будто они показываютъ упадокъ словесности. Многія сочиненія, показанныя изъ-подъ полы, читанныя въ кругу друзей любимымъ писателемъ, нравятся, плѣняются, занимая остроуміемъ и намеками, для нихъ только понятными, а для писателя интересными; но какъ выдутъ на свѣтъ, не то производятъ дѣйствіе, не такими кажутся на чужіе глаза. Странными и высканными кажутся мнѣ нѣкоторые обороты, или лучше сказать, словоизвитія; наприкладъ, *проскакиваютъ признаки, стихи мастерски выбиты, тщательный чептъ*. Одна новость, какъ дитя причудливости и своенравія, не составляетъ достоинства въ писателѣ; щеголяя ею, можно быть страннымъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ нѣтъ точности и опредѣленности; я осмѣлился ихъ замѣтить⁴⁾. *Есть періоды* (ихъ немного) *слишкомъ обширные* и спутанные, гдѣ трудно найти зависимость главныхъ частей отъ постороннихъ и на оборотъ; въ расположеніи частей нѣтъ стройности и соразмѣрности. Это видно при чтеніи⁵⁾.

„Кромѣ мнѣнія объ указѣ, выходяи противъ рабства (чужой пословицы) и еще нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій, безъ коихъ, кажется, можно бы обойтись, я думаю, что нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и правительству, слѣдовательно, и цензурѣ. Читателямъ классиковъ, вѣроятно, покажется возмутительною для совѣсти выходяе противъ классической словесности, увѣковѣченной въ школахъ всѣхъ народовъ тысящелѣтіями. Но это споръ нерѣшенный! Можетъ всякой думать, какъ угодно. *Умъ любитъ простору*, говоритъ пословица; изъ споровъ наконецъ прозябаетъ истина. Жалко только, что у насъ критика не разлучна съ насмѣшкою и личною сатирою, а часто даже и съ бранью! Мнѣніе и личность будто одно и то же?“

За симъ слѣдуютъ слѣдующія примѣчанія князя П. А. Вяземскаго:

1) „Не знаю, кѣмъ писано, но, кажется, писано по поводу біографической статьи моей о Дмитріевѣ. Довольно строго, но часто довольно вѣрно.

Очень справедливо. Но въ этихъ отступленіяхъ, можетъ быть, есть и мой недостатокъ, и мое достоинство. Я всегда былъ пораженъ сухостью нашихъ критическихъ и біографическихъ статей: и легко увлекся черезъ край въ противоположную сторону.

2) Вотъ куда хватилъ! Да кто и думаетъ о всемірности? Довольно для нашего брата и одного общества.

3) Тупое, натянутое остроуміе не годится... Но если сказанное въ самомъ дѣлѣ остроумно, то это не бѣда.

4) Замѣчаніе объ излишествѣ эпитетовъ вѣрно. Михаилъ Вьельгорскій замѣчалъ въ этомъ во мнѣ сходство—разумѣется, не по таланту — съ Шатобріаномъ и на этомъ основаніи нѣкоторое сходство и въ почербахъ нашихъ, то-есть, Шатобріановскомъ и моемъ. Гдѣ-то сказалъ я въ *Телеграфѣ*, что новѣйшимъ писателямъ только и осталось что эпитеты, то-есть, прилагательныя, а существительныя давно уже до насъ были всѣ высказаны.

5) *Длина моихъ періодовъ*, особенно въ то время, была въ самомъ дѣлѣ утомительна. Дмитріевъ часто журилъ меня за это. Я давалъ мыслямъ и словамъ развиваться какъ изъ клубка, или какъ эти деревянные чашечки, которыя въ старину дѣлались въ Троицѣ и вкладывались одна въ другую. Послѣ я нѣсколько исправился въ этой погрѣшности; но все же не совершенно. Во всякомъ случаѣ скажу безъ хвастовства и безъ *мичало мичепріятія*, когда наступитъ время дѣловой оцѣнки литературной дѣятельности мнѣ современной, проза моя не будетъ забыта и войдетъ въ свою законную силу, не смотря на ея недостатки и неисправности частью невольныя, частью вольныя и умышленные. Въ прозѣ моей есть фізіономія и самобытность. Она, разумѣется, не идетъ въ подметки прозѣ Карамзина и Жуковского, но именно тѣмъ и отличается, что пошла не ихъ дорогою, а своими проселками. Впрочемъ и Жуковский иногда слишкомъ многовѣщателенъ и широковѣщателенъ. Онъ слишкомъ жуетъ и пережевываетъ мысль свою, подобно мнѣ. Пушкинъ въ прозѣ трезвъ иногда до сухости.

Въ мое время многіе писатели жили моимъ умомъ и моею манерою. Теперь совѣстятся и боятся сослаться на меня. Je suis comte по адепу. Но со временемъ, когда меня не будетъ, а наступитъ потомство—да чортъ ли въ немъ—моя проза выплыветъ со

своими качествами и погрѣшностями, въ полной исторіи нашей литературы, если на такую исторію сыщется другой Карамзинъ“.

„Кто не слыхалъ Дмитріева“, писалъ князь Вяземскій, — „тотъ не знаетъ, до каковаго искусства можетъ быть доведенъ русскій разговорный языкъ“. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, Дмитріевъ говорилъ со всѣми *исключительно* по русски, объ этомъ засвидѣтельствовалъ Жуковскій въ своей Памятной Запискѣ для Императрицы Александры Ѳеодоровны предъ путешествіемъ ея въ Москву. „Никогда не прощу себѣ“, писалъ князь Вяземскій самому Дмитріеву, — „что я не былъ въ Москвѣ вашимъ тайнымъ письменнымъ шпиономъ для потомства, вашимъ Ласкарисомъ. Сколько бы сокровищъ было теперь въ моемъ меморіалѣ! Да то и бѣда, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Спыхватился, да поздно. Теперь и радъ бы записывать разговорныя достопамятности, но записывать нечего“.

Впослѣдствіи князь Вяземскій писалъ В. Н. Карамзину: „Разговоры Дмитріева были болѣе личные и анекдотическіе. Онъ все помнилъ о себѣ: живо помнилъ то, что видѣлъ, и живописно обрисовывалъ дѣйствія и лица, которыхъ зналъ и встрѣчалъ. Разговоръ его былъ живыя записки со всею ихъ современною обстановкою“.

Самъ Пушкинъ „нерѣдко бывалъ строгъ и несправедливъ въ поэтѣ Дмитріеву, но всегда увлекался остроумною и любовною рѣчью его“. Такъ что Записки И. И. Дмитріева представляютъ только скелетъ его живыхъ разговоръ. Записки же свои, замѣчаетъ князь Вяземскій, — Дмитріевъ писалъ „въ мундирѣ“, и къ нимъ „должно приложить *словесныя прибавленія*, заимствованныя изъ разговоръ, обыкновенно откровенныхъ, особливо же въ избранномъ кругу“.

Безстрастное лицо и медленная рѣчь,
А слушателя онъ умѣлъ съ собой увлечь,
И поучалъ его, то трогалъ — какъ придется,
Иль со смѣху морилъ, а самъ не улыбнется.
Какъ живо памятны мнѣ эти вечера,
Сдается, старца я заслушался вчера.

Такъ поминалъ князь П. А. Вяземскій, въ 1860 году, И. И. Дмитріева, склоняясь уже самъ къ западу жизни своей.

Николай Барсуковъ.

8 Сентября 1897 г.
Село Михайловское.

1.

Милостивый государь мой, князь Петръ Андреевичъ!

Чувствительно благодарю васъ за пріятное хоть и слишкомъ церемонное письмо ваше ¹⁾.

Увѣряю васъ съ обыкновеннымъ моимъ чистосердечіемъ, что я отъ всей души желаю вамъ возможнаго благополучія; что я пожелалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ быть въ чемъ-нибудь для васъ полезнымъ, и что я съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

С.-Пб. 1810-го, сентября 19-го.

2.

Милостивый государь мой, князь Петръ Андреевичъ!

Чувствительно благодарю васъ за честь, которою ваше сіятельство почтили меня, увѣдомляя о вашей помолвкѣ. Эту честь конечно я заслужилъ по праву только искренней дружбы къ вашему батюшкѣ: почему и не сомнѣваюсь, чтобы вы не были увѣрены о участіи моемъ во всемъ томъ, что относится и до любезнаго его сына ²⁾. И такъ, примите отъ меня искренное поздравленіе съ исполненіемъ вашихъ желаній; примите равномѣрно и нелестное увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, любви и привязанности къ вамъ вашего сіятельства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитріева.

Санктпетербургъ, 1811, сентября 11-го дня.

3.

Покорнѣйше прошу васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, пожаловать ко мнѣ откушать во вторникъ; вмѣстѣ съ старыми пріятелями и новопрїѣзжими иногородцами очень радъ будетъ васъ видѣть искренній вашъ почитатель И. Дмитріевъ ³⁾.

4.

Я сію только минуту возвратился отъ молодаго Сѣверина ⁴⁾, съ которымъ странствовалъ на Воробьевы горы. Не смѣю ласкать себя свиданіемъ съ вами; но буду очень, очень жалѣть, если, не выдавъ другъ друга, разстанемся, и въ такомъ случаѣ прошу васъ принять искренное мое желаніе, чтобы вы благополучно доѣхали и возвратились; поцѣловать за меня Николая Михайловича и сказать мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ, Софьѣ Николаевнѣ и Катеринѣ Николаевнѣ ^{*)}. Сегодня я писалъ къ нимъ чрезъ почту. Всѣмъ сердцемъ васъ обнимаетъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

5.

Хотя

Не занимаяся во вѣкъ о рангахъ споромъ,
Рафаель не бывалъ коллежскимъ ассесоромъ,
но другой вѣкъ, другіе правы, и я отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, съ полученіемъ монаршей милости, не смотря на то, что ваша новая служба убавить, можетъ быть, число наличныхъ по сердцу моему пріятелей ⁵⁾.

Благодарю васъ за доставленіе поэмы Жуковскаго и поздравляю Любителей Россійской Словесности съ хорошею книгою ⁶⁾; поздравимъ и Василья Львовича: вчера онъ прїѣзжалъ ко мнѣ прочесть восемь стиховъ къ графинѣ Пушкиной, которые онъ

^{*)} Карамзины.

называетъ Епвоі, и прочтя ихъ, очень смѣялся ⁷⁾. За тѣмъ свидѣтельствуешь вамъ искреннее свое почтеніе преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

Москва, сентября 5 1817.

6.

Ежели бы это было въ прошломъ году, то рѣшительно сказалъ бы вамъ, любезнѣйшій князь Петровичъ (sic): съ удовольствіемъ буду. Теперь же по неволѣ скажу вамъ съ условіемъ: если не пригласятъ меня къ придворному обѣду. Въ такомъ случаѣ приѣду къ вамъ прямо оттуда. Между тѣмъ поздравляю васъ съ милымъ имениникомъ и съ душевною привязанностію пребуду къ вамъ навсегда преданный Дмитріевъ ⁸⁾.

6 декабря (1817).

7.

Москва. 1818, марта 28.

Не могу извяснить, сколько я привзятеленъ вамъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что вы и посреди ливующей Варшавы вспомнили уединеннаго москвича и даже утѣшили его сообщеніемъ новостей весьма любопытныхъ. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ и прошу одолжать меня и впредь подобными гостинцами. Желалъ бы я видѣть хотя одинъ изъ лучшихъ голосовъ, читанныхъ на Сеймѣ: лучшихъ, разумѣю, по важности предмета или по краснорѣчію ⁹⁾.

Теперь я догадываюсь, отъ чего запилъ добрый староста: *) онъ вѣрно потѣетъ надъ польскими баснями, при помощи Линдева лексикона. Буду передъ нимъ скромничать: авось онъ выдастъ которую-нибудь изъ нихъ за свою въ первомъ собраніи.

Исторія нашего любезнаго историографа у всѣхъ въ рукахъ и на устахъ: у просвѣщенныхъ и профановъ, у словесниковъ и словесныхъ, а у автора уже нѣтъ ни одного экземпляра. Примѣрное торжество русскаго умодѣля!

*) В. Л. Пушкинъ.

Я слышалъ о случившемся съ вами въ дорогѣ, но въ то же время утѣшенъ былъ и тѣмъ, что пропажа отыскана. Желалъ бы, чтобы первое *прояснилось* или послѣднее подтвердилось.

Между тѣмъ, поручая себя въ продолженіе вашей пріязни, съ искреннимъ почтеніемъ и привязанностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ мое искреннее почтеніе и приказать доставить прилагаемое при семъ письмецо Степану Петровичу ¹⁰⁾.

8.

Простите меня, любезный князь Петръ Андреевичъ, что я, вопреки собственному желанію, такъ долго къ вамъ не писалъ. Разныя непріятныя обстоятельства тому причиною. Я имѣлъ несчастіе потерять отца ¹¹⁾, потомъ получилъ извѣстіе о вдовствѣ бѣднаго Сѣверина, который пять мѣсяцевъ только былъ счастливъ. Жена его въ 10 часовъ вечера была здорова и веселѣе обыкновеннаго, а въ два часа ночи ея уже не стало. Онъ и теперь въ глубокой печали. Сказываютъ, что графъ Каподистріа беретъ его съ собою за границу. Можетъ быть, они уже въ дорогѣ.

По отбѣгнѣ двора я совершенно осиротѣлъ въ любезныхъ моихъ собесѣдникахъ. Съ нимъ и послѣдній Жуковской меня оставилъ. Теперь опять самъ-другъ съ княземъ Шаликовымъ. Пушкинъ въ Козельскѣ щупаетъ пульсъ у своей тетуски *), а Сонцевъ въ Каширскихъ дубравахъ груститъ объ отсутствіи К. Н. П...ы и С. С. А. ¹²⁾. Съ любезнымъ Карамзинымъ отчаиваюсь скоро увидѣться. Между тѣмъ, не могу сохранять равнодушія, читая въ *Вѣстникѣ* разныя на счетъ его колкости, и дивлюсь, какъ г. попечитель позволяетъ пропускать ихъ. О критикѣ ни слова, но подшпынивать и оскорблять историографа совсѣмъ неприлично. Увѣренъ, что ни онъ не будетъ отвѣчать, ни другіе за него вступаться, и очень о томъ жалѣю ¹³⁾.

Я благодаренъ вамъ, что вы позволили А. Булгакову сообщать

*) Варвары Васильевны Чичериной.

мнѣ листочки о Польскомъ сеймѣ, но былъ бы еще болѣе благодаренъ, еслибы подарили и меня полнымъ журналомъ. Мнѣ хотѣлось бы дополнить имъ собраніе политическихъ книгъ въ моей библіотекѣ.

За тѣмъ, поручая себя лестной для меня вашей пріязни и свидѣтельству вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Теодоровнѣ искреннее мое почтеніе, навсегда имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1818, августа 5.

P. S. Дашковъ статскій совѣтникъ, а Батюшковъ надворный и въ Неаполь.

9.

Тысячу благодарностей за послѣднее ваше письмо, любезный князь Петръ Андреевичъ, и за обѣщаніе прислать журналъ Польскаго сейма. Я очень желаю имѣть его въ числѣ политическихъ книгъ. По расселеніи друзей моихъ и пріятелей по разнымъ странамъ свѣта Москва сдѣлалась для меня совсѣмъ чужбиною. Боюсь, чтобы Каченовской и вдалась не охолодилъ меня въ ней: онъ рѣшительно посягнулъ на кроткаго исторіографа; хочеть слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ; ученое войско его безъ сомнѣнія будетъ многочисленно, не считая чтецовъ всякихъ книжекъ, которыхъ онъ легко можетъ склонить также на свою сторону. А исторіографа беретса защищать одинъ только Василій Львовичъ своимъ бильбове, яко Давидъ своею пращею!! Всѣ прочіе други и приверженцы прижались съ нѣжностью къ своимъ твореніямъ. Слава и честь безкорыстному, усердному рыцарю!

Шутки въ сторону, кто бы изъ насъ за пять лѣтъ могъ представить себѣ, что Карамзинъ будетъ говорить рѣчь въ торжественномъ собраніи Русской Академіи, которая такъ долго не хотѣла усыновлять его, которой президентъ такъ долго и много писалъ противъ его. А профессоръ Московскаго университета, исвавшій нѣкогда его знакомства, единственно по уваженію его таланта, почитавшій его образцовымъ для себя писателемъ, не клянется быть гонителемъ славы его, и когда же? Въ то время, какъ Франція,

Германія обратили вниманіе свое едвали не въ первый разъ къ русскому автору! Въ то время, когда присный Николая Михайловича, возлюбленный сердцу его родственникъ, благочестивый князь Андрей Петровичъ начальникомъ университета!! ¹⁴).

Не знаю, извѣстны ли вы, что преосвященный Филаретъ и Жуковской предложены къ избранію въ члены Русской Академіи. Вчера получилъ я требованіе моего согласія — разумѣется, что я далъ отъ всего сердца.

Ужели любезный нашъ поэтъ ни разу не настраивалъ въ Варшавѣ отечественную лиру? Я не повѣрю тому, и былъ бы очень радъ, еслибы вы при случаѣ сообщили мнѣ новыя ваши произведенія ¹⁵). Между тѣмъ совѣтовалъ бы вамъ ознакомиться и съ польскою словесностію, а потомъ и насъ познакомить съ ихъ авторами. Краткое ваше обозрѣніе польской словесности было бы любопытнымъ подаркомъ для *Сына Отечества* и его читателей ¹⁶). У насъ только двое начинали писать о польскихъ авторахъ, но къ сожалѣнію, они сами были худые авторы.

Простите, любезный князь, поцѣлуйте за меня ручку княгини Вѣры Федоровны и будьте увѣрены въ искреннемъ къ вамъ почтеніи и привязанности вашего сіятельства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитриева.

Москва. 1818, октября 7-го.

10.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ!

Спѣшу изъяснить вашему сіятельству искреннюю благодарность мою за милос ваше письмо и доставленіе мнѣ книги. Я желалъ имѣть одну реляцію, а получилъ три; можно ли же не быть довольнымъ старому судья, который уже привыкъ требовать *многихъ и крѣпкихъ* доводовъ? Къ тому же еще и съ одой, и съ портретомъ принца съ прострѣленною рукою! .

Еще бѣольшую приношу благодарность за прекрасные ваши стихи, сообщеніемъ которыхъ одолжилъ меня добрый Тургеневъ. Безъ лести скажу вамъ, что я признаю ихъ однимъ изъ лучшихъ вашихъ произведеній: они дышатъ остроуміемъ и всѣми прелестями

позвн. Вы увидите на концѣ письма, которые стихи особенно мнѣ полюбились ¹⁷⁾.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать жалобницы Ласъ-Казаса ¹⁸⁾, не забывая и прежде прошенной книги. Между тѣмъ, избалованный снисхожденіемъ вашимъ, еще покоряѣйше прошу васъ уведомить меня, можно ли въ Варшавѣ купить Dictionnaire historique, par une Societé des gens des Lettres (помнится въ 13 томахъ) послѣдняго изданія; что онъ стоитъ, и можно ли надѣяться вѣрно получить его? *Вѣстникъ Европы* превосходенъ, назидателенъ и русской, а все что-то тянетъ въ иностранной словесности!

Вѣроятно, вы уже прочитали и тотъ № *Вѣстника*, въ которомъ даже вспомнили и *палевоы сливки* ¹⁹⁾: вакая глупая злоба! Карамзинъ имѣетъ свои причины молчать, но нельзя не удивляться, что никто за него ни слова; никто, говорю, изъ тѣхъ, которые смогли бы и должны были острамить буйную дерзость. Гдѣ же возмездіе челоуѣку съ талантомъ за все то, чѣмъ онъ жертвуетъ для пользы и славы отечества. Наша публика еще ребенокъ: долго ли Каченовскому свихнуть ее, если всѣ будутъ предъ нимъ безмолвствовать? Какъ ни скромно вы отзываетесь на счетъ польской словесности, но виновать, я думаю, что въ Варшавѣ болѣе бы нашлось защитниковъ Красинскаго или Нарушевича.

Сколько ни писать, а должно кончить старымъ припѣвомъ: „Когда же мы васъ увидимъ?“ Не хочу желать противнаго вашимъ пользамъ и вкусамъ; но не могу не желать имѣть удовольствіе скорѣе обнять васъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, съ отличнымъ почтеніемъ и искреннею пріязнію навсегда пребуду вашего сіятельства поворнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Москва 1818, ноября 23-го.

Р. С. Прошу васъ поцѣловать за меня ручку княгини Вѣры Ѳедоровны и увѣрить ее въ благодарности моей за сѣмена, равно какъ и въ отличномъ моемъ почтеніи.

Герой! Ты отразилъ ихъ неподвижнымъ взглядомъ,
Готовый пасть на нихъ съ отважной крутизны.

И уstraшенный врагъ зрѣлъ многія Полтавы...
Мужей великихъ прахъ училище гражданъ...
Другіе вознесли, а онъ Россію спасъ...

Ихъ младость превзошла и постыдила древность...
Содвигнулъ и повлекъ (и слѣдующіе за нимъ)—
Привѣтствіе въ Ферней, уставы Самоѣдамъ...
Грядущаго еще не пробужденный сонъ.

Словомъ: полнота, сила, разсудокъ и живопись.

11.

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Чувствительно благодарю васъ за поимку моего бѣглеца, я хотя не богатый помѣщикъ, но право и не догадывался объ его побѣгѣ²⁰⁾; если же радуюсь теперь этому случаю, то потому только, что онъ доставляетъ мнѣ удовольствіе получить отъ васъ письмо, и разрѣшилъ невольное мое молчанье²¹⁾.

Мнѣ давно хотѣлось благодарить васъ за доставленіе послѣдняго протеста оберъ-прокурора двухъ частей свѣта²²⁾. Но не могъ рѣшиться писать, думая, что, можетъ быть, какія-нибудь политическія причины заставили васъ вдругъ прервать переписку со мною. Шутки въ сторону, еслибы совѣсть моя была хотя немного не чиста: еслибы я былъ хотя нѣсколько мнителенъ, то могъ бы подумать, что какой-нибудь почтъ-директоръ шепнулъ вамъ, что я подъ замѣчаніемъ.

Благодарю васъ отъ всего сердца и за изготовленіе ко мнѣ посланія; съ нетерпѣніемъ буду ожидать его, а между тѣмъ прошу васъ менѣ прихотничать и присылать его скорѣе²³⁾. Надѣюсь, что вы подарите меня и второю частью Карлсбадскаго конгресса; по французскимъ газетамъ я вижу, что она уже вышла.

Вѣроятно, любезный Тургеневъ увѣдомилъ уже васъ о торжествѣ историографа и вмѣстѣ о прекрасномъ подвигѣ президента Академіи.

О Како! гдѣ твой ядъ, и гдѣ твоя побѣда...?

NB. Это относится къ обоимъ какамъ.

Жаль, что тупые наши журналисты ни о чемъ не умѣютъ писать. Я чуть не плакалъ, читая въ *Сынъ Отечества* кудрявое и надутое описаніе академическаго собранія. Гречь уступилъ свою обязанность какому-то украинцу, а самъ общается въ этой же

книжкѣ говорить въ слѣдующей о посланіи графа Хвостова, которое уже назвалъ *прекраснымъ*. Одинъ только неизвѣстный угодилъ мнѣ въ *Благонамѣренномъ*: я выписалъ для васъ эту статью, и при семъ посылаю.

Первоклассные московскіе словесники очевидно зачали: между тѣмъ какъ настоятель невскихъ поэтовъ, съ новымъ годомъ получа новыя силы, спускался для насъ въ мрачное царство ископаемыхъ, и вылезъ оттуда съ посланіемъ, налитаннымъ квасцами, кислотворомъ и окисленіемъ ²⁴), настоятель московскихъ *) заключилъ послѣдній день стараго года французскими куплетами, которые онъ въ лицѣ Сатурна разсыпалъ въ маскарадѣ князя Б., а новый встрѣтилъ самъ-другъ съ подагрою и до сихъ поръ не разлучается съ нею. Шаликовъ хотя и сочинилъ поэмку на смерть собачки (въ 6 стихахъ), но болѣе ограничивается четверостишіями, а въ прозѣ статей благотвореній; Измайловъ перепечатываетъ одну старую свою всякую всячину, а Мерзляковъ провѣтриваетъ только въ собраніи Общества старую рухлядь Капниста или усыпляетъ *своимъ* Тассомъ. Было время, что я хвастался московскими литераторами, а теперь пускай хвастается ими Антонъ Антоновичъ ^{24а}).

Я уже совѣщусь, что на старостѣ лѣтъ росписался; и такъ полно. Мысленно цѣлую любезнаго поэта и съ отличнымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, января 26.

Р. С. Милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Фёдоровнѣ прошу васъ сказать мое почтеніе.

Р. С. Исписавъ уже двѣ страницы, узналъ я, что пишу не на чистомъ листѣ. Сдѣлайте милость, простите мою опрометчивость.

На томъ же листѣ *писарскою рукою* написано:

„Сего января 8 дня, Императорская Россійская Академія имѣла второе публичное собраніе, которое отличалось отъ прошлогодняго, какъ занимательностію чтенія, такъ и числомъ посѣтителей. Засѣданіе открылось рѣчью г. президента о цѣли Академіи и

*) В. Л. Пушкинъ.

обязанностяхъ членовъ оной, за симъ секретарь читалъ краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Академіи въ теченіи минувшаго года и переведенную имъ же изъ Тита Ливія рѣчь Аттилія Регула къ Римскому сенату. Далѣе слѣдовалъ прекрасный переводъ В. А. Жуковскаго изъ Овидіевыхъ Превращеній, именно Альціона и Цейкъсъ, который за отсутствіемъ переводчика прочитанъ былъ—съ большимъ искусствомъ—Н. И. Гнѣдичемъ. Наконецъ публика имѣла неизъяснимое удовольствіе слышать многія мѣста изъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго, читанныя самимъ авторомъ и заключающія въ себѣ продолженіе государствованія царя Іоанна Васильевича Грознаго. Картина постепеннаго измѣненія въ нравѣ сего государя, его распутство, его жестокость, угнетеніе народа, гоненіе достойныхъ вельможъ и добродѣтель знаменитыхъ страдальцевъ изображены кистію Тацита. Глубокое молчаніе въ залѣ, умиленіе и даже слезы слушателей свидѣтельствовали торжество таланта; но общій восторгъ обнаружился въ полной мѣрѣ, когда президентъ, по единогласномъ утвержденіи Академіею предложенія его поднести почтенному историографу большую золотую медаль, вручилъ ему оную. Всѣ посѣтители встали, громкія рукоплесканія раздались въ залѣ и продолжались нѣсколько минутъ. Случай первый у насъ въ своемъ родѣ, день незабвенный въ лѣтописяхъ Академіи и, можетъ быть, въ сердцѣ того, кто былъ виновникомъ столь искренняго и единодушнаго восторга". II.

12.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевич!

Сегодня только я имѣлъ удовольствіе получить чрезъ А. И. Тургенева варшавскіе ваши гостинцы, которымъ для меня придаетъ еще большую цѣну постоянное доказательство вашей ко мнѣ пріязни. Вамъ я обязанъ многими пріятными часами въ вечернемъ моемъ уединеніи.

Между тѣмъ, признаюсь вамъ, любезнѣйшій князь, что мнѣ совѣстно получать такъ часто отъ васъ гостинцы, хотя и весьма для меня возжелѣнные, зная, что у васъ нѣтъ собственной французской типографіи. Со всею моею признательностію къ вамъ я желалъ бы, чтобъ вы позволили мнѣ переводить къ вамъ чрезъ

А. И. Тургенева отъ времени до времени до ста рублей на покупку брошюръ и другихъ сочиненій, не превосходящихъ двухъ томовъ. Мнѣ самому смѣшно послѣднее условіе: но я долженъ спѣшить насыщеніемъ себя разнообразнымъ чтеніемъ, ибо по многому примѣтно, что и смерть спѣшить ко мнѣ съ своимъ приговоромъ. Ежели бы вы приняли снисходительно мое предложеніе, въ такомъ случаѣ я просилъ бы васъ означать цѣну на каждой книгѣ, дабы я могъ по исходѣ суммы, опять переслать такую же. Что же касается до выбора: я совершенно довѣряю въ томъ вашему вкусу.

Я не успѣлъ еще приняться за ваши книги, но увѣренъ заранее, что онѣ вознаградятъ меня за скуку и досаду, съ которыми слушаю нашихъ скальдовъ и юристовъ съ вралистами въ собраніи Любителей Словесности или читаю *Вѣстникъ Европы*. Совѣтовалъ бы пресловутому издателю съ будущимъ годомъ назвать его: *Коробка съ иноземнымъ товаромъ и кой-какими крохами домашняго издѣлья*. Московскіе недоброжелатели Карамзина продолжаютъ надъ нимъ свои насмѣшки. Даже начали перечитывать *Московский Журналъ* и вытаскивать оттуда фразы и его реченія ²⁵). Такимъ образомъ, кто-то изъ московскихъ угодниковъ Каченовскаго напечаталъ въ 4 № *Благонамѣреннаго* разсказъ Лужницкаго старца ²⁶). Но мнѣ самому скучно и совѣстно занимать васъ нашими литературными плюгавцами. И такъ, прекращаю свидѣтельствомъ душевнаго къ вамъ моего почтенія, съ которымъ былъ и навсегда пребудетъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, марта 8-го.

P. S. Когда-то вы порадуете меня вашимъ посланіемъ?

P. S. Увѣренъ, что вы не подосаждаете на мою искренность: мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы поправили этотъ стихъ:

За то, что и толпы etc.

Не лучше ли сказать: *затѣмъ-то и толпы*, или какъ-нибудь иначе.

Да еще послѣднее полустигше: „союзомъ съ славой твердымъ“. Мнѣ кажется, оно не связывается ни съ первымъ полустигшемъ, ни съ послѣдующимъ стихомъ.

Еще повторю, не подосаудите на мою искренность: она происходитъ единственно отъ того, что я, искренно любя вашу поэзію, хочу ей возможнаго совершенства ²⁷).

13.

Москва. 1820-го, марта 16 дня.

Отъ всего сердца спѣшу принести вамъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, чувствительную благодарность мою за прекрасную вашу эпистолю и за вашу ко мнѣ благосклонность, весьма для меня лестную. По моему патриотизму, по моей еще непогасшей любви къ изящной словесности и ненависти ко всему плоскому и подлому, могъ ли бы я утерпѣть, чтобъ такъ долго падить господство у насъ худого вкуса, покровительствуемаго ценсурою, невѣжество многихъ читателей, вѣрующихъ всему, что ни скажутъ Каченовскій и Мерзляковъ? Давно бы я одурачилъ нашихъ книгопродавцевъ и покаралъ составителей сборниковъ, называемыхъ у насъ журналами; но, увы! всему есть *одна* только пора; моя уже прошла, и мнѣ остается одна только надежда на силу истиннаго таланта, который вопреки ученыхъ кафедръ, возстающихъ на него журналистовъ и раболѣпнаго стада слушателей и читателей, идетъ безвредно своимъ путемъ и все превозмогаетъ ²³).

Въ IV книжкѣ *Благонамѣреннаго* напечатаны рассказы Лужницкаго старца, въ которыхъ выставлены многія фразы изъ *Московского Журнала*. Не слядя съ Исторіей, начали тормозить Русскаго путешественника!! ²³).—Но мнѣ даже стыдно продолжать о томъ.

Простите, любезный князь! Вѣрьте искреннимъ чувствамъ отличнаго почтенія, которыя навсегда къ вамъ сохранить преданный вамъ И. Дмитриевъ.

14.

Спѣшу доставить при семъ къ вашему сіятельству и *Вѣстникъ Европы*; онъ не мой, а князя Шаликова, который въ запискѣ своей ко мнѣ говоритъ, что Каченовскій пропустилъ все то, что относится къ чести и славѣ Карамзина. Надѣюсь, что посланные отъ меня вчера листочки французскихъ газетъ, печатные и рукописные, еще застали въ Москвѣ. Будьте здоровы, подвизайтесь съ

Божью помощью и возвращайтесь къ намъ съ новымъ произведе-
ніемъ. Вашего сіятельства искренній почитатель и покорнѣйшій слуга
Дмитріевъ ³⁰⁾.

Маія 6-го.

15.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Между тѣмъ какъ петербургскіе ваши пріатели обрадованы ва-
шимъ пріѣздомъ ³¹⁾, я только долженъ радоваться тому, что по край-
ней мѣрѣ письмо мое дошло до васъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ. Завидую
петербургскимъ нашимъ пріателямъ, а вы потужите обо мнѣ, что
я уже другой годъ сиротствую въ кучѣ парнасскихъ инвалидовъ.
Ихъ только наслаждаюсь бесѣдою, да и то рѣдко. Благотворное
лѣто подняло ихъ на ноги: всѣ развозились, даже и Василій Льво-
вичъ сталъ молодцомъ: неразлученъ съ вѣрнымъ своимъ штабсъ-
капитаномъ княземъ Шаликовымъ, котораго при семъ препро-
вождается посланіе, самое свѣжее, то на бульварѣ, то въ Петров-
скомъ etc. Юнѣйшіе инвалиды послѣдуютъ по стезямъ ихъ, и я
всѣми оброшенъ.

Вы раздражили мое любопытство, и я нетерпѣливо буду ожи-
дать вашего посланія о зависти. Между тѣмъ, обнимая васъ въ
мысляхъ, съ искреннѣйшимъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего
сіятельства покорнѣйшимъ слугою. И. Дмитріевъ.

Скажите Александру Ивановичу мое почтеніе. Буду писать
къ нему съ будущею почтою, а теперь не успѣлъ.

16.

Хотя и грустно, что я обманулся въ надеждѣ увидѣть васъ
въ Москвѣ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, но
поздравляю васъ отъ всей души съ новорожденнымъ сыномъ. Да
будетъ онъ утѣшеніемъ и жезломъ маститой старости любезнѣй-
шаго, природнаго поэта ³²⁾.

Чувствительно благодарю васъ за доставленіе мнѣ двухъ лю-
бопытныхъ брошюръ; благодарю тѣмъ болѣе, что вы не пожа-
лѣли для меня и своей собственности. Брошюры Прада и Кон-

стана переживуть многія книги. Они, конечно, не оракулы, но оба очень умны, и первый обольщает притомъ острою и какою-то оригинальною своего слога. Надѣюсь, что вы доставите мнѣ и заключеніе его объ испанскихъ дѣлахъ, равно какъ и вторую часть Записокъ Бенжамена Констана. Желалъ бы я также получить отъ васъ процессы Занда и Лувеля³³), единственно въ отношеніи къ краснорѣчію адвокатовъ и прокуроровъ. Я по сю пору не могъ еще охладѣть къ судебному краснорѣчію. Мы въ этомъ родѣ еще ничего образцоваго не имѣемъ. Не лишайте меня и парнасскихъ самыхъ свѣжихъ букетовъ, пуще всего изъ вашего Партера. Когда же я дождусь посланія къ Лужницкому Фрерону³⁴).

Каталани уже два раза пѣла и изумляла. Теперь въ честь ея переключаются наши соловьи: староста Пушкинъ и князь Шаликовъ, одинъ по французски, другой по русски³⁵).

Закрываю свидѣтельствомъ вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ искренняго почтенія, которое навсегда сохранитъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, іюля 24-го.

17.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, за доставленіе рѣчи и какой-то книги, о которой предварилъ меня Тургеневъ. Но увы! она зашла у Николая Михайловича *), и я вѣждую почту жду, и не дождуся! Сдѣлайте милость присылайте впередъ прямо ко мнѣ. Я думаю, вѣрнѣе всего на имя Константина Яковлевича Булгакова³⁶).

Здѣсь пусто и скушно. Солнце въ утомительномъ ожиданіи камерюнкерства³⁷). Пушкинъ все еще развозитъ по уѣзду катрени свой къ Каталани, а Шаликовъ объѣлся у Солнцева въ деревнѣ и возвратился съ лихорадкою. Не знаю, дошли ли до васъ ихъ катрени. Вотъ третій:

Что Шаликовъ сказалъ въ газетахъ Каталани?

Что у него языкъ присохъ къ гортани.

Безмолвствовать: вотъ дань тебѣ!

*) Карамзина.

А Пушкинъ что промолвилъ ей?

Что у него глаза и пара есть ушей.

До свиданья, любезнѣйшій поэтъ. Не оставляйте вашимъ воспоминаніемъ сираго старика Дмитріева.

Не оставьте прислать къ нему и актъ Польскаго сейма.

Москва. 1820, сентября 19.

18.

Петербургскіе мои друзья и пріатели мѣшаютъ мнѣ пользоваться вполнѣ вашимъ благодѣяніемъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ: изъ числа посланныхъ отъ васъ книгъ я только получилъ *первую* часть Бенжамена Констана о Стодневномъ правленіи; катихизисъ Прадта; *Annuaire de Peinture* 1819 года, который теперь у меня вдвойнѣ, ибо я давно уже его имѣю, и *de l'affaire de la loi des élections*; а двѣ книги хотя и возвѣщены мнѣ Тургеневымъ, но одна (*Mémoires pour servir à l'histoire etc.*) осталась, по его словамъ, у Карамзина, а другая, по его же словамъ, какой-то Флери (вѣрно, не старый знакомецъ кардиналъ) оставленъ у него или Карамзина до будущихъ почтъ; о новыхъ же *Mémoires sur les Cent jours par Corbulon* даже и не упоминаетъ. И такъ вы видите, что любопытнѣйшія сочиненія они придерживаютъ у себя для прочтенія, а спѣшатъ только пересылать ко мнѣ брошюры. Нельзя ли придумать лучшія средства для вѣрнѣйшаго доставленія.

Если еще не переслана была ко мнѣ (ибо я получилъ только первую часть) *Mémoires sur les Cents jours par B. Constant*, то сдѣлайте одолженіе снабдите меня и послѣднею, то-есть, второю частію. Между тѣмъ, приношу вамъ чувствительную благодарность не только за полученныя, но и не дошедшія, книги и прошу васъ впередъ присылать ко мнѣ такія только книги, которыя, по мнѣнію вашему, не могутъ быть у московскихъ книгопродавцевъ, или о которыхъ я самъ буду просить васъ. Это для того, чтобъ вамъ не покупать тѣхъ книгъ, которыя куплены уже самимъ мною, въ числѣ коихъ *Notice sur M-me de Staël-Holstein par M. de Staël-Saussure* и *Histoire de la chute de l'Empire de Napoléon par Labaume*.

Добрый староста *) наконецъ возвратился изъ уѣзда бодръ духомъ и тѣломъ: прочиталъ у меня всѣ статьи изъ 6 французскихъ газетъ объ Исторіи Карамзина, прослезился отъ умиленія и унесъ ихъ съ собою, давъ мнѣ слово пріосанясь, что онъ, одушевляясь ими, непременно что-то напишетъ на счетъ нашихъ литераторовъ и пошлетъ въ *Сынъ Отечества*—чтобы получить вѣрный отвѣзъ. Пусть онъ пишетъ, а я всетаки желаю, чтобъ становъ вашъ былъ не празденъ, и начатое было доточено ³⁸).

Давно бы пора намъ ознакомиться съ польскою словесностью, и я очень желаю видѣть ваши нотисы. Поляки были первые наши учителя, ибо отъ нихъ начались въ Малороссіи школы; да и теперь могутъ служить намъ поощрительнымъ примѣромъ въ учености, вообще въ просвѣщеніи ³⁹). Кстати объ нихъ: надѣюсь, что вы не лишите меня удовольствія видѣть въ свое время *Журналъ* и нынѣшняго сейма.

Прощайте, любезнѣйшій поэтъ, продолжайте ваше доброе ко мнѣ расположеніе и вѣрьте искреннимъ чувствамъ отличнаго почтенія, съ которыми навсегда имѣетъ честь къ вамъ пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, сентября 26.

19.

Москва. 1820, октября 18-го.

Милостивый государь и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Наконецъ я получилъ записки Флѣри де Корбюлона, и отъ всего сердца благодарю васъ за эту книгу. Она заставила меня провести нѣсколько уединенныхъ вечеровъ съ большимъ удовольствіемъ. Разлакомясь по вашей дружбѣ чужеземнымъ добромъ, я прѣшу васъ постараться о доставленіи ко мнѣ 1) Manuscrit de S-te Hélène. 2) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Bonap. 3) Jugement impartial sur Napoléon par Asais. 4) Histoire sur le sac de Rome par Giardini. 5) Mémoires sur la vie etc. de Suard par Ga-

*) В. Л. Пушкинъ.

gat и еще двухъ старинныхъ книгъ, если вамъ удастся ихъ отыскать: 1) *La relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle vers Leurs Majesté Alexey Michailovits etc.* Amsterdam. 1669. 2) *Etat présent de l'Empire de Russie, par le capitaine Margeret.* Paris. 1669. Какъ бы я былъ доволенъ, еслибы вы доставили мнѣ всѣ эти книги, особливо послѣднія!

Я не пишу къ Сѣверину, полагая, что уже нѣтъ его въ Варшавѣ: ибо въ однѣхъ изъ французскихъ газетъ (*La Quotidienne*) пишутъ, что онъ проѣхалъ чрезъ Дрезденъ въ Мадридъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Увѣдомьте, правда ли это. Если же онъ въ Варшавѣ, то прошу за меня поцѣловать его. Татищевъ⁴⁰) мнѣ сказалъ, что онъ ничего объ немъ не слышитъ.—Чуть не позабылъ поблагодарить васъ и за двѣ послѣднія рѣчи, которыя вчера получилъ, но еще не успѣлъ прочитать.

Что скажете вы о нашемъ „Русланѣ“, о которомъ такъ много кричали? Мнѣ кажется, это педоносовъ пригожаго отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу въ немъ очень много блестящей поэзіи, легкости въ разказѣ: но жаль, что часто впадаетъ въ *бурлескъ*, и еще больше жаль, что не поставилъ въ эпиграфъ извѣстный стихъ съ легкою перемѣною: *La mère en défendra la lecture à sa fille.* Безъ этой предосторожности поэма его съ четвертой страницы выпадетъ изъ рукъ доброй матери⁴¹).

Равно сожалѣю и о томъ, что наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво. Воейкова замѣчанія почти всѣ справедливы; но въ этомъ случаѣ и онъ сравнялся съ прочими. Для нихъ всѣ равны: и Пушкинъ, и Катенинъ, и Карамзинъ, и звенигородской городничій Микешинъ⁴²).

А вы пожалуйста о нашихъ московскихъ поэтахъ и пріятеляхъ. Князь Шаликовъ возвратился изъ уѣзда больной, и не на шутку. Вскорѣ потомъ и Пушкинъ столкнулся опять съ подагрой. Вы можете представить хлопоты Антона Антоновича *): на нихъ только и была надежда къ первому засѣданію словесниковъ.

Придется и кончить сожалѣніемъ, что не могу сообщить вамъ лучшихъ вѣстей. Между тѣмъ искренно желаю скорѣйшаго съ вами

*) Прокоповичъ-Антонскій.

свиданія и пребуду навсегда съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Р. S. Получили ли вы и Д. П. Сѣверинъ послѣднія мои письма, въ которыхъ я просилъ, не помню васъ или его, о печати. Взгляните на мою и жальтесь надо мною и здѣшними рѣщиками.

20.

Декабря 6-го 1820-го. Москва.

Тысячу благодарностей, любезнѣйшій князь и поэтъ, за три книжки. Я уже имѣлъ удовольствіе получить ихъ отъ княгини. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ процессъ Прадта. Я всегда любилъ читать сочиненія такого рода—въ отношеніи къ діалектикѣ и краснорѣчію. Ради Аполлона, постарайтесь скорѣе утѣшить меня присылкою *Mémoires de Garat sur la vie et les écrits de Suard*. Карамзинъ раздражилъ мое любопытство. А здѣшній дуравъ книгопродавецъ Риссъ, хотя и недавно пріѣхалъ изъ Парижа, но ничего не привезъ изъ новостей (даже ни одного *almanach*) кромѣ „*Corbeilles des fleurs*“, „*Le langage de fleurs*“, романовъ и Якова Бема съ товарищи.

Относительно нашей словесности я утѣшаюсь только увѣреніемъ французскихъ журналовъ, что и у насъ есть *авторъ*, и ожиданіемъ девятаго тома, а наши журналисты всѣми силами стараются открыть намъ глаза на счетъ Хвостова. Въ *Невскомъ Зритель* говорятъ, что отнынѣ должно раздѣлять оды на Гораціанскія, Ломоносовскія, Петровскія, Капнистовскія, Хвостовскія. Словомъ онъ ихъ геній. Да здравствуетъ терпѣніе! Дождался и онъ цвѣтущаго времени нашей словесности. Защитники его журналисты, какіе-то Кругликовъ, Снитвинъ, Георгіевской, утверждаютъ, что онъ отличается предъ прочими силою въ мысляхъ и точностію въ выраженіи оныхъ. Жаль, что не привели въ примѣръ чувства, *превращенныя въ прахъ, голубка съ зубами, возла съ свиною тушею* и пр. Какое ободреніе для талантовъ! ⁴³).

Пишу въ день именинъ историографа: утѣшимся и поздравимъ другъ друга съ ними. Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитріевъ.

21.

Не могу изъяснить вамъ, любезный князь, сколько вы одолжили меня присылкою книги, такъ давно ожидаемой мною. Отъ всего сердца благодарю васъ за нее, равно и за пріятную надежду остаться въ неотъемлемомъ обладаніи *Азаисомъ*⁴⁴). Всегда хочу васъ видѣть, теперь еще нетерпѣливѣе, чтобъ еще поблагодарить васъ лично и насладиться вашей бесѣдою. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ есмь и буду преданнѣйшимъ вамъ Дмитріевъ Р. S. Прошу васъ при случаѣ сказать о цѣнѣ книги.

22.

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Чувствительно благодарю васъ за табакерку съ хартіей и за двѣ книги, которыхъ я такъ давно добивался. Первый разъ въ жизнь мою получилъ я подарки для новаго года, которые для меня тѣмъ милѣе, что получилъ ихъ отъ двухъ отсутствующихъ и любимыхъ мною болѣе всѣхъ наличныхъ въ Москвѣ. Ваши на канунѣ, а отъ Сѣверина лондонскую печатку—въ самый день новаго года.

Съ старымъ годомъ мы распрощались съ подобающею честію въ маскарадѣ княгини А. А. Голицыной⁴⁵), а новый—послѣ перваго привѣтствія отъ ветхаго князя Шаликова, которое конечно раздается во всѣхъ концахъ Россіи, будемъ праздновать сегодня у П. Е. Татищевой или у Маріи Степановны⁴⁶); но я отпраздную его искренно въ тотъ день, когда увижусь съ вами. Между тѣмъ всею душою желаю вамъ въ продолженіи онаго всевозможнаго благополучія. Мысленно васъ обнимаю и съ отличнымъ почтеніемъ и привязанностью пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Р. S. Сколько я радъ, что вы сдержали слово, столько жалѣю, что не прислали прежде ко мнѣ, нетерпѣливо желаю увидѣть посланіе ваше *) въ *Сынъ Отечества*—вы меня разсмѣшили новымъ прозвищемъ Прадту⁴⁷).

Москва. 1821, января 2-го дня.

*) Къ Каченовскому.

23.

Отъ всего сердца благодарю любезнѣйшаго князя-поэта и автора за довѣренность. Я принялъ смѣлость замѣтить только два-три слова. Впрочемъ, все и думано, и писано прекрасно и справедливо.

Я и самъ сегодня написалъ бездѣлку на счетъ журнальныхъ ссоръ и хулителей Карамзина. Хотѣлъ было ⁴⁸⁾ посылать къ вамъ, но удержусь до перваго съ вами свиданія. Преданный вамъ Дмитріевъ.

Четвергъ.

24.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій мой поэтъ, за письмо ваше, отъ 17-го минувшаго мѣсяца, и винюсь передъ вами, что не упредилъ васъ моимъ письмомъ. Давно горѣлъ желаніемъ писать: но все ожидалъ, какое будетъ послѣдствіе вашей эпистолы... Наконецъ могу васъ увѣдомить, что эпистолу вашу одинъ Пушкинъ *) *всѣмъ и каждому въ клубѣ* читаетъ, брызжеть и всхлипываетъ отъ умиленія; другой Пушкинъ ⁴⁹⁾ не апробуетъ, вѣроятно, потому только, что встрѣчаетъ въ ней имя, давно ему противное; московскій поэтъ В... ⁵⁰⁾ того же мнѣнія; а Каченовскій напечаталъ ее въ третьей книжкѣ своего Сборника и прибавилъ къ ней свои замѣчанія, съ которыхъ препровождаю къ вамъ при семъ копію ⁵¹⁾.

Что же касается до меня, то вы отгадываете, что я читалъ ее еще съ большимъ чувствомъ и удовольствіемъ, нежели съ какимъ обыкновенно читаю ваши произведенія; отгадаете также и причину тому. Отъ начала до конца ведена прекрасно; полна разсудкомъ и острою (а не *остротами*, какъ говорятъ петербургскіе авторы) и поэзіей. Сожалѣю только, что не удалось увидѣть ее прежде печати: тогда бы я попросилъ васъ сдѣлать самыя легкія поправки въ трехъ и четырехъ стихахъ, не болѣе. А именно: подъ *острие*

*) Василій Львовичъ.

тугого жала. Шепетильный — насмѣшки острыя, etc. Я примѣтилъ, что многіе, читая сіи два стиха, останавливаются и не скоро схватываютъ мысль вашу. Также убѣдительно прошу васъ, какъ старшій и присяжный риемачъ, не пренебрегать исправными (по технически) *богатыми* риемами. Кончу тѣмъ, что цѣль вашей эпистолы дѣлаетъ честь вашему благородному сердцу, а исполненіе — вашему дарованію. Вчера я писалъ къ Карамзину и шутилъ на счетъ сдѣланнаго ему сюрприза. Вѣрно, вамъ не миновать журбы его *). Но да постыдятся Батюшковъ и Жуковскій! Они не имѣли вашей энергіи подать *по авторски* явно свой голосъ въ пользу перваго нашего автора; они оробѣли возстать на его оскорбителя, а не критика, — оробѣли потому только, чтобы самимъ не попасть подъ его критику. А имъ надлежало поступить иначе: публика наша еще сама на себя не полагается. Смѣлость *въ печати* всегда покоряетъ ее. Прибавьте къ тому, какое направленіе даетъ это малодушное молчаніе, съ одной стороны, и наглое оскорбленіе талантовъ, съ другой, незрѣлымъ умамъ юношества. Какое развращеніе будетъ для вкуса, сколько еще прибавится у насъ пачкуновъ въ литературѣ!

Очень, очень благодарю васъ и за книгу; началъ только читать ее. Попросилъ бы я васъ доставить мнѣ еще два Падтова сочиненія: 1) *Memoire historique sur la Révolution d'Espagne* и 2) *De Révolution d'Espagne*, также и *Biographie pittoresque de députés*.

Но пуще всего желаю, какъ можно скорѣе, обнять васъ и лично увѣрить въ признательности и въ душевномъ почтеніи, которое навсегда къ вамъ сохранить вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ ⁵²).

Р. С. Ради Феба постарайтесь вѣрнѣе и скорѣе доставить прилагаемое при семъ письмецо къ Сѣверину.

Москва. 1821 февраля 3-го.

25.

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Вручитель сего сынъ сенатора князя Алексѣя Алексѣевича

*) См. *Старина и Новизна*. С.-Пб. 1897, отд. второй, стр. 109.

Долгорукова. Онъ дѣлаеть еще первый шагъ въ свѣтъ, и при томъ на чужой сторонѣ, почему покорнѣйше прошу васъ принять его подъ свое покровительство и дозволить ему начать свою свѣтскую службу въ вашемъ сообществѣ. Кажется, что онъ имѣеть добрыя качества и умѣлъ воспользоваться отцовскимъ стараніемъ о его воспитаніи. Желалъ бы, чтобы онъ, пользуясь вашею благосклонностью, сберегъ то, что имѣеть, и еще болѣе усовершилъ себя. Между тѣмъ, съ душевнымъ почтеніемъ и привязанностью имѣю честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1821, февраля 19 дня.

26.

(1821).

Вчера я отвѣчалъ вамъ слишкомъ наскоро, милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ, и поудержался послать вамъ книгу; послѣ же, прочтя въ другой разъ ваше писмецо, самъ себя осудилъ. Итакъ, сдѣлайте милость, скажите мнѣ, нужна ли вамъ необходимо эта книга, такъ я, не смотря на то, что у меня теперъ всѣ шкапы одинъ другимъ завалены, постараюсь ее вытащить и непременно къ вамъ доставить. Право, я совѣщусь, что, принявъ нѣкоторыя ваши слова сперва за шутку, не удовлетворилъ вашему требованію. Въ ожиданіи вашего отвѣта свидѣтельствую вамъ искреннее мое почтеніе и пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ⁵³).

27.

(1821⁵⁴).

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, хотя ворота и были на запорѣ, по примѣру сосѣдки моей Гурьевой, но правила гостепріимства ни мало не были нарушены: мнѣ тотъ часъ дали знать о вашемъ прибытіи, и я велѣлъ просить; надѣлъ снова парикъ и вафтанъ и нѣсколько минутъ оставался въ пріятномъ ожиданіи, какъ пришли мнѣ сказать, что вы будто, не смотря на густой ту-

манъ, поглядѣли на часы и приказали вашему экипажу отступить далѣе. Передъ тѣмъ я лишь только разстался съ графомъ Румянцовымъ *), съ сенаторомъ Малиновскимъ **), адмираломъ Саблиннымъ ⁵⁵⁾, съ комендантомъ Веревкинымъ ⁵⁶⁾, поэтомъ Волковымъ ⁵⁷⁾ и прозаикомъ Пименовымъ ⁵⁸⁾. Очень жаль, что напала раздумчивость на любезнѣйшаго поэта, съ которымъ мнѣ пріятно бесѣдовать вездѣ и во всякое время. Преданный вамъ Дмитриевъ.

Четвергъ.

28.

(Сент. 1821).

Препровождаю при семъ къ вашему сіятельству 8 и 9 № *Вѣстника Европы* и, какъ неблагодарный и заворенѣлый въ худой привычкѣ, прошу васъ опять не задерживать ихъ долго у себя, хотя они и мнѣ не больше нужны, какъ для исправной сдачи наслѣдникамъ; но порядокъ и привычка сильное дѣло. Всѣмъ сердцемъ обнимаетъ васъ Дмитриевъ.

29.

Простите меня, любезный князь, что я задержалъ ваши брошюры и даже позабылъ благодарить за нихъ въ моей запискѣ. Отъ всего сердца исполняю теперь и то, и другое. Вмѣстѣ съ брошюрами препровождаю при семъ изъ Петербурга Измайлова ⁵⁹⁾. Получа такъ скоро *Вѣстникъ*, мнѣ уже и совѣстно, что я напоминалъ вамъ о возвращеніи онаго. Бѣдный Пушкинъ въ хлопотахъ: третьяго дня очень рано засталъ его въ слезахъ, хотя и въ красной рубахѣ: онъ лишился старшаго своего брата, умершаго скоропостижно ***). И плачетъ, и сердится на Солнцева, что онъ отлучкою своей взваливаетъ на него всю обузу погребальнаго обряда. Право пора въ Москву. Преданнѣйшій вамъ Дмитриевъ.

29 сентября 1821.

*) Вѣроятно, графъ Сергѣй Петровичъ.

***) Алексѣй Фёдоровичъ.

***) Петра Львовича.

30.

Извините, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что я не могу возвратить къ вамъ книги *Jugement impartial sur Napoléon* *), а прошу васъ прямо сказать цензурному комитету, что эту книгу купили вы по моему порученію для меня и тогда же ко мнѣ переслали. Я не отопрусь отъ того, если комитетъ меня спросить. Очень сожалью, что въ нынѣшній прїѣздъ вашъ не удалось мнѣ съ вами видѣться. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Ивѣпъ Дмитріевъ.

Москва. 1821, октября 7-го.

31.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Извините меня, что я рукопись вашу оставилъ у себя до свиданія съ вами, чтобъ еще прочитатъ вмѣстѣ. Ни слова не скажу о моей къ вамъ признательности: она трепетала въ груди моей и обпаружилась въ глазахъ, когда я читалъ вашъ отрывокъ, а на словахъ не изъяснима. Но въ то же время, признаюсь вамъ, совѣстился, что вы умѣли искусить меня. Строгость характера требовала бы отъ меня, не знать ничего прежде публики ⁶⁰).

Препровождаю къ вамъ при семъ *И мои бездѣлки*. Отъ меня было одно только изданіе, а другое было, какъ увѣряютъ меня, безъ моего вѣдома, и вѣроятно: ибо печатали здѣсь, а я жилъ въ Петербургѣ ⁶¹).

Сообщаю также и отрывокъ изъ письма Жуковскаго. Какъ я доволенъ, что къ его слову присоединится и ваше о моемъ другѣ, еще болѣе благодарителъ! Онъ не могъ передать мнѣ прекрасной души своей: по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ отвращалъ меня отъ всего низкаго.

Присовокупляю къ сему и объясненія на ваши вопросы: *Ө. И. Козлятевъ* служилъ со мною гвардіи въ Семеновскомъ полку

*) Азаиса.

до полковничества, а при пожалованіи въ генераль-маіоры переведенъ былъ въ Преображенскій полкъ, изъ котораго, дослужась до генераль-лейтенантовъ, пошелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Я былъ еще сержантомъ, а онъ подпоручикомъ, когда началось наше знакомство. Нѣсколько лѣтъ я только слушалъ судъ его о русской словесности, всегда основанный на строгомъ вкусѣ; пользовался его французскою библіотекою и читалъ старыя и новѣйшія произведенія французской литературы, особенно имъ одобряемыя, чаще же всего учебныя, но собственныхъ моихъ стиховъ не смѣлъ ему показывать, равно какъ и брату моему ⁶²⁾, о которомъ упомянулъ Карамзинъ въ *Московскомъ Журналь*. Козлятевъ сталъ знать ихъ вмѣстѣ съ публикою со времени *Московскаго Журнала*, хотя и въ немъ, равно какъ и въ послѣдующихъ, я не ставилъ моего имени, а означалъ только буквой И. или тремя звѣздочками; но тогда я отъ него уже не тайлся, изъ живѣйшей благодарности за его искреннее участіе въ посильныхъ моихъ успѣхахъ. Могу сказать, что въ продолженіи нашего знакомства мы были почти всякой день неразлучны. Даже и тогда, когда онъ при императорѣ Павлѣ всегда озабоченъ былъ военною службою, а я по званію оберъ-прокурора сенатскими дѣлами, рѣдко проходилъ вечеръ, чтобъ онъ послѣ вечерней зари, не смотря на дальнее разстояніе нашихъ жилищъ, не пріѣхалъ ко мнѣ и не пробылъ у меня до поздней ночи. Знаю самъ, что нѣсколько строкъ написалъ лишнихъ, но говоря объ миломъ сердцу, невольно скажешь больше, нежели надобно.

Въ молодости и онъ писалъ стихи, но мнѣ ихъ не показывалъ. Вѣроятно, были и переводы, можетъ быть, и напечатанные, безъ его имени. Необыкновенная скромность его, однажды только въ счастливую для меня минуту, позволила ему показать мнѣ прекрасный переводъ его Тибулловой элегіи на смерть Галла, если не ошибаюсь, или послѣдняго на смерть перваго, право не помню ⁶³⁾. Между тѣмъ, и послѣдняя страница дописана. Всѣ причины имѣетъ кончить и пожелать скорѣйшаго съ вами свиданія любящій васъ всею душою Иванъ Дмитріевъ.

Москва, ноября 10-го, 1821.

32.

Съ удовольствіемъ готовъ обѣдать съ вами, любезный князь Петръ Андреевичъ, обѣдать во вторникъ съ вами у Василья Львовича *). Живописанный портретъ у П. П. ⁶⁴⁾ еще менѣе похожъ, нежели этотъ, а гравированный имъ столько же пакостенъ, какъ и выданный, при образцовой неопрятницѣ обоихъ изданій. И такъ, не лучше ли дожидаться конца Гереновой работы? Ежели не сходенъ, то можно заказать другому. По крайней мѣрѣ этотъ расположенъ и отработанъ съ довольнымъ вкусомъ. Съ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Декабря 11-го 1821.

33.

Возвращая вамъ при семъ, любезнѣйшій князь, журналъ и газеты, приношу благодарность вамъ мою и покорнѣе васъ прошу выслать для меня изъ *Варшавы*: 1) *Annuaire Nécrologique à commencer de 1820* и 2) *Mémoires sur le 18 siècle—mémoires de l'abbé Morlet, deux vol. in-8*. Чувствительно симъ одолжите преданнаго вамъ Дмитріева.

Ноября 29.

34.

(1821).

Съ благодарностью возвращаю вамъ, любезнѣйшій князь, французскій журналъ съ газетами и убѣдительно прошу васъ выписать на мой счетъ изъ Варшавы: 1) *Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte Hélène etc.* 2) *Nécrologie ou Biographie de 1821*. Чувствительно симъ одолжите преданнѣйшаго вамъ Дмитріева.

Понедѣльникъ.

35.

Милостивый государь мой и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

По приѣздѣ сюда, одна изъ главныхъ заботъ моихъ была

*) Пушкина.

скорѣе извиниться и оправдать себя передъ вами: я ждалъ отъ васъ писемъ съ ранняго утра до самыхъ вечерень. Наконецъ, получилъ ихъ тогда, когда уже все было натискано въ мой дормезъ, и я уже начиналъ послѣдняго себя втискивать. Признаюсь вамъ, любезный князь, что сколько я не люблю васъ, но уже не въ силахъ былъ возвыситься до такого эронизма, чтобъ снова начинать мою работу, которая могла бы протянуться до самой ночи по неловкости моихъ спутниковъ, еще неопытныхъ въ дорожномъ дѣлѣ. Я уже винился въ томъ передъ К. А. и Н. М. (Карамзиними), которые довольно меня журили, а теперь прошу христіанскаго прощенія отъ моего біографа. Пускай онъ внесетъ эту черту когда-нибудь во второе изданіе, если захотятъ онымъ почтить мою память, лишь бы не пересталъ любить меня и считать добрымъ человѣкомъ.

Я живу здѣсь на мой манеръ очень пріятно. Наслаждаюсь свиданіемъ съ друзьями и доволенъ ласкою старыхъ знакомцевъ. Видѣлъ почти всѣхъ нашихъ поэтовъ и отыскалъ мои ноги. Наконецъ, свидѣтельствую вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ искреннее мое почтеніе, съ которымъ навсегда имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга. Иванъ Дмитріевъ ⁶⁵).

С. Петербургъ. Іюля 9 (1822).

Р. С. Гнѣдичъ сказывалъ, что выходъ изданія ихъ остановился за вами. Оно уже отпечатано.

36.

Съ благодарностью возвращаю вамъ, любезнѣйшій князь, *Мониторъ* и два экземпляра вашего портрета. Простите великодушно вину мою: полагая, что вы всѣ четыре прислали мнѣ въ подарокъ, одинъ изъ портретовъ подарилъ брату П. П. Бекетову, большому любителю вашихъ произведеній; на другомъ, который хотѣлъ поставить въ рамы, и теперь къ вамъ посылаю, начавъ писать надпись, сдѣлалъ ошибку, и потому назначилъ было его въ мою коллекцію портретовъ и замѣнилъ его третьимъ. Надѣюсь, можно отрѣзать и наклеить его на бѣлую бумагу. Если завтра состоится обѣдъ Василя Львовича *), то прошу васъ увѣдомить меня сегодня,

*) Пушкинъ.

дабы я не далъ слова другому. Между тѣмъ свидѣтельствуеть вамъ искреннее свое почтеніе преданный вамъ Дмитріевъ.

Октября 6-го 1822.

37.

Спѣшу возвратить вамъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, ваши бумаги съ живѣйшею благодарностью за вашу ко мнѣ довѣренность. Я сдѣлалъ, что только могъ, а можетъ быть, еще болѣе, нежели сколько позволяла скромность свѣтскаго человѣка. Относительно же существенности вашей піесы *), я безмолвенъ: ума и души вамъ не занимать у другого... И такъ, во имя Минервы, ступайте смѣло, молодой рыцарь, на попрѣще чести и славы. Пусть знаютъ, что въ наше время не всѣ наши словесники были завистливы, расчетливы или малодушны, а болѣе тупы. Почитающій васъ всею душею И. Дмитріевъ.

Р. С. Карамзинъ предупредилъ мое желаніе: пишетъ, что онъ поручилъ перевести Герена, и обѣщаетъ прислать переводъ, не замѣшавъ ⁶⁶).

1822, ноября 6-го. Москва.

38.

(1822).

Покорнѣйше прошу васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, одолжить мнѣ дни на два второю частью писемъ Бенжамень-Констана „О стодневномъ правленіи“ ⁶⁷). Увѣрю въ сохранности и скоромъ возвратѣ. Между тѣмъ свидѣтельствуеть вамъ свое почтеніе преданный вамъ Дмитріевъ.

39.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, за пріятное увѣдомленіе. Между тѣмъ прошу васъ пожаловать ко мнѣ откушать четвертаго числа. Не забуду пригласить

*) О жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева.

и Платона Петровича, Тургенева и Жихарева. Этотъ обѣдъ будетъ не изъ хвастовства, а для переговоровъ по части словесности, то и не намѣренъ увеличивать нашей бесѣды. Сѣверинъ получилъ аренду и ордена Лазаря и св. Маврикія, а Дашковъ оплакиваетъ участь нашей литературы и предаетъ проклятію Красовскаго ⁶⁸). Наконецъ, привѣтствую васъ съ благополучнымъ совершеніемъ года, поручаю себя старой пріязни вашей въ продолженіи новаго и сердечно желаю вамъ на всю жизнь вашу возможнаго благополучія.

1822, декабря 31-го.

40.

Сердечно поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, съ новорожденнымъ сыномъ ⁶⁹). Вчера мы съ титулярнымъ дѣдушкой его отпраздновали въ клубѣ сіе благополучное *событіе* тремя бокалами шампанскаго. Преданный вамъ Дмитріевъ.

Марта 29 (1823).

41.

Наконецъ препровождаю къ вамъ, почтенный и любезный князь Петръ Андреевичъ, работу г. Тончи. Оба просимъ васъ отписать Н. И. Гнѣдичу, что звѣзды должны остаться и по отпечатаніи на той же сторонѣ, на которой теперь написаны. И такъ, остается мнѣ ожидать, еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ и удовольствіемъ, чтобъ и другой талантъ окончилъ мой портретъ, пока я еще шатаюсь въ мірѣ ⁷⁰). Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ Дмитріевъ.

Апрѣля 28 (1823).

42.

(1823).

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Проектъ вашего письма во всѣхъ отношеніяхъ выдержанъ; но, прочитавъ Давыдова письмо, признаюсь вамъ, что я желалъ бы, чтобъ вы смягчились въ Обществу: изъ письма Давыдова *) я вижу,

*) Иванъ Ивановичъ.

что Общество отдало таланту вашему полную справедливость и не возложило на васъ, а поручило секретарю своему просить васъ принять на себя описаніе гражданскихъ подвиговъ Бецкаго. Винавать только редакторъ газетной статьи, не умѣвшій приличнымъ образомъ изложить сего. И такъ, я совѣтывалъ бы вамъ отвѣчать Давыдову по первому вашему предположенію, а въ особой къ нему записочкѣ дать ему почувствовать неприличность употребленнаго въ газетной статьѣ выраженія, равно и о томъ, что вамъ не дали предварительно знать о чрезвычайномъ собраніи ⁷¹⁾. За тѣмъ всѣмъ сердцемъ васъ обнимаетъ вашего сіятельства искренній почитатель и покорный слуга И. Дмитріевъ.

43.

(1823).

Я больше доволенъ имъ, любезнѣйшій князь, нежели надѣялся. Мнѣ кажется, онъ сходнѣ Геренева и не уступаетъ ему въ искусствѣ, но кажется, что морщинъ у меня меньше (простите моему самолюбію), или онъ для меня не такъ примѣтны. Тысячу разъ обнимаю васъ и благодарю за всѣ ваши заботы меня увѣковѣчить. Попросите Гнѣдича, чтобъ прислалъ ко мнѣ 6 оттисковъ на лучшей бумагѣ *).

44.

Съ чувствительною благодарностью за вашу ко мнѣ довѣренность, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, возвращаю ваши бумаги. Въ письмѣ я подчеркнулъ одно только слово, а въ прекрасномъ вашемъ истинно поэтическомъ отрывкѣ взялъ смѣлость замѣнить только одинъ стихъ, одно полустипіе и одно слово, что все увидите на особомъ листочкѣ ⁷²⁾. Не знаю, скоро ли увижу Бекетова; но я за него отвѣчаю ⁷³⁾: смѣло включите оглавленіе. Всѣ статуи Лѣтнаго сада—рѣзца иноземныхъ художниковъ. Развѣ вы упомянете о Козловѣ, ваятелѣ статуи Суворова, но едва ли онъ стѣдитъ за нее стиховъ, даже и графа Хвостова. Что бы сегодня

*) Здѣсь идетъ рѣчь о портретѣ И. И. Дмитріева, приложенномъ къ изданію его сочиненій (1823 года).

вамъ пріѣхать? Сейчасъ получаю отъ Ковошкина ⁷⁴⁾ маленькую вѣсточку о представленіи сегодня „Трехъ Султановъ“ въ школь Московскаго театра. Прощайте, до свиданья. Обнимаетъ васъ преданный вамъ Дмитріевъ.

1823, августа 21-го.

45.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Чувствительно благодарю васъ за ваше только приписаніе, а не за стихи въ портрету извѣстнаго... ⁷⁵⁾ Лучше бы вы прислали вмѣсто его собственные ваши стихи, написанные, какъ мнѣ сказывали, на Ревельской рейдѣ ⁷⁶⁾. Нетерпѣливо жду вашего пріѣзда, сколько для васъ, столько и для того, чтобы распросить васъ о любезнѣйшемъ другѣ. Хотя я и кокетствовалъ въ отвѣтъ моемъ на послѣднее письмо его, но при чтеніи онаго сердце мое сжималось ⁷⁷⁾.

Желаю А. П. (sic) Пушкину счастливыхъ успѣховъ и на новомъ поприщѣ; достанетъ ли искусства въ сердцевѣдѣніи, сомнительно: а за прелесть стиховъ его можно ручаться ⁷⁸⁾. Дядя его еще не возвратился изъ новыхъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній ⁷⁹⁾, а потому и въ *Дамскомъ Журналѣ* раздается только свирѣль Ковошкина, камердинера Кобозева ⁸⁰⁾; прочее же все идетъ своимъ чередомъ. До свиданья. Мысленно обнимаетъ васъ душевный вашъ почитатель, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Москва. 1825, сентября 11-го.

46.

Все, чего я могъ добиться, любезный князь, отъ графа Орлова ⁸¹⁾ на счетъ „Велизера“, состоитъ только въ томъ, что переводъ онаго начатъ на Волгѣ вслѣдствіе предложенія императрицы Екатерины, и что каждый переводчикъ отдавалъ работу свою на разсмотрѣніе статсъ-секретаря Козицкаго, который соглашалъ разнообразіе въ слогѣ и исправлялъ грамматическія ошибки. Водяной путь предпринятъ былъ изъ Твери и простирался чрезъ Нижній Новгородъ и Казань до Симбирска, оттуда императрица

отправилась въ Москву уже сухимъ путемъ. Съ благодарностью возвращаю вамъ послѣднюю книгу: Вильменъ скученъ изрядно, или мнѣ такъ показалось отъ того, что я самъ скученъ и другой день въ легкой простудѣ. Преданный вамъ Дмитріевъ.

47.

Любезнѣйшій князь! Я самъ долго былъ въ безпокойствѣ на счетъ Николая Михайловича и не смѣлъ ожидать отъ него скоро письма. Наконецъ получилъ его и вамъ списалъ. Это не можетъ еще насъ обезпечить; по крайней мѣрѣ утѣшительно судить по письму, что онъ еще владѣеть собою. Долго ли ждать вашего переселенія? Право пора. Когда же получимъ отъ васъ Антемархія? Преданный вамъ слуга И. Дмитріевъ.

Декабря 8 (1825).

Привѣтствую и васъ съ бывшимъ именинникомъ *). Я и самъ не имѣлъ духа поздравить его, хотя и писалъ къ нему сегодня.

48.

(1826).

Весьма охотно посылаю вамъ 6 томъ Записокъ и согласенъ на продержаніе 5-го, въ этомъ собственная корысть моя. Но я лучше бы хотѣлъ, чтобы въ *Телеграфѣ* пожурили Воейкова: выдаетъ собраніе сочиненій и переводовъ въ прозѣ 822 и 23 года, и съ ними вмѣстѣ включаетъ обветшалую прозу Козицеаго, и о ней же говорить, что она *обворожаетъ слухъ, пляшетъ воображеніе и убѣждаетъ разумъ*. Эту же честь дѣлаетъ и Гамалеѣ. Зачѣмъ же бѣдный Карамзинъ потѣлъ надъ ея перековерканьемъ? Стало, его проза нигуда не годится. Преданный вамъ Дмитріевъ. Я не очень здоровъ и весь день дома ⁸²).

*) Н. М. Карамзинъ.

Москва, іюля 5-го, 1826.

Не уворяю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за слезы, пролитыя мною при чтеніи вашей приписки: я чувствовалъ въ нихъ какую-то отраду. Вы не ошиблись. Здѣсь, конечно, нѣтъ ни одного, кого бы я могъ назвать своимъ сочувственникомъ въ отношеніи къ моей потерѣ. Узнавъ о ней, я и не ожидалъ получить отъ васъ скоро письма. До того ли вамъ было? ⁸³⁾ Поцѣлуйте за меня ручку Катерины Андреевны и увѣрьте, что я всѣмъ сердцемъ благодарю ее за обязательный отвѣтъ, вторичнымъ же письмомъ, и такъ скоро, совѣщусь растравлять ея горести. Поклонитесь и милымъ двумъ дочерямъ ея. По чувству моему къ покойнику, право, и я имъ всѣмъ родной. Въ другое время опечалилъ бы меня назначенный вами срокъ возвращенія, а теперь, напротивъ, самъ желаю, чтобы вы сколько можно долѣе пробыли съ ними.

Кончина примираетъ со всѣми: даже и Каченовскій напечаталъ въ своемъ *Вѣстникѣ* переведенную имъ статью изъ *Journal de St.-Petersbourg*. ⁸⁴⁾ Писаревъ же (попечитель) вездѣ отыскиваетъ бюсть, въ намѣреніи поставить его въ залѣ Историческаго Общества, а Иванчину - Писареву заказалъ сочинить похвальное слово. Оно уже у меня, но я не совсѣмъ доволенъ. Онъ же написалъ и эпитафію:

Согражданъ слава, мудрыхъ честь,
Безсмертный въ подвигахъ писателя, вити,
Успѣлъ отчизнѣ ты великій даръ принести.
Покойся, окропленъ слезами всей Россіи! ⁸⁵⁾

Одинъ только вы, любезнѣйшій князь, можете принести достойную дань милому и незабвенному Карамзину. Не смотря на ваше предвареніе въ письмѣ къ Жихареву, Полевой не удостоилъ меня своей довѣренности.

Скажу, наконецъ, о себѣ, что я очень хилѣю: нервическіе припадки усиливаются. Къ прежнимъ печалямъ наступили еще новыя: Экономка моя, служившая мнѣ слишкомъ 25 лѣтъ съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и усердіемъ, при смерти. Не стыжусь при-

знаться, что разлука и съ нею не легка для меня будетъ. Сколько испытаній въ толь короткое время, и въ какомъ положеніи? Когда только и отрады надежда, что другъ или испытанный приверженецъ смежить глаза и похоронить. Каково же, когда нѣтъ ни того, ни другаго! Полно. Заочно обнимаетъ васъ любящій всею душею И. Дмитріевъ.

50.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ. Я все въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ при послѣднемъ письмѣ моемъ. Прошу васъ вручить приложенное при семъ письмецо Софьѣ Николаевнѣ и Катеринѣ Николаевнѣ. Онѣ очень, очень утѣшили меня въ моемъ безпричинномъ уныніи. Здѣсь все цвѣтеть и улучшается: дома новѣютъ; даже и развалины Бекетова выбѣлены, даже непроходимый конецъ Козики высушенъ и вымощенъ. Англійскій клубъ наслаждается по прежнему постояннымъ, всегда однообразнымъ своимъ занятіемъ: все то же и то же. По причинѣ только жаровъ чаще сидятъ противъ сѣвознаго вѣтра и ѣдятъ простовашу. Прощайте, любезнѣйшій поэтъ, вспоминайте иногда предавнаго вамъ всею душею Дмитріева.

Москва. 1826, іюля 15-го.

51.

Благодарю васъ искренно, любезный князь, за ваше приношеніе. Скажу о себѣ, что я очень разстроены и духомъ, и тѣломъ: въ продолженіи моихъ горестей я былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ два мѣсяца мучительной болѣзни моей усердной экономки и наконецъ проводилъ ея до кладбища. Теперь никто не привѣтствуетъ меня ни съ добрымъ утромъ, ни съ добрымъ вечеромъ. Часто по цѣлому дню сижу дома, молча, какъ схимникъ. Изъ пріѣзжихъ принесъ мнѣ отраду одинъ только любезный Блудовъ, съ которымъ вижу довольно часто. Сѣверинъ хотя и живетъ наискосокъ меня въ одной улицѣ, но былъ у меня только однажды, и то на минуту, и то на третій день пріѣзда ⁸⁶). Вспомните, любезный князь,

наше недоумѣніе на счетъ одного выраженія Катерины Андреевны (*кромя одного*) въ ея письмѣ, по поводу доставленныхъ къ ней Апологовъ ⁸⁷⁾. Желалъ бы, чтобъ вы вспомнили и объяснили мнѣ, что это значило.

При публичномъ представленіи моемъ государю его величество послѣ перваго привѣтствія изволилъ мнѣ сказать: „Мы оба съ вами сдѣлали чувствительную потерю кончиною Николая Михайловича“ и кончилъ свидѣтельствомъ нѣжнаго вниманія своего къ покойному. Государыня также изъявила свое участіе.

Скоро ли вы къ намъ возвратитесь? Искренно желаю васъ видѣть, а между тѣмъ заочно васъ обнимаю и свидѣтельствую вамъ искреннее мое почтеніе. Преданный вамъ И. Дмитріевъ.

52.

Искренно благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что вы, наконецъ, порадовали меня письмомъ вашимъ. Слава Богу, что паденіе ваше не имѣло худшихъ послѣдствій. Теперь остается желать, чтобъ вы скорѣе совершенно поправились въ вашемъ здоровьѣ и о случившемся забыли ⁸⁸⁾.

Новый дормезъ мой или второй ковчегъ, въ которомъ, кромѣ животныхъ, найдется все нужное отъ парижнаго болвана и аптечки до маленькой библиотеки, уже стоитъ въ моемъ сараѣ, и я уже сталъ было задумывать о моемъ путешествіи чрезъ Петербургъ въ Ревель и Ригу, какъ дошелъ до [меня сл]ухъ о сборахъ Катерины Андреевны за границу, ...хъ къ намъ въ Москву, и этотъ слухъ привелъ [меня] въ недоумѣніе. Теперь отъ васъ буду ждать разрѣшенія.

Иванчинъ - Писаревъ въ деревнѣ: я послалъ къ нему выписку изъ вашего письма; но для чего бы вамъ самимъ не заняться неврологіей Измайлова ⁸⁹⁾ и не почтить этимъ прахъ истинно благороднаго писателя. Тутъ бы вамъ былъ случай поговорить и объ нынѣшнемъ ходѣ нашей словесности и ея представителей Полевомъ и Ушаковѣ ⁹⁰⁾, и объ ихъ стремянномъ Сергѣѣ Глинкѣ. Эта борзая тройка, дѣйствительно, по словамъ перваго, далеко ушла отъ Ломоносова съ Карамзинимъ и мчитсѣ прямо

въ даль безумныхъ. Тутъ вы мимоходомъ могли бы сказать, что большая часть нынѣшнихъ авторовъ, за устарѣніемъ языка и слога Карамзина, начали *прислушиваться* къ языку застойной и лабазовъ etc. etc. Полюбопытствуйте прочесть или заглянуть въ июль 22 книжку *Телеграфа*. Это совершенно произведение кавикуль ⁹¹⁾. Но полно объ этомъ. Скажите мнѣ, видѣлись ли вы съ Д. Н. Блудовымъ, ежели такъ, то напомните ему о ливрезонахъ Вольтера. Прошу васъ также сказать мой поклонъ Д. В. Дашкову и В. А. Жуковскому.

Наконецъ, прошу васъ пуще всего, пр[одолжить] ко мнѣ ваше благопріятство и быть [увѣрен]нымъ въ совершенномъ моемъ почтеніи и привязанности, съ коими навсегда къ вамъ пребудеть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитриевъ.

Москва. 1830, іюля 22 дня.

53.

Письмо ваше, любезнѣйшій князь, я имѣлъ удовольствіе получить на другой день послѣ того, какъ посылаю въ вашъ домъ навѣдаться объ васъ и вашемъ мѣстопребываніи. И такъ, мы вспомнили другъ друга въ одно время! Стало, есть въ насъ сочувствіе, и потому письмо ваше утѣшило меня вдвое противу всѣхъ прежнихъ.

Искренно радъ, что у васъ благополучно; и у меня въ домѣ, благодареніе Промыслу, доселѣ также. Первые дни или лучше недѣли посѣщенія холеры были тяжки и для морали, и физики. Я пытался развлекать себя выѣздами, куда можно; но вездѣ только и слышалъ о холерѣ: по улицамъ встрѣчаешь пасмурныя лица съ закутанными ртами, иногда же и четверомѣстную карету съ двумя назади или на козлахъ полицейскими: тощая тройка тащитъ ее тихимъ шагомъ. Въ влобъ отказъ обѣдать и ужинать; комнаты опустѣли; даже и Айгустова ни однажды не видѣлъ; находишь только пять, шесть старожилковъ въ средней комнатѣ, по старому, за картами.

Это рѣшило меня заточить себя въ предѣлахъ нашей улицы: дни проводишь дома, гдѣ послѣ утренняго отчета Погодина и Маркуса ⁹²⁾ могу нѣсколько часовъ забывать о холерѣ, слушая

разказы милой К. о Бонапартѣ и умныхъ головахъ обоего пола, а вечеромъ у ближайшей сосѣдки *), съ которой взялъ слово больше одного раза не упоминать о холерѣ. Впрочемъ, все по старому. На прошедшей недѣлѣ я отъ одного отца приглашаемъ былъ въ крестные отцы, а отъ другого—быть посаженнымъ.

Но перейдемъ лучше къ вашимъ кабинетскимъ занятіямъ. Да поможетъ вамъ добрый и пытливый вашъ умъ скорѣе дописать біографію Фонъ-Визина ⁹⁸⁾ и приняться за исторію нашей словесности. Это, скажу безъ лести, ваше дѣло; это было бы не послужной списокъ Новикова и Греча, но полная и обдуманная критическая исторія. Боюсь только, виновать, романтической ереси. Я самъ часто желалъ, чтобы кто изъ нашихъ образованныхъ и безпристрастныхъ авторовъ сдѣлалъ выборъ изъ старыхъ нашихъ прозаиковъ и поэтовъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ Кантемира до Карамзина. Въ этой работѣ не отказался бы и я быть вашимъ помощникомъ ⁹⁴⁾.

Какъ живой покойникъ боюсь взять вашу сторону въ пользу моихъ учителей: однакожъ, вспомя тогдашніе способы къ просвѣщенію и вмѣстѣ постоянство и разнообразіе въ важныхъ занятіяхъ Ломоносова, трудолюбіе Тредьяковскаго, игривое воображеніе Сумарокова, Майкова и Богдановича, благородныя и постоянныя усилія Хераскова,—по неволѣ почтешъ ихъ великанами въ сравненіи съ нынѣшними поэтами и прозаиками, для которыхъ и одинъ томикъ всякой всячины—Атлантово бремя.

Я раздѣляю словесность нашу на 4 періода: 1-й начинается отъ Кантемира; характеръ его: усилія приблизить книжный языкъ старинный къ новому свѣтскому, 2-й—отъ Ломоносова: то же стремленіе въ началѣ, а съ половины періода колебаніе въ выборѣ слога, ложное понятіе о высокомъ слогѣ, но вообще постоянное трудолюбіе; стараніе слѣдовать правиламъ изящнаго вкуса, изобиліе въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и любовь къ переводамъ иностранныхъ отличныхъ сочиненій; 3-й—отъ Карамзина: счастливое усовершеніе языка, лучшія формы, строгая точность въ словахъ и мысляхъ, ясность въ изложеніи оныхъ и благозвучіе въ слогѣ; 4-му,

*) Гурьевой.

настоящему, нѣтъ имени: это анархія, рабское обезьянство повизнамъ иностраннымъ, холопской языкъ, мечтаніе о мечтательности или бессильное стремленіе производить въ читателяхъ судороги, отрицаніе принятыхъ правилъ и вкуса и наглое презрѣніе къ предшествовавшимъ авторамъ, исключая графа Хвостова, котораго *Петербургскій Меркурій* недавно назвалъ сѣвернымъ соловьемъ, сравнилъ его съ германскою пѣвицею ⁹⁵). Этотъ періодъ я очень живо представляю въ лицѣ Полевого или Ушакова, или Х., которой достовѣрное изображеніе увидите въ прилагаемой при семъ книжкѣ.

Отъ Дашкова нѣтъ никакихъ слуховъ; вѣроятно, онъ задержанъ въ Рязани или сидитъ въ карантинѣ. Отъ Карамзинныхъ получилъ только два письма изъ Петербурга. Жаль, что не удалось мнѣ увидѣться съ ними. Когда-то увижусь даже и съ вами? Незвѣстность еще болѣе страшна для семидесятилѣтняго. Въ надеждѣ на *авось* прошу васъ связать мое почтеніе княгинѣ и быть увѣреннымъ въ сердечномъ къ вамъ почтеніи и привязанности. Сіи чувства сохранить до послѣдняго вздоха преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1830, ноября 6-го.

Р. С. Чуть не позабылъ: Пустынникомъ Балтійскаго порта не подразумѣвалъ ли С. Ваньку Каина, который сосланъ былъ въ Рогервикъ ⁹⁶).

54.

Очень охотно посылаю вамъ при семъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, *Телескопъ*, *Молву*, и 2 № *Дамскаго журнала Литературной Газеты* не послалъ, въ увѣренности, что вы ее прежде меня получили. Я уже четвертый день въ жестокой простудѣ: вчера весь день икалъ; не знаю, что сегодня будетъ со мною. Молодымъ людямъ можно временить и отсрочивать, а мнѣ не мудрено и очень сродно желать скорѣе увидѣться съ тѣми, кои по сердцу. День мой—вѣкъ мой. Недавно получилъ отъ милой княгини Мещерской письмо, а отъ Катерины Андреевны съ ноября ни строчки: боюсь, не досадуетъ ли на меня за отказъ писать

стихи на день ея рожденія! ⁹⁷⁾). Куда мнѣ гоняться за романтиками и собирать *соръ душевныхъ впечатлѣній* и *мусоръ вътрешной молвы*, какъ собиралъ нѣкогда великой Шевыревъ въ альбумъ его богини ⁹⁸⁾).

Признаюсь, что изъ всѣхъ *нашихъ* романтиковъ уважаю и люблю и умъ, и талантъ, и сердце Пушкина и князя Вяземскаго. Это говорить, право, сердце, еще не простывшее въ изящному, не смотря на 70 лѣтъ и вчерашнюю икоту.

Вчера была у меня дочь покойнаго Измайлова и ввѣрила мнѣ всѣ рукописи отцовскія. Надѣюсь найти въ нихъ много достойнаго для помѣщенія въ журналахъ. Пора кончить. И такъ, до свиданья. Заочно васъ обнимаетъ преданный вамъ и умомъ, и сердцемъ И. Дмитріевъ.

Января 13 1831. Москва.

Р. S. Хорошо было бы, любезнѣйшій князь, еслибы въ *Литературной Газетѣ* ⁹⁹⁾ поразговорились объ нашихъ просвѣщенныхъ печатальщикахъ или издателяхъ и въ укоръ имъ дали знать, что ни одинъ изъ московскихъ ни за что не хотѣлъ взять оставшіяся сочиненія Измайлова, отзываясь, что на него нѣтъ моды. Хвала петербургскимъ: тамъ и Хвостовъ попалъ въ моду, и издатель его уже въ 4-й разъ говорить объ немъ въ предисловіи.

55.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Чувствительно благодарю васъ за письмо и взаимно привѣтствую васъ съ благополучнымъ достиженіемъ новаго года. Отъ всего сердца желаю вамъ счастья и мірскаго, и душевнаго, не только въ продолженіи онаго, но и до маститыя старости. Благодарю и за доставленіе мнѣ знакомства съ г. Телешевымъ ¹⁰⁰⁾. Мы не замѣшкали вспомнить моего друга; пока онъ говорилъ объ немъ, на глазахъ его наворачивались слезы. Довольно и того, чтобы мнѣ полюбить его.

Буду съ нетерпѣніемъ ждать вступленія вашего на поприще большого и литературнаго свѣта: мнѣ же о своемъ поприщѣ рассказывать вамъ нечего: оно день отъ дня становится тѣснѣе. Любопытныхъ событій у насъ мало; маскарадъ въ собраніи, балъ Мосолова ¹⁰¹⁾; французскія святки у Пашковыхъ ¹⁰²⁾, и только; и

о томъ знаю по однимъ слухамъ. *Алціону*¹⁰³⁾ вашу не забуду вручить княгинѣ, а *Стверныхъ Цѣттовъ*¹⁰⁴⁾ еще не читалъ, потому что привыкъ получать альманахи въ гостинцы. *Европеецъ* представился по европейски; надѣюсь, что онъ не переименуется¹⁰⁵⁾. Но для шутки хотѣлъ бы видѣть и *Русскую Минерву*¹⁰⁶⁾, издаваемую, какъ сказываютъ, подъ покровительствомъ г(рафа) Х(востова). Это его вторичный *Улей*¹⁰⁷⁾.

Поцѣлуйте за меня ручку Катерины Андреевны и Софіи Николаевны. Прошу сказать мой поклонъ и всему семейству и вспоминать иногда искренно любящаго и почитающаго васъ отшельника Патріаршихъ прудовъ.

М. 1832, января 13.

56.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

И я мѣшквалъ моею перепискою, чтобы не начать ее пустословіемъ: ибо нечего другаго и ждать съ Патріаршихъ прудовъ отъ старика, уклонившагося даже и отъ Аглинскаго клуба, вскорѣ по принятіи онымъ біля реформы¹⁰⁸⁾.

Теперь же съ простертыми руками прижимаю васъ въ сердцу и привѣтствую съ достиженіемъ свѣтлаго праздника; искренно желаю вамъ встрѣтить и проводить его такъ же весело, какъ и сырную недѣлю, но не падать съ качели, ниже скользить по паркету.

Благодарю васъ за сообщеніе новостей, хотя не совсѣмъ новыхъ и прошу поблагодарить любезнаго Александра Сергѣевича за третій томъ его стихотвореній. Какъ нарочно случилось, что я за нѣсколько часовъ до полученія онаго былъ очень обрадованъ прикупкою шести книжекъ Онѣгина, котораго сбереглись у меня только двѣ книжки: 1 и 8. Теперь придется прикупить 1-ю и 2-ю стихотвореній, ибо я довольствовался первымъ изданіемъ въ одной книжкѣ, не зная о *новомъ*. Я не вытерпѣлъ прочитать еще разъ „Моцарта и Сальери“. По этому, говоря моднымъ языкомъ, *созданію* признаю я и мыслящій умъ, и поэтическій талантъ Пушкина въ мужественномъ полномъ созрѣніи.

Пока не успѣлъ писать къ нимъ, усерднѣйшій поклонъ по-

ченной Катеринѣ Андреевнѣ, милой Софьѣ Николаевнѣ и всему семейству; также и милому, во всемъ неизмѣнному, кромѣ здоровья, и искренно мною любимому Василию Андреевичу; скажите ему, что я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы онъ былъ и здоровъ по прежнему, и продолжалъ утѣшать насъ, даже позволяю и пугать своею лирою, на всѣхъ тонахъ цѣломудренной и благозвучною.

Прошу васъ также сообщить мой усердный поклонъ, привѣтствія съ праздникомъ двумъ новымъ министрамъ ¹⁰⁹⁾ и сказать, что я вспрыгнулъ отъ радости, узнавъ о ихъ наименованіи, и повлеченію сердца хотѣлъ бы поздравить ихъ на письмѣ, но посовѣстился утрудить ихъ отвѣтомъ.

Окончиваю душевнымъ почтеніемъ и вѣжною пріязнію, которую навсегда сохранить преданный вамъ Дмитріевъ.

Москва. 1832, апрѣля 9.

Созданіе Карла XI дошло уже до своего назначенія. Въ первый день праздника и я буду въ обновѣ.

57.

Отъ всего сердца благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, за долго-жданное, но не меньше пріятное, ваше письмо и за гостинецъ. Онъ будетъ эпилогомъ моей Наполеониды, то-есть, коллекціи его портретовъ въ разныхъ періодахъ жизни его.

Извѣстіе ваше о любезномъ В. А. *) истинно меня тронуло. Скажите ему мой усердный поклонъ. Дай Богъ, чтобы отсутствіе его было и ему, и намъ въ пользу, а возвращеніе въ радость друзьямъ и почитателямъ всего добраго и изящнаго ¹¹⁰⁾.

Моя же поѣздка остановилась за необходимою перекладкою печей и перестилкою половъ въ моемъ домѣ. Чѣмъ начну путешествіе: Ревелемъ или селомъ Богородскимъ, еще самъ не рѣшилъ. Хотѣлъ бы побывать на обоихъ концахъ нынѣшнимъ годомъ, если не будетъ наряда къ дальнѣйшему и невозвратному походу въ страну отцевъ нашихъ. Пріятно доживать и до 70 лѣтъ, и далѣе, но скучно одно, что будь на каждомъ шагѣ съ оглядкою,

*) Жуковский.

робѣй при всякомъ предпріятіи, и при каждомъ желаніи невольно спрашивай самъ себя: на долго ли?

Жаль и графа, но ему падать въ привычку, и по мнѣ лучше спотыкаться, чѣмъ, по словамъ его „Прощанія съ землею“, отваживать себя на полетъ въ Ампирей, не въ пухъ гораціанскаго лебеда, но *лучезарнымъ*. Вѣроятно, это аллюзія къ старому его газетову кафтану, которой онъ сберегъ по выходѣ изъ камеръ-юнкеровъ ¹¹¹).

Прощайте, пока онъ собирается летѣть, я поплзу осматривать вчерашнюю садеу вокругъ новой моей бесѣдки, хотя и помню: *passé encore de bâtir, mais planter à cet âge!* А потомъ примусь за Gilbert въ Hôtel-dieu: теперь лишь принесли съ Кузнецкаго моста. Вспоминайте иногда постоянно васъ любящаго и почитающаго И. Дмитріева.

P. S. Прошу сказать тоже и Д. Н. Блудову.

Москва. 1832, іюня 21-го.

58.

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Еще прежде вашего отвѣта я собирался къ вамъ съ просьбою, но замѣшкалъ; теперь же вмѣстѣ съ искреннею благодарностью за ваше письмо и гостинецъ обращаюсь и съ нею къ вашему доброму сердцу.

Съ давняго времени живетъ въ Петербургѣ бѣлорусской помѣщикъ Витебской губерніи Станиславъ Богуславичъ Реутъ. Заочное знакомство наше началось переводомъ его монхъ четверостишій, Ермака, и собственною его одою на взятіе Варшавы, довольно остроумною въ гораціанскомъ родѣ или тонѣ, напечатанной въ Петербургѣ. Но я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что вдохновеніе посѣтило его въ темницѣ, гдѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ находился на содержаніи одного доброхота, изъ его заимодавцевъ, коимъ онъ задолжалъ до трехъ тысячъ...

Чтобъ не наскучить вамъ многословіемъ, сообщаю вамъ при семъ послѣднее его письмо, которое лучше меня ознакомитъ васъ съ его печальнымъ жребіемъ. Между тѣмъ, убѣдительно прошу васъ доставить ему по приложенному при семъ адресу 50 р. асс., отправленные нынѣ же въ особомъ пакетѣ чрезъ почту, и дозво-

лить Реуту прибѣгать къ вашему покровительству, когда по договорнымъ его дѣламъ придется ему хлопотать и карабкаться по высокимъ крыльцамъ. Васъ любятъ и въ большомъ, и въ ученомъ свѣтѣ: не худо было бы для бѣдняка сдѣлать по подпискѣ посильную складчину. Подписка на избавленіе отъ вторичнаго заточенія разбитаго параличемъ старца едва ли не болѣе усладитъ сердце добродотнаго дателя, чѣмъ на поднесеніе золотой табакерки за описаніе блохи, или на полученіе язвительныхъ выходовъ противъ Карамзина, подъ именемъ „Исторіи Русскаго Народа“ ¹¹²).

Отчасти соглашаюсь съ вами на счетъ присланной вами брошюрки, однакожь я не безъ удовольствія читалъ ее: люблю, когда нашъ вступаетъ за нашихъ. Сыны новой Франціи столько же не добродотны, и еще болѣе невѣжды, какъ и ихъ дѣды, когда имъ доводится говорить о Россіи, не смотря на то, что и прежде, и нынѣ они копышутся въ ней какъ домашніе ¹¹³). Напишите ли нашъ Александръ Аноимовичъ *) подобныя двѣ глупости: „М*** жалую тебя княземъ, не только княземъ, но еще и *доморускимъ*“. Засимъ слѣдуетъ замѣчаніе: „Это титуло равняется съ испанскимъ грандомъ“, или: „Въ этотъ день (свѣтлаго воскресенья) всѣ состоянія дѣлаются равными: бородатый мужикъ, встрѣтятся на улицѣ или въ церквѣ съ вельможею, бросается къ нему на шею и привѣтствуетъ: „Крестовски островъ“, а тотъ отвѣчаетъ ему: „Васили островъ“. Первая глупость—въ трагедіи „Петръ Великій“, недавно игранной на одномъ изъ парижскихъ театровъ, другая—въ новѣйшемъ путешествіи по Россіи.

Если увидите съ Белизаромъ, прошу васъ сказать ему, что я непременно пришлю къ нему должную сумму, коль скоро получу отъ него остальные книги по приложенной при семъ запискѣ.

Но пора кончить. Вотъ послѣдняя новость въ московскомъ ученомъ свѣтѣ. Недавно два оратора говорили съ кафедръ: Полевой—въ Комерческомъ училищѣ или Академіи „О достоинствѣ и преимуществахъ вупца“ ¹¹⁴), а Смирновъ, на университетскомъ актѣ, о чемъ же говорилъ—не извѣстно ¹¹⁵). Университетъ, не смотря на то, что Карамзинъ и я были первые избранные въ члены, не

*) Орловъ.

удостоилъ меня ни приглашеніемъ; ниже присылкою напечатаннаго акта. Вѣроятно, о томъ и не знаетъ племянникъ Льва Алексѣевича ¹¹⁶). Засимъ: конецъ благополучну бреду. Прощайте, любезнѣйшій князь, будьте здоровы, спокойны, словомъ, счастливы, и увѣрены въ постоянной къ вамъ любви и искреннемъ моемъ почтеніи.

Р. S. При случаѣ прошу васъ сказать мой поклонъ В. А. Жуковскому, Д. Н. Блудову, С. С. Уварову и А. С. Пушкину, и подписаться за меня на его газету ¹¹⁷). Съ нетерпѣніемъ жду ее.

Москва. 1832, іюля 31 дня.

59.

Торопясь писать послѣднее мое письмо, я позабылъ отвѣчать вамъ, любезнѣйшій князь, на главную статью его. Теперь же на досугъ чувствительно благодарю васъ за вашъ вызовъ, истинно для меня лестный; но въ настоящемъ положеніи моемъ, когда старость ослабила мой умъ и слѣлала меня недовѣрчивымъ къ собственнымъ силамъ, когда она не охладила во мнѣ одно только чувство благоговѣнія къ незабвенному моему другу, чего можно ожидать отъ пера моего? И въ какое же время? Когда зонль и кавалеръ судить живыхъ и мертвыхъ и невозбранно глумить не только надъ нашей братьей, давно уже имъ уничтоженной, но и надъ самимъ Карамзинымъ? Когда онъ почти при каждой книжкѣ *Телеграфа* шевелить прахъ его. Нѣтъ, любезнѣйшій князь! Духъ вротости и смиренномудрія не есть моя добродѣтель. Не смотря на мою старость, мнѣ захотѣлось бы отвѣчать ему, а отвѣтомъ моимъ, можетъ быть, подалъ бы ему поводъ къ новому оскорбленію памяти моего друга, и тогда я отъ моей совѣстливости нигдѣ бы не нашелъ мѣста.

И такъ, отъ всей души уступаю вамъ честь быть біографомъ того, кто для обоихъ насъ чѣмъ-то священнымъ. Предлагайте мнѣ смѣло вопросы: на каждый охотно буду отвѣтствовать, а не отвѣтить, сколько знаю и какъ умѣю ¹¹⁸).

Не скрою отъ васъ, что хочется и мнѣ заплатить посильную дань моему другу, но это будетъ состоять въ двухъ-трехъ страницахъ, въ числѣ примѣчаній къ послѣдней части моихъ записокъ, о послѣднемъ годѣ жизни Николая Михайловича ¹¹⁹).

На дняхъ удалось мнѣ съ Уваровымъ ¹²⁰⁾ выслушать сряду двѣ лекціи, не сходя съ мѣста: Давыдова и Каченовскаго. Слушая перваго, сидѣлъ плотно, а послѣдняго, — уже началъ пошевеливаться и даже привставать со стула.

Вчера же у князя Дмитрія Владиміровича обѣдали Уваровъ, Загоскинъ, Самаринъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Давыдовъ и вашъ покорный слуга. Спасибо князю. Онъ первый изъ главнокомандующихъ въ Москвѣ показываетъ вниманіе къ отечественной словесности и не чуждается нашихъ писателей. Отъ чего же? Отъ того, что самъ образованъ.

Заключаю поздравленіемъ васъ съ прибытіемъ княгини. Мнѣ очень совѣстно, что не успѣлъ отблагодарить ее за прощальный визитъ, полагая, что на другой по утру уже не застаю ее, по собственнымъ словамъ ея; но послѣ узналъ отъ Ч., что она еще пробыла сутки. Прошу сказать княгинѣ душевное мое почтеніе, съ которымъ равно къ вамъ пребудетъ неизмѣнно преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Кланяйтесь Блудову и Пушкину, нетерпѣливо жду проспекта объ его журналѣ.

Москва. 1832, октября 12.

60.

Отъ всего сердца благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за милое ваше письмо и взаимно привѣтствую васъ съ достиженіемъ не только новаго года, но и новаго званія. Оно для царедворца гораздо существеннѣе и благозвучнѣе, чѣмъ *по разнымъ порученіямъ* ¹²¹⁾. При первой вѣсти о томъ я уже мысленно поздравилъ высокопочтеннаго вице-президента, но замѣшквалъ исполненіемъ того письменно или письмомъ, все въ ожиданіи отъ васъ вопросовъ на счетъ задуманной біографіи.

И такъ, благое Провидѣніе судило и мнѣ дожить до новаго года. И я, не отставая отъ Фамусовыхъ и прочихъ, сподобился встрѣтить его подобающимъ образомъ: на канунѣ пошевелился на блистательномъ балѣ, и въ двухъ маскарадахъ, дворянскомъ и нѣмецкомъ, а въ первый день выѣхалъ изъ дома въ смиренномъ

фрагтъ, съ благодарнымъ чувствомъ выслушалъ обѣдню и умную проповѣдь въ приходской церквѣ и возвратился во свояси; отправилъ, куда слѣдуетъ, карточки; заглянулъ въ первый номеръ *Московскихъ Вѣдомостей*, послушалъ въ нихъ адажію и фугу двухъ провозвѣстниковъ новолѣтія—извѣстныхъ чиновниковъ парнасской внутренней стражи; порадовался за степнаго помѣщика дородности новаго календаря и полюбовался выпавшими въ даръ и на мою долю изъ урны нашей словесности билетомъ на *Телескопъ*¹²²⁾, вторымъ томомъ „*Орланда*“¹²³⁾, системою преподаванія словесности¹²⁴⁾. Обѣдалъ же и провелъ весь день до ночи въ трехъ шагахъ отъ дома, у сосѣдки.

Вотъ вамъ вѣрный отчетъ въ моемъ суточномъ существованіи. Остается просить васъ засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ и желанія мои ей со всѣмъ семействомъ возможнаго благополучія на многіе годы.

Когда вы будете писать къ В. А. Жуковскому, то не забудьте увѣрить его, что я искренно люблю его и уважаю и всѣмъ сердцемъ желаю ему совершеннаго выздоровленія; маленькому же Гриму можете при случаѣ сказать, что я былъ и есть все тотъ же; но онъ самъ хотѣлъ казаться не тѣмъ же. Заглядывалъ къ намъ только изъ благопристойности. Мы конечно не Балланши, не Шатобрианы, но всетаки были бы ему паристѣ, нежели красныя дѣвушки, въ бесѣдѣ которыхъ онъ только и находилъ удовольствіе. Прибавлю еще, что я и теперь люблю его по прежнему, и не перестану желать, чтобъ онъ скорѣе возвратился и способности свои посвятилъ на полезную службу отечеству¹²⁵⁾. На силу досказалъ—и такъ до свиданья съ любезнымъ вице-директоромъ.

P. S. Телеграфъ годъ отъ году распространяетъ свое вліяніе: и всѣмъ ценсорамъ, какъ они сами отзываются, запрещено пропускать на него критики, а ему разрѣшается и нынѣ глупить надъ Карамзинымъ и его почитателями, съ презрѣніемъ говорить о дворянскомъ сословіи и классицизмѣ. Чего же ожидать впередъ отъ нашей словесности? Молодость удобопреклонна. И такъ уже половина словесниковъ по милости Полевого и семинаристовъ заговорила языкомъ лабазовъ.

Прилагаю при семъ къ свѣдѣнію статью, не пропущенную цен-

соромъ Лазаревымъ (взятымъ изъ эсекторовъ опекунскаго совѣта). Нельзя ли попытаться помѣстить ее въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ? Разрѣшаю вамъ даже показать ее Сергѣю Семеновичу *).

Москва. 1833, января 5 дня.

61.

(1833).

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Прежде всего привѣтствую васъ и ея сіятельство, княгиню Вѣру Федоровну съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя. Искренно желаю вамъ провести его и виѣ, и вседомовно, какъ говаривали наши дѣды, благополучно и весело.

А потомъ приношу мою благодарность за доставленіе книги. Прошу васъ увѣрить г. издателя оныя, равно и г. барона Розена, въ чувствительной моей признательности за честь, оказанную отъ нихъ инвалиду 18 столѣтія. Къ послѣднему я давно собирался писать, но удержанъ былъ тѣмъ, что не знаю и теперь ни имени, его, ни адреса ¹²⁶).

Въ *Новосельѣ*, которую давно уже я видѣлъ на сторонѣ, но не успѣлъ прочитать всего, полюбились мнѣ „Незнакомка“ замысловатая и съ разсудкомъ веселая, Бригадиръ, воспоминаніе и нѣчто. Съ перваго взгляда кажется, что удача въ отдѣлѣхъ и *мышленіе* на сторонѣ прозы ¹²⁷).

Не перестаю помышлять и нынѣ о задуманномъ уже давно походѣ: желалъ бы полюбоваться вашею выставкою, а еще болѣе быть благоговѣйнымъ и благодарнымъ зрителемъ открытія памятника въ Бозѣ почивающему Александру **). Но 70 лѣтъ, съ коими никакъ не могу свыкнуться, при каждомъ житейскомъ помыслѣ приводятъ меня въ робость, чему быть, то и будетъ. Предаюсь Провидѣнію, а между тѣмъ обнимаю васъ, любезнѣйшій князь, и пребуду навсегда съ чувствомъ искренняго почтенія и пріязни вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. О сообщенныхъ уже давно запросахъ скажу вамъ послѣ праздникова. Не хочется соединять свѣтлаго съ мрачнымъ. Но не

*) Уварову.

***) Александровской колонны.

вытерплю и теперь сказать, что воспоминаніе о незабвенномъ Карамзинѣ нынѣ стало для меня соединено съ *сублю* горестію, по милости журналиста и его ценсора. Кончимъ другимъ—взгляните на виньетку: какъ весело быть Лазаревымъ! Взмогилъ подѣ самага Ивана Великаго. Еслибы случилось писать къ его начальнику Гол. *), то онъ выше бы и его былъ.

62.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Простите старости, которая не всегда повинуется моей волѣ, что я замѣшался отвѣтомъ; но и теперь пришлось не имѣ начинать мои строки: я пораженъ былъ несчастіемъ Катерины Андреевны. Дай Богъ, чтобъ она перенесла его! Болѣе не скажу ни слова: мнѣ столько же тяжело продолжать о томъ, какъ и вамъ слушать¹²⁹⁾.

Между многими пустыми вопросами профессора есть и дѣльные; но я знаю мастерство вопросителя, хотя и благонамѣреннаго; отгадываю, какъ тяжело будетъ написано, сколько будетъ ошибокъ въ сужденіяхъ, и потому право не хочется отвѣчать ему¹³⁰⁾. Если ваши настоящія занятія мѣшаютъ вамъ самому заняться біографіею моего друга, и столь близкаго и къ вашему сердцу, такъ я лучше поберегу запасъ мой для будущаго историка нашей словесности, или для Андрея Николаевича. Пусть онъ будетъ біографомъ отца своего, докажетъ его заслуги отечественной словесности и устыдитъ холодныхъ молчалиниковъ или наглыхъ зонловъ.

Приступаю опять къ сборамъ, авось скоро увидимся и поговоримъ лично поболѣе.

Между тѣмъ съ искренними чувствами почтенія и любви обнимаю васъ преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

Москва. 1833, мая 10 дня.

63.

(1833).

Старческая совѣсть, любезнѣйшій князь, разшевелилась, и я рѣшился отложить отъѣздъ мой до пятницы, чтобъ имѣть удоволь-

*) Князю С. М. Голицыну.

ствіе провести съ вами у дорогой именинницы. И такъ, кромѣ васъ и вашихъ, всѣ прочіе здѣсь уже задернуты отъ меня завѣсою. Сообщите о томъ почтенной Катеринѣ Андреевнѣ. вмѣсто *середы* приду обѣдать къ ней завтра, а сегодня буду весь день зѣвакой въ пріятной надеждѣ проводить *вечеръ* съ вами.

Между тѣмъ препровождаю къ вашему сіятельству мою вещицу, которую покорнѣйше прошу васъ приказать положить въ ящикъ вмѣстѣ съ подаренными отъ васъ портретами. До свиданія ¹³¹).

64.

Наконецъ я опять очутился въ Москвѣ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ. Гордъ, веселъ и признателенъ къ Провидѣнію, за совершеніе на семидесятихъ годахъ двухъ тысячъ верстъ, если не болѣе.

Теперь остается воздать сердечную благодарность мою, вопервыхъ, вамъ за вашу постоянную ко мнѣ пріязнь и просить васъ быть органомъ столь же искренней моей признательности, особенно графамъ Вельгорскимъ, А. С. Пушкину и П. А. Плетневу ¹³²). Не забудьте выставить меня учтивымъ и предъ прочими, кому заблагоразсудите, изъ участвовавшихъ на прощальномъ пиру. Этотъ день, право, одинъ изъ счастливыхъ дней въ моей жизни, и тѣмъ болѣе для меня замѣтный и пріятный, что задумали подарить меня имъ не ровестники мои, а бодрые сыны новаго поколѣнія ¹³³).

Чтобы не пропустить почты, тороплюсь на сей разъ кончить свидѣтельствомъ душевнаго почтенія и пріязни, кои навсегда сохранить къ вамъ искренно любящій васъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитриевъ.

Москва. 1833, августа 3 дня.

65.

Посылаю къ вамъ при семъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, 75 рублей ассигнаціями, которые покорнѣйше прошу васъ доставить Дмитрію Николаевичу Блудову, для пріобретенія къ суммѣ пожертвованій на сооруженіе памятника историографу. Это не дань

благодарностию, а самая искренняя—и отъ кого же? Подивитесь и порадайтесь: отъ дочери Павла Ивановича Голенищева-Кутузова ¹³⁴) и ея супруга. Я умиленъ былъ ея поступкомъ и удвоилъ къ ней мое почтеніе. Я хотѣлъ бы, чтобъ они оба въ спискѣ были поименованы. А Полевой, пользуясь невидимо, отъ кого и для чего, привилегіей, продолжаетъ поминать недобрымъ словомъ чествуемаго нами праведника; не забылъ его и въ послѣдней книжкѣ *Телеграфа*, если не ошибаюсь въ описаніи какого-то зданія, приписаннаго—подивитесь и этому—бывому и нынѣ выдающему себя приверженцемъ Николая Михайловича. Приписаніе его заключается въ сихъ словахъ: „Глубоко уважаемому мною археологу“ ¹³⁵).

По пріѣздѣ моемъ сюда сказывали мнѣ, будто Гречь и услужливый или оборотливый Кузень вошли въ залу искусственныхъ водъ: первый съ надежною осанкой, а послѣдній прищурясь, бросилъ взглядъ на собраніе, и будто одинъ сказалъ другому: „Душно! Вся зала сперлась аристократіей“ и вышли ¹³⁶).

Еще за новость сообщаю, что возвратившійся князь Сергій Михайловичъ вступилъ уже въ управленіе Московскимъ университетомъ ¹³⁷).

До свиданія, любезный князь Петръ Андреевичъ; хотя робѣю, а хочется заключить этимъ словомъ—обнимаетъ васъ всею душою преданный вамъ Дмитріевъ.

Москва. 1833, августа 9-го дня.

P. S. Прилагаю при семъ для вашего любопытства и копію съ письма Авдотьи Павловны Глинки *).

66.

Москва. 1833, сентября 17-го.

Очень радъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что вчерашній день подаетъ мнѣ случай писать къ вамъ и прежде всего

*) При этомъ письмѣ сохранился пакетъ, на которомъ рукою И. И. Дмитріева написано: „Статская совѣтница Авдотья Павловна Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова, препровождаетъ при семъ ассигнаціями семьдесятъ пять рублей въ составъ суммы добровольно приносимой для сооруженія монумента исторіографу Карамзину“.

поздравить васъ и княгиню со днемъ именинъ ея. Искренно желаю, чтобъ вы провели этотъ день весело.

Со времени послѣдняго письма изъ Дерпта я ничего не знаю о послѣдствіи болѣзни бѣднаго младенца. Недавно писалъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, и, смущенный письмомъ ея, даже позабылъ поздравить Софью Николаевну съ ея именинами. Поправьте за меня упущенное мною и скажите мнѣ два слова на счетъ больного.

Не меньше любопытствую знать отъ самихъ васъ, правда ли, будто вы собираетесь въ чужіе края, но куда и зачѣмъ, добровольно или по службѣ, о томъ не слышно. Въ томъ и другомъ случаѣ желаю веселиться и возвратиться здоровымъ. Мы только вздохнемъ, что уже рѣже будемъ слышать васъ, и долго, можетъ быть, не увидимъ ¹³⁸).

Остается поблагодарить васъ за доставленіе мнѣ знакомства съ почтеннымъ барономъ Люцероде ¹³⁹). Онъ у меня обѣдалъ и еще сегодня поѣтилъ меня. А вчера или третьяго дня его въ Братцовѣ ¹⁴⁰) хоромъ цыгановъ (sic). На вопросъ нѣкоторыхъ дамъ, какое впечатлѣніе произвели въ немъ ихъ пляска и пѣсни, онъ отвѣчалъ: то же, чтó сочиненія Бальзака.

Отъ всего сердца съ искренними почтеніемъ и пріязнію обнимаетъ васъ преданный вамъ Дмитріевъ.

P. S. Что слышно о монументѣ. Отдано ли собственное мое приношеніе Д. Н. Блудову?

67.

Благодарю васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, за доставленіе мнѣ портрета съ г. С.; но мнѣ бы еще пріятнѣе было по обѣщанію вашему получить отъ васъ копію съ собственнаго вашего портрета, снятаго прусскимъ художникомъ, и съ портрета В. А. Жуковскаго, присланнаго къ вамъ изъ Швейцаріи. Передайте ему самое искреннее мое желаніе, чтобы онъ берегъ свое здоровье и порадовалъ любящихъ его москвичей своимъ свиданіемъ. Не худо бы и вамъ вмѣстѣ съ нимъ повидаться съ Москвою.

По сердечному моему участію во всемъ, чтó касается до Ка-

рамзинныхъ, я хотѣлъ бы писать къ Катеринѣ Андреевнѣ, но боюсь напомнить ей о новой потерѣ. По крайней мѣрѣ прошу васъ сказать ей, что я часто вспоминаю объ ней и семействѣ ея съ чувствомъ добраго родственника.

Не спрашивайте меня о здѣшнихъ новостяхъ: вечерніе визиты мои еще рѣже прежняго. Стоя на порогѣ жизни, стараюсь *наживаться* чаще въ домашнемъ быту: всю осень хлопоталъ преобразованиемъ моего сада по плану Финтелямана, хотя и очень помню Лафонтена: *Passe encore de batir à cet âge!*

Не хочется перемѣнить формулы, и такъ опять: *до свиданья*, обнимаетъ искренно и уважающій васъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1833, ноября 2 дня.

68.

Отъ всего сердца благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за ваше письмо и гостинецъ, который обличилъ меня въ моей недогадливости. Я нѣсколько минутъ былъ въ недоумѣвіи, за какую вещь принять его. Сомнѣваюсь, чтобъ новый годъ такъ улыбался мнѣ, какъ вы желаете. Развѣ вы не читали предварительнаго извѣщенія *Телеграфа*? Онъ грозить судить меня и конечно судомъ неумытнымъ. Каково же умереть заживо? ¹⁴¹⁾

Но я надѣюсь, что пріятели мои еще будутъ признавать меня хотя живымъ покойникомъ и не прекратятъ со мною своихъ сношеній. Ваши строки имѣютъ магическую силу молодить меня.

Примите же и отъ меня взаимное привѣтствіе съ благополучнымъ достиженіемъ не только новаго года, но и 5-го класса по гражданскому служенію ¹⁴²⁾. Всею душою желаю вамъ и вашимъ всего пріятнаго и полезнаго въ мірѣ, словомъ, возможнаго благоденствія прочнаго и непрерывнаго.

Я писалъ къ Катеринѣ Андреевнѣ предъ ея именинами: она не отвѣчала, потомъ обращался къ вамъ на счетъ ея, и вы ни слова. Признаюсь, это молчаніе беспокоитъ меня: здорова ли она? И что ея дѣти, вступили ли въ службу?

Пушкинъ два раза былъ въ Москвѣ и не удостоилъ свиданіемъ съ собою; но я не злопамятенъ, и подписался на *Библио-*

теку для чтенія, а не для зъванья, чтобы слушать хотя въ ней моихъ любимцевъ. Новая *Бесѣда*, вѣроятно, не уступитъ старой. Покойница и при Державинѣ похожа была на кабинетъ восковыхъ куколъ въ ростъ человѣческой¹⁴³). На счетъ же новаго остроумца совершенно согласенъ съ вами: драгоценность его уже другой мѣсяцъ украшаетъ гениальную полку моего швафа. И я еще не ознакомился съ нею. По языку *народно*, это правда, а все что-то отзывается Балзакомъ или Жаненомъ. Прекрасно, ... а зъваю¹⁴⁴). Такова сила привычки къ 18 столѣтію. То же испытываю и при гениальномъ стихѣ: *Душе, проквашенная злобой*. Выраженіе сильное, новое, а признаюсь, и оно не по мнѣ.

Чтобъ наговориться съ вами досыта, скажу еще вамъ, что я по части журналистики подписался на *Ученныя Записки* Московскаго университета, *Библиотечку для Чтенія*, на *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Сѣверную Пчелу*, *Прибавленіе къ Инвалиду* (о чемъ прошу сообщить Воейкову), на *Journal de Francfort*, *Revue de Paris*, *Le premier Litteraire* (?) и *Journal Bibliographique*. Довольно запаса для семидесятилѣтняго сидня. Есть пробавиться и безъ Англійскаго клуба.

Наконецъ, въ ожиданіи дорогихъ гостей на гостепріимную стѣну нижняго кабинета *), заочно цѣлую обоихъ подлинниковъ отъ всего сердца и пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. И. Дмитріевъ.

Москва. 1834, января 5 дня.

69.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за копію съ портрета В. А. Жуковскаго. Теперь съ нетерпѣніемъ буду ожидать и вашего. Пусть оба жилия моего дома, въ разныхъ мѣстахъ, напоминаютъ мнѣ хотя въ очеркѣ тѣхъ, которые такъ мнѣ по уму и по сердцу.

Примѣненіе ваше извѣстной пословицы къ библиотекѣ Смирдина очень встати¹⁴⁵): право, я и самъ ее же вспомнилъ при первомъ взглядѣ на книгу, но потомъ вспомнилъ и другую: „Не красна изба углами“, и тотчасъ придвинулъ эту отечественную корчагу, это хра-

*) То-есть, портретовъ В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго.

вилице русскаго умственнаго капитала текущаго столѣтїя, и однимъ духомъ прочиталъ статью объ *сагахъ*. Будучи совершеннымъ профаномъ въ историческомъ дѣлѣ, я ни слова не скажу ни *за*, ни противъ *саговъ*, разумѣя доселѣ ихъ преданїями былей съ примѣсю также и небылицъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ скандинавскїя саги озарятъ новымъ свѣтомъ будущую нашу исторїю; можетъ быть, какой-нибудь обрѣтый подъ парникомъ или усастьи иноземецъ вразумитъ моего внука, малютку въ крестьянской красной рубашкѣ, и вдолбитъ ему въ голову прямое понятїе о нашемъ происхожденїи и объ истинныхъ на Руси событїяхъ. Все это хорошо, и я благоговѣю предъ сагами; но со всѣмъ тѣмъ какъ-то грустно замѣчать въ нашей словестности какое-то умышленное стремленїе къ помраченїю достоинствъ и заслугъ Карамзина, хотя и должно сознаться, что никто лучше и умнѣе Брамбеуса не оправдывалъ моего друга. Какъ-то грустно даже и стыдно—уже предъ готовой могилой—узнать, что у насъ еще нѣтъ исторїи, и поколебаться въ вѣковой вѣрѣ даже и о бытїи самаго Нестора ¹⁴⁶).

Къ слову о *Библиотекѣ*: посылаю къ вамъ отрывокъ изъ 5-го номера *Московскихъ Вѣдомостей*. Онъ заставилъ здѣсь многихъ думать, будто я писалъ его. Сегодня только узналъ, что Ширяевъ, изъ угожденїя Смирдину, напечаталъ эту статью подъ начальными буквами моего Созїя, какого-то мальчишка-корректора Ивана же Дмитриева. Зачѣмъ бы не выставить хотя его званїя, чтобы защитить меня отъ напраслины. Это ясно показываетъ тупость, если не глупость, редактора или явные виды низкаго корыстолюбія. Право, и грустно, и даже стыдно говорить о томъ, а не вытерпишь. Нельзя ли, любезнѣйшїй князь, довести о томъ до свѣдѣнїя С. С. Уварова и сказать къ очисткѣ моей слова два о томъ въ *Литературныхъ Прибавленїяхъ* къ *Инвалиду* ¹⁴⁷)?

Поздравьте отъ меня удалаго поэта камеръ-юнкеромъ. Надѣюсь, что онъ и въ области прозы не перестанетъ иногда проблещивать своей поэзїей ¹⁴⁸).

Каково же вамъ, когда я и самъ уже усталъ писавши? И такъ, извините и оставайтесь въ покоѣ. Обнимаетъ всѣмъ сердцемъ искренно любящїй и почитающїй васъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1834, января 19-го.

70.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевич!

Мы не успѣли поздравить другъ друга съ минувшимъ праздникомъ. По крайней мѣрѣ могу васъ увѣрить, что и мысленно, и на дѣлѣ мнѣ пріятно всегда поздравлять васъ съ праздникомъ и съ чиномъ, и съ крестомъ, и съ арендою, и съ спокойствіемъ духа, и съ счастливыми стихами.

Я не въ претензіи за рѣдкія ваши письма: для старика, уже отжившаго свой вѣкъ, почитается и то за истинное благодѣяніе, когда помнятъ его заочно добрые люди въ полнотѣ своей жизни, посреди кабинетскихъ своихъ занятій, прельщенія и суесть большого свѣта, и освѣжаютъ иногда вялый остатокъ бытія его своимъ писаніемъ.

На вопросъ вашъ о новомъ изданіи твореній В. Л. Пушкина, могу только сказать, что недавно князь Шаликовъ уже издалъ цидулки въ стихахъ, писанныя къ нему Васильемъ Львовичемъ, по словамъ его, однимъ присѣстомъ. Содержаніемъ каждой одно и то же—постоянное приглашеніе къ обѣду. Не знаю, что было побудительною причиною сего изданія: данъ ли чувствительнаго сердца, или примѣръ Лафонтенова медвѣдя. Не на нихъ ли нашъ патріархъ собиралъ въ вашемъ клубѣ подписку? ¹⁴⁹⁾ Кромѣ этой брошюрки и романа: „Василій Косый“ ¹⁵⁰⁾ А. Орлова, я ни о какомъ новомъ издѣльѣ нашей московской литературы не знаю. За то вы богаты своими—откуда хлынуло такое изобиліе, такія... созданія? У меня и теперь еще не отдохнули руки отъ пудовыхъ ежемѣсячныхъ тетрадокъ вашей *Библіотеки*.

Заключаю домашнимъ событіемъ: по перемѣнившимся обстоятельствамъ, говоря приказнымъ языкомъ, я опять поступилъ членомъ въ Англійской клубъ, со внесеніемъ трехсотной пени. И отнынѣ паки лицомъ къ лицу съ нашими старожилами, и вспоминаю Батюшкова и Геркуланумъ.

Пора кончить. Съ искренней любовью и почтеніемъ обнимаетъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1834, мая 5-го.

71.

(1835).

Мнѣ очень жаль, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что я (не) могъ воспользоваться посѣщеніемъ вашимъ. Опоздалъ возвратиться только нѣсколькими минутами. Благодарю васъ за него и за *Пчелу*, которую при семъ возвращаю. Надѣюсь, что вамъ не неприятно будетъ получить при ней два экземпляра и новѣйшаго произведенія графа Хвостова. Одинъ для васъ, а другой для А. С. Пушкина. Третьяго дня вечеромъ, по словамъ слуги его, онъ пришелъ въ память; сказали ему, что по утру я посѣщалъ его, и первое слово его было: „Завтра послать ко мнѣ 6 экземпляровъ“. Икота еще продолжается. Право жаль его *)¹⁶¹⁾.

72.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Конечно, вамъ уже извѣстно, чѣмъ я былъ встрѣченъ въ первый день приѣзда моего въ Москву: этотъ горестный случай причиною, что я не писалъ къ вамъ съ первою почтою¹⁶²⁾. Но я тѣмъ не менѣе изъ глубины сердца благодарю васъ за всѣ доказательства вашей доброй, можно сказать, родственной ко мнѣ пріязни, которой всю цѣну я умѣю и понимать, и чувствовать¹⁶³⁾.

Здѣсь я почти ни съ кѣмъ еще не видѣлся и объ здѣшнихъ новостяхъ ничего не знаю. И такъ остается просить васъ засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ и продолжать ко мнѣ вашу пріязнь, во всѣхъ отношеніяхъ для меня лестную. Я же съ дружескимъ почтеніемъ и привязанностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

1835, сентября 14. Москва.

Р. С. Покорнѣйше прошу васъ при случаѣ сказать мое почтеніе Д. Н. Блудову, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину и графамъ Вельгорскимъ и вмѣстѣ увѣрить ихъ въ благодарности

*) На этой записочкѣ рукою князя П. А. Вяземскаго написано: „Возврати мнѣ записку“.

моей за оказанное старику на чужбинѣ снисходительное участіе, а послѣднимъ и за ихъ гостепрѣимство. Также поклониться и Дмитрію Гавриловичу съ Софьей Сергѣевною. Это прибавляю на случай, если позабылъ въ разстройствѣ духа сказать о томъ въ письмѣ къ Сергѣю Сергѣевичу¹⁵⁴). Еще просьба: Изъ прилагаемой при семь копии съ письма нашего университета профессора Рейса къ Д. Н. Блудову увидите, что генеральная консисторія положила сдѣлать ему выговоръ и чуть не написать ли объ отрѣшеніи его отъ должности члена въ здѣшней лютеранской консисторіи, вопреки его жалобы на секретаря, который, по словамъ его, оказалъ ему грубость. Это консисторское опредѣленіе поступить на разсмотрѣніе Дмитрія Николаевича. Нельзя ли сдѣлать мнѣ одолженіе попросить его превосходительство отъ меня, чтобъ не выдавать старика въ торжеству молодого секретаря и освободить его отъ выговора съ сохраненіемъ мѣста по консисторіи¹⁵⁵).

73.

Примте, почтенный и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, сердечную мою признательность и за милое ваше письмо, и за привѣтствіе меня со днемъ именинъ моихъ, и за всѣ ласковые на счетъ мой отзывы, хотя и не заслуженные, но всегда лестные для меня изъ устъ вашихъ.

Изъ письма моего къ Катеринѣ Андреевнѣ можете узнать о настоящемъ моемъ положеніи. Чувствую самъ, что для меня отраднѣе было бы доживать у васъ, тамъ, гдѣ я въ двухъ поколѣніяхъ еще сохранилъ людей, съ коими по уму и по сердцу пріятно мнѣ симпатизировать. Одни любили меня еще въ молодости лѣтъ моихъ; другіе не отвращаются еще отъ моей старости, или находятъ ее довольно сносною.

Здѣсь же я только и гожусь бывать иногда у новыхъ Транжириныхъ, и то у близорукихъ или безъ тонкаго чутья, на званыхъ обѣдахъ, для круглаго счета въ звѣздахъ и двукласныхъ, а рюмкамъ моимъ не подѣ парю, потому что сущій профанъ въ карточномъ дѣлѣ. И такъ, приходитъ зѣвать въ Англійскомъ клубѣ; но и тотъ, очевидно, наполняется новымъ и громогласнымъ народомъ. Старожилы рѣдѣютъ, и Д. В. Чертковъ выбылъ изъ рядовъ ихъ¹⁵⁶).

Я ожидаю, что вы напомните мнѣ о молодыхъ литераторахъ. Но гдѣ же старые? Развѣ вы не читали осьмой книжки *Наблюдателя* ¹⁵⁷). Профессоръ Шевыревъ и эксъ-студентъ Бѣлинскій ¹⁵⁸) давно уже похоронили не только нашу братью стариковъ, но, не прогнѣвайтесь, и васъ, и Батюшкова, и даже Пушкина. Г. профессоръ объявилъ, что нашъ *чопорный* (это модное слово) метръ и нашъ *чопорный* языкъ поэзіи никуда не годятся, *монотонны* (также любимое слово), для образца же выдалъ въ *Наблюдатель* переводъ въ своихъ октавахъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“. Желалъ бы, чтобъ вы сличили его съ переводомъ Раича и сказали мнѣ, находите ли вы въ метрахъ и поэтическомъ языкѣ Шевырева музыкальность, силу и выразительность, которой, по словамъ его, недостаетъ въ русской поэзіи нашего времени? У насъ не доставало только *поминковъ* и *слезинокъ*, которыми г. профессоръ украсилъ свои октавы. Какъ бы то ни было, по мы отнынѣ, по словамъ его, уже не существуемъ для воспитанниковъ Московскаго университета. Отнынѣ уже начнется въ немъ новый языкъ и новая метода для развода гениальнаго племени. Да поможетъ Фебъ Шевыреву! Однакожь... тяжело пережить отцовскій языкъ и приниматься опять за азбуку! ¹⁵⁹)

Простите меня за стариковскую болтливость и любите по прежнему. Всѣмъ сердцемъ обнимаетъ васъ до свиданья преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ и любезному вашему семейству свидѣтельствую искреннее мое почтеніе.

Москва. 1835, октября 4 дня.

74.

Москва. 1835, декабря 14.

Милостивый государь, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Хотя издалека, но тѣмъ не меньше отъ всего сердца привѣтствую васъ и милостивую государыню княгиню Вѣру Ѳедоровну съ двойною высокомонаршею милостію ¹⁶⁰).

Я еще не видался съ княземъ Петромъ Ивановичемъ: размѣнялись только визитами, но другъ друга не заставляли ¹⁶¹).

Впрочемъ, пожелавъ вамъ и любезному вашему семейству возможнаго благоденствія, съ чувствами душевнаго почтенія и искренней пріязни постоянно пребуду, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ сказать мое искреннее почтеніе милостивой государынѣ Катеринѣ Андреевнѣ и ея любезному семейству, В. А. Жуковскому и Петру Ивановичу Полетиѣ.

75.

Милостивый государь любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Въ послѣдній день дряхлаго года привѣтствую васъ съ достиженіемъ новаго и всѣмъ сердцемъ желаю вамъ и всему вашему любезному семейству встрѣтить и проводить его, сколько возможно, лучше и пріятнѣе.

Съ тою же искренностью благодарю васъ за милое письмо ваше и литературный гостинецъ. Не вините меня, что такъ поздно хватился благодарить: мнѣ хотѣлось писать къ вамъ не прежде, какъ по свиданіи моемъ съ княгинею *); но первый мой визитъ былъ такъ неудаченъ, что не успѣлъ сказать ей и пяти словъ: она окружена была посѣтительницами. Въ другой же пріѣздъ мой получаю внезапную вѣсть у врыльца, что со вчерашняго дня княгиня уже катитъ въ дилижансѣ по гладкой Петербургской дорогѣ. Затѣмъ наступила суматошная недѣля, и я при всей моей любви къ независимости, жалкій и незванный труженникъ свѣта, только что теперь улучилъ спокойный досугъ удовлетворить моему сердцу, второму такъ пріятно всегда сказать вамъ, хотя на письмѣ, нѣсколько словъ и отъ васъ услышать столько же.

Теперь же доволенъ буду и *однимъ*, если вы *имъ* порадуете меня на счетъ Андрея Николаевича **). Я до сихъ поръ остаюсь въ тяжкой неизвѣстности о дальнѣйшемъ ходѣ его болѣзни. Какъ мнѣ жаль Катерины Андреевны!

Но да утѣшитъ ее и васъ всемогущее Провидѣніе! Съ симъ сердечнымъ моленіемъ и съ чувствами искренняго почтенія къ

*) Вѣрою Федоровною Вяземскою.

***) Карамзина.

вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ обнимаетъ васъ преданный вамъ навсегда И. Дмитріевъ.

Москва. 1835, декабря 31 дня.

76.

На силу вы вспомнили меня съ прошлаго года, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ! Но я съ прежнею искренностью благодарю васъ за письмо, а попеняю только за то, что не сказали въ немъ ни слова объ Андреѣ Николаевичѣ, совершенно ли онъ выздоровѣлъ, началъ ли выходить, и на чемъ рѣшилось по случаю предполагаемой поѣздки за границу.

Препровождаю при семъ очистку вашихъ вопросовъ. Можетъ быть, доставлю вмѣстѣ съ нею *посланіе* къ Фонъ-Визину¹⁶²⁾ и выписку объ немъ изъ моихъ записокъ, если первую не замѣшкаютъ по обѣщанію прислать, а вторую соберусь съ силами выписать. Съ потери брата я что-то разстроился и упалъ духомъ. Жаль, что покойникъ не отказалъ, какъ водится, бумагъ сыну своему или по крайней мѣрѣ хотя мнѣ для передачи другимъ по моему выбору. Теперь онъ въ рукахъ сына, Ипполита Бекетова, не того, котораго вы знаете, а другого. Петръ Петровичъ Бекетовъ передалъ ему право своего наслѣдства, состоящаго въ ветхомъ домѣ, въ русской библіотекѣ, въ удѣлѣвшемъ портфель съ любимыми эстампами, въ десяткѣ или побольше заимодавцевъ и въ кучѣ рукописей. Хочу похлопотать на счетъ послѣднихъ. Если удастся, охотно подѣлюсь съ вами¹⁶³⁾.

Какъ я жажду получить отъ васъ, если можно, копію съ отысканной бумаги! У кого она въ рукахъ, и будетъ ли издана въ свѣтъ? Не меньше желалъ бы имѣть и съ другой, посвященной покойному и незабвенному Александру. Знаю, что она и здѣсь многимъ извѣстна посредствомъ *Доловой арфы* *)¹⁶⁴⁾.

Если можно, по словамъ покойницы нашей риторики, перейти отъ высоваго къ низкому, то рекомендую вамъ прочитать 1 и 2 книжку на текущій годъ *Телескопа*, выданнаго Надеждинымъ уже по воз-

*) Арзамасское прозвище А. И. Тургеневъ.

вращеніи его изъ Парижа. Въ нихъ замѣчательнъ взглядъ его на Парижъ съ катедральной колокольни; его же *европеизмъ* и народность въ нашей словесности; и еще нѣчто *объ ничемъ*, то-есть: отчетъ о теперешнемъ ходѣ нашей словесности, представленный ему по возвращеніи отъ сотрудника его по журналамъ экъсъ-студента Бѣлинскаго, который, кажется, въ большомъ союзѣ съ Брамбеусомъ и ревнуетъ перешеголять Полевого, громить новыхъ литераторовъ съ исключеніемъ двухъ, о старыхъ же и говорить нечего: они уже давно раздавлены. Надеждинъ вывезъ изъ Парижа немного новаго. По старой привычкѣ своей, съ перваго шага бросился на колокольню, и только зоркимъ глазомъ своимъ усмотрѣлъ, что парижскіе фланеры не шатаются, а *шмыряютъ* по улицамъ ¹⁶⁵).

Рекомендую вамъ также заглянуть и въ двѣ послѣднія книжки *Ученыхъ Записокъ* Московскаго университета. Въ нихъ напечатана рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Дворянскаго института старшимъ его учителемъ Межевичемъ. Онъ торжественно попираетъ классицизмъ; глумитъ надъ риторикою; представляетъ музу 18 столѣтія въ карикатурѣ разфарбленной, разрумяненной и разпудренной. Каковы-то будутъ ученики его? По крайней мѣрѣ пропускъ этой рѣчи доказываетъ, что отнынѣ Московскій университетъ будетъ состоять подъ двоякимъ вліяніемъ—классическимъ и романтическимъ ¹⁶⁶).

Наконецъ, съ нетерпѣніемъ буду ждать подписки на *Современникъ*. Прошу васъ обнять за меня милаго его издателя ¹⁶⁷), также и В. А. Жуковскаго, а Катеринѣ Андреевнѣ и любезному ея семейству сказать душевное мое почтеніе, съ коимъ равно и къ вамъ, и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ навсегда имѣю честь быть преданнымъ. И. Дмитріевъ.

Москва. 1836, марта 3 дня.

77.

Христось воскресъ!

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Вмѣстѣ съ христіанскимъ привѣтствіемъ и братолюбивымъ объятіемъ, благодарю васъ искренно за послѣднее ваше письмо и

гостинцы. Вы такъ добры, что всегда умѣете чѣмъ-нибудь занять и потѣшить дѣтскую мою старость.

Нетерпѣливо буду ждать отъ васъ или Василя Андреевича обѣщанной копии съ записки или съ письма Николая Михайловича, но желалъ бы я получить эту бумагу вполнѣ, въ какомъ видѣ читали мы съ вами ее у Катерины Андреевны, то-есть, съ постскриптомъ отъ автора ¹⁶⁸). Съ не меньшимъ нетерпѣніемъ желаю получить и біографію Фонъ-Визина, и *Современникъ*, въ твердой увѣренности, что онъ будетъ не похожъ на своихъ товарищей. Жаль только, что великъ положенъ срокъ на прочтеніе каждой книжки, какъ будто мы еще по складамъ читаемъ. Лучше бы хотя по толенькой тетрадѣ, но каждый мѣсяцъ. Пускай щеголяетъ дорожностью своей *Библиотека для чтенія*. Я очень благодаренъ Василю Андреевичу и Александру Сергѣевичу за ихъ обѣщаніе, равно какъ и прочимъ, поименованнымъ въ вашемъ письмѣ за обязательное ихъ обо мнѣ воспоминаніе. Свидѣтельствую всѣмъ имъ мое почтеніе и привѣтствіе съ праздникомъ.

Къ дополненію посланныхъ справокъ сообщаю вамъ еще новую изъ здѣшняго архива Иностранной Коллегіи. Можетъ быть, и она къ чему-нибудь пригодится. По крайней мѣрѣ выигрываемъ то, что вмѣсто одного веселаго, нашли четырехъ и всѣхъ умныхъ, что не такъ часто случается въ семействахъ. Но въ праздники недосугъ писать и читать письма. И такъ, до будней. Преданный вамъ всею душою Дмитріевъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ и поздравить ея сіятельство съ наступившимъ праздникомъ, равно какъ и любезныхъ дѣтей вашихъ.

P. S. Посланія по сию пору еще не отыскалъ: авось достану отъ его сына, если найду его въ Москвѣ.

Москва. 1836, марта 26-го.

Можетъ быть, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, вы уже считаете меня въ странѣ отцевъ нашихъ, такъ давно не по-

лучая отвѣта на ваше письмо: не вините меня. Это произошло отъ усердія моего вмѣстѣ съ отвѣтомъ послать къ вамъ и *посланіе* къ Фонъ-Визину. Многіе изъ современниковъ Николаева ¹⁶⁹) и любителей старины, начиная съ Малиновскаго до Макарова ¹⁷⁰), общали мнѣ отыскать эту рѣдкость, но и до сихъ поръ не сдержали своего слова. Наконецъ, я, узнавъ о пребываніи здѣсь сына самого автора *), обратился къ нему съ моею просьбою, и вотъ вамъ своеручный отвѣтъ его къ моему оправданію.

Примите же теперь, хотя и поздною, но искреннюю признательность мою за ваше письмо и доставленіе *Современника*. Я имъ очень доволенъ, особенно же записками объ Арзерумѣ, Султаномъ Гиреємъ, который и порадовалъ, и удивилъ меня. Не правда ли, что онъ пишетъ по русски несравненно исправнѣе, и съ бѣльшимъ вкусомъ, чѣмъ нѣкоторые изъ рецензентовъ *Телескопа*, *Молвы* и фельетона *Сверныя Пчелы*? Всего же болѣе полюбился мнѣ обзоръ новой нашей словесности, изложенный съ искусствомъ или по вышнему художественно и съ безпристрастіемъ. Чей это, Пушкина или Плетнева? ¹⁷¹) Съ удовольствіемъ также пробѣжалъ я и князя Козловскаго. Онъ вмѣстѣ со мною началъ стихотворствовать и подавалъ большую надежду, но вдругъ умолеъ. Тогда я не зналъ его лично, а сошелся съ нимъ во время моего министерства ¹⁷²). Онъ, мнѣ кажется, имѣетъ что-то сходнаго съ княземъ Бѣлосельскимъ по своей любезности ума и простодушію; но въ искусствѣ русскаго слова послѣдній далеко уступаетъ первому ¹⁷³).

Прошу васъ доставить прилагаемое при семъ письмо къ А. С. Пушкину. Уговорите его издавать *Современникъ* помѣсячно, а не по третямъ года. Впрочемъ, не заботясь о формѣ, можно надѣяться, что *Современникъ* перещеголяетъ *Наблюдателя*. Къ слову объ немъ. Укажу вамъ на неуклюжее объясненіе, въ которомъ и я замѣшанъ въ послѣдней книжкѣ, и вотъ по какому случаю: Недовольный Воейковымъ, помѣстившимъ въ 25 № *Литературныхъ Прибавленій* стихотвореніе-эпиграфъ съ полнымъ именемъ и прозвищемъ какого-то моего тезки и однофамильца, безъ оговорки, что стихи не

*) То-есть, А. С. Хвостова.

мой, а моего Созія, я говорилъ издателю *Наблюдателя*, нельзя ли приличнымъ образомъ объяснить публикѣ о появленіи подъ моимъ именемъ и прозвищемъ новаго сподвижника на словесномъ нашемъ иподромѣ. Онъ охотно взялся, и чрезъ два дня прислалъ мнѣ на просмотрѣніе уже отпечатанный листочекъ. Но *объясненіе* его мнѣ очень не полюбилось и по высокопарнымъ отзывамъ обо мнѣ, и по неограниченной грубости противъ моего Созія. Возвращая ему листочекъ, я прошу его смягчить свое *объясненіе*, и для образца посылаю ему нѣсколько строкъ, набросанныхъ мною наскоро. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что этого сдѣлать уже нельзя, потому что листокъ уже пропущенъ ценсурою, и о выходѣ книжки уже объявлено въ московскихъ газетахъ.

Сообщаю вамъ и мою программу и повѣряю вамъ, любезный князь, мою защиту: разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда неуклюжее *объясненіе* возбудитъ враговъ *Наблюдателя* къ насмѣшкамъ, и блѣдная тѣнь моя, ибо я уже не существую въ литературномъ мірѣ, вызвана будетъ предъ грозный трибуналъ Бѣлинскаго или Брамбеуса ¹⁷⁴).

Наконецъ, еще прошу васъ, и прошу васъ съ чувствомъ дружбы, сдержать свое обѣщаніе, сообщить мнѣ копию съ двухъ манускриптовъ Николая Михайловича, послѣ его имени ¹⁷⁵). Полно писать. Съ сердечнымъ почтеніемъ и привязанностью къ вамъ обнимаетъ васъ преданный И. Дмитріевъ.

Р. С. Милостивымъ государынямъ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семействомъ свидѣтельствую душевное мое почтеніе.

Прошу васъ также сказать мой низайшій поклонъ В. А. Жуковскому, графамъ Вельегорскимъ, Полетикѣ, Сербиновичу и Н. Я. Плюсковой, если встрѣтитесь съ нею ¹⁷⁶).

Москва. 1836, мая 4 дня.

Не хочу по здѣшнимъ слухамъ откладывать до скорого съ вами свиданья, а теперь же поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и ея сіятельство почтенную вашу супругу съ

новымъ семьяниномъ, который съ первыхъ шаговъ въ общество уже обратилъ на себя общее вниманіе. Искренно желаю, какъ самый ближній вашъ родственникъ, молодымъ во всѣхъ отношеніяхъ счастья, не разлучнаго съ вашимъ ¹⁷⁷⁾.

Между тѣмъ прошу васъ по прежнему питать и подкрѣплять старость мою литературною пищею, разумѣется, удобоваримую: на первый же случай доставить мнѣ *пристройку* услужливаго и безкорыстнаго *Зодчія* ¹⁷⁸⁾. Но я еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ желалъ бы получить отъ васъ обѣщанную *рукопись* и біографію Фонъ-Визина въ печати. Поклонитесь отъ меня Василю Андреевичу и передайте благодарность мою за обѣщаніе. Пушкинъ, хотя и не простая со мною оставилъ Москву, но я очень благодаренъ ему и за то, что далъ мнѣ видѣть себя два раза.

Да благословитъ Всевышній нашего путешественника и возвратитъ его совершенно здоровымъ. Скажите мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ и милому ея семейству. Наконецъ, прошу васъ повѣрить, что я очень радъ вашему выздоровленію, и останусь навсегда съ прежною къ вамъ привязанностью и уваженіемъ постоянно преданный вамъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1836, мая 23-го, четвергъ.

80.

Третьяго дня я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя молодую и милую чету, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и спѣшу за эту честь принести вамъ чувствительную мою признательность *).

Я все надѣялся, что порадованъ буду свиданіемъ съ вами во дню именинъ вашихъ и отпраздную его по старинѣ вмѣстѣ съ вами въ Остафьевѣ, но не такъ случилось. Примите по крайней мѣрѣ заочное мое привѣтствіе съ искреннимъ желаніемъ вамъ прочнаго здоровья и благоденствія, гдѣ бы вы ни были ¹⁷⁹⁾.

По всему кажется, что мы сдѣлали скачокъ изъ зимы прямо въ осень, однакожь все идетъ своимъ чередомъ—и Петровское наполнено любителями природы. Скажу и о себѣ, что я хотя и не такъ дѣятеленъ, какъ П. И. или Л. А., но настоящимъ положе-

*) Петра Александровича и Марію Петровну Вагуевыхъ.

ніемъ моимъ еще доволенъ. Съ нетерпѣніемъ жду обѣщанныхъ рукописей, біографіи Фонъ-Визина и, хотя совѣстно смѣшивать съ ними, пристройки А. Ѳ. В. ¹⁸⁰). Между тѣмъ, прошу васъ вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ привязанности и уваженія преданнаго вамъ навсегда Ивана Дмитріева.

Москва. 1836, іюня 28.

81.

(1836, августъ).

Отъ всей души радуюсь близкому съ вами свиданію, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и благодарю васъ за петербургскіе гостинцы, хотя и не въ прокъ, а въ ссуду ¹⁸¹).

Я виноватъ передъ Марьей Петровной и Петромъ Александровичемъ *), что еще не отплатилъ имъ за ихъ пріятное посѣщеніе. Но прежде мѣшало тому ихъ отсутствіе, а потомъ мое нездоровье, отъ котораго и теперь еще не совсѣмъ освободился. Постараюсь однакожь, во что ни станеть, еще побывать въ Остафьевѣ, которое по многимъ отношеніямъ возбуждаетъ во мнѣ пріятныя и отчасти меланхолическія воспоминанія.

Между тѣмъ, съ чувствами душевнаго почтенія обнимаетъ искренно любящій васъ И. Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ тотчасъ дать мнѣ знать о вашемъ прібытіи въ Москву. Я брошусь къ вамъ на встрѣчу еще прежде нашего коменданта. Ежели вы скоро будете писать въ Петербургъ, то прошу васъ передать и отъ меня благодарный поклонъ Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семействомъ, Жуковскому, Блудову и Пушкину и сообщить послѣднимъ двумъ, что я радъ получить отъ нихъ и отчетъ, и вторую книжку. Ширяевъ мнѣ отказалъ потому, что билетъ полученъ мною отъ самого издателя.

Воскресенье.

82.

Милостивый государь любезный князь Петръ Андреевичъ!

Вы обѣщали взять на себя ходатайство за бѣднаго юношу-книгопродавца Кузнецова: вотъ вамъ его записка, излагающая вполнѣ

*) Валуевымъ.

исторію календаря, которымъ добрый отецъ его думалъ обезсмертить себя и доставить услажденіе благочестивымъ читателямъ, не предчувствуя того, что доставитъ имъ своему сыну хлопоты и, можетъ быть, совершенное разореніе.

Сдѣлайте милость обратите ваше вниманіе на его записку и „Христіанскій Календарь“, который при семъ препровождаю, и попытайтесь исходатайствовать на выпускъ его христіанскаго разрѣшенія, безъ чего бѣдный юноша, обремененный отцовскими долгами, имѣющій на рукахъ еще сестру и двухъ братьевъ, легко можетъ погибнуть. Покажите и записку, и календарь предварительно почтенному Сербиновичу. Я увѣренъ, что и онъ не найдетъ достаточной причины въ отказу въ дачѣ билета¹⁸²⁾.

Вотъ и еще просьба: при первомъ свиданіи съ Дмитріемъ Николаевичемъ *) прошу васъ увѣрить его въ искренней благодарности за экземпляръ отчета Внутренняго Министерства. Я любовался европейскимъ отчетомъ и желалъ бы, чтобы онъ былъ болѣе извѣстенъ публикѣ. Благодаренъ ему и за то, что не забыто въ отчетѣ и объ монументѣ близкаго моему сердцу. Слышу, что уже вышелъ и третій номеръ *Современника*, но я боюсь, чтобъ не прождать мнѣ его до новаго года. Съ душевнымъ почтеніемъ обнимаю васъ преданный вамъ навсегда Дмитріевъ.

Москва. 1836, октября 22 дня.

83.

Не знаю, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, успѣю ли переслать къ вамъ впору кое-что объ Державинѣ, потому что статья объ немъ на нѣсколькихъ страницахъ: я же, не имѣвшій никогда въ домашнемъ быту моемъ перепищика, не могу нынѣ писать долго; рука моя часто дрожитъ и отказывается отъ службы. Но я не отказываю вамъ въ посильныхъ моихъ услугахъ, только не торопите¹⁸³⁾.

На этотъ же разъ сообщаю вамъ двѣ выписки о В. П.

*) Влудовымъ.

Петровѣ, о которомъ въ моихъ „Запискахъ“ приходится мнѣ говорить, проходя два мои возраста: юношескій и зрѣлый. Я очень радъ, что мы одинаково понимаемъ поэта, едва ли знакомаго нашимъ смирдистамъ и полевицамъ.

Когда вы станете писать объ немъ, не забудьте сказать, что въ 70-хъ годахъ, находясь въ Лондонѣ, переводилъ съ оригинала Мильтоновъ *Потерянный рай*, по тогдашнему полуславянскимъ наръчіемъ. Въ 777 году напечатано было только три пѣсни для однихъ его друзей, а въ продажѣ ихъ не было. Однакожь у меня есть одинъ экземпляръ изъ собственной его библіотеки, даже съ его на крышкѣ рукописаніемъ. Это мнѣ даръ вдовы его. Переводъ посвященъ князю Петру Ивановичу Репнину. Вотъ вамъ и копія съ его дедикаціи.

О сынѣ его могу только сказать, что онъ записанъ былъ мною въ департаментъ министерства юстиціи и остался послѣ меня въ 14 классѣ; потомъ добровольно пожертвовалъ своимъ офицерствомъ и записался въ учебное заведеніе Н. Н. Муравьева, чтобы усовершенить себя въ математическихъ наукахъ; дослужился опять до офицерства, и уже былъ, какъ сказывали мнѣ, при какомъ-то генералѣ адъютантомъ, а теперь въ отставкѣ и живетъ здѣсь. Совершилъ ли онъ, или еще продолжаетъ переводъ *Иліады*, не знаю. Изъ стихотвореній же его извѣстна мнѣ только его напечатанная трагедія; стихи въ ней, конечно, глаже отцовскихъ и совсѣмъ не вялы, но сама трагедія, какъ и всѣ наши — допотопно-романтическія ¹⁸⁴).

Пока еще тянется утлый мой челночокъ къ пристани, постараюсь кое-что выбрать изъ моихъ „Записокъ“ и для біографіи Николая Михайловича приобщить крохи мои въ видѣ смиренной лепты къ вашему капиталу.

Что же касается до путешествія Василія Львовича, то хотя, и позволилъ перепечатать, но теперь пришелъ въ раздумье: не лучше ли подождать возвращенія Сергѣя Львовича? Если онъ разрѣшитъ отъ себя и сестрицы, то да будетъ какъ вамъ угодно, только съ тѣмъ, чтобы эту случайную бездѣлку облечь, какъ вы сами хотѣли, въ біографическую форму и поправить въ ней ошибку: вмѣсто Фокса съ Шериданомъ надлежитъ поставить *Питта* ¹⁸⁵).

Конецъ вашему долготерпѣнію. Съ уваженіемъ и признательностью обнимаетъ васъ Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1836, ноября 13 дня.

84.

Не дожидаясь вашего отвѣта, посылаю къ вамъ при семъ и другую выписку изъ моихъ „Записокъ“, не для вашего сборника, но только къ вашему свѣдѣнію. Можетъ быть, что-нибудь изъ нея пригодится для вашей или В. М. *) біографіи Николая Михайловича ¹⁸⁶).

Сегодня отправился къ вамъ въ дилижансѣ А. И. Тургеневъ. Я хотя и не отправилъ съ нимъ моей посылки, боясь, чтобъ она не изпепелилась у него за пахузой, въ постоянномъ его архивѣ; но прошу васъ сказать ему, что я очень, очень благодаренъ ему за извѣстіе его о графѣ Сергѣѣ Петровичѣ Румянцовѣ. Дай Богъ ему здравствовать, и спасибо иноплеменнымъ, что отдали ему полную справедливость. Дожидай же чего добраго отъ нашихъ журналистовъ. Мы любимъ только хвалить своихъ ровесниковъ и бѣжать далеко, по словамъ *Телеграфа* ¹⁸⁷).

Теперь я принимаюсь за выписку о Державинѣ. Между тѣмъ поздравляю васъ съ нашей любезной именинницею. Любящій и уважающій васъ всею душою И. Дмитріевъ.

Москва. 1836, ноября 21 дня.

85.

Одна уже благодарность за вашу дѣятельность и добротство къ нашей словесности дѣлаетъ меня на все сговорчивымъ передъ вами, любезный князь Петръ Андреевичъ. Очень охотно пошлю къ вамъ въ будущую пятницу (27 ч.) по тяжелой почтѣ и завѣтный переводъ Мильтона. Мнѣ уже недолго владѣть имъ: пускай же онъ еще при мнѣ перейдетъ въ руки того, кто мнѣ по сердцу, чѣмъ лежать ему неприкосновеннымъ, почти въ забы-

*) Перевощикова.

томъ шефѣ, въ ежедневномъ ожиданіи участі Бекетовской библиотеки, завалаться въ никольскихъ книжныхъ лавкахъ, или, что и того хуже, попасть въ мѣшокъ разнощиза книгопродавца. Пускай онъ разшевелитъ умственную вашу энергію и заставитъ васъ произвести что-нибудь дѣльное и небезполезное для современныхъ и будущихъ нашихъ словесниковъ¹⁸⁸). Настоящій или нынѣшній владѣлецъ рукописей и книгъ П. П. Бекетовъ въ деревнѣ. Онъ хотя и зналъ, что я интересовался первыми, но ни на что не вызвался, и, Богъ вѣдаетъ, что съ ними будетъ. Мнѣ очень жаль, что въ числѣ ихъ погибнуть или, можетъ быть, упадутъ въ недостойныя руки, подаренныя отъ меня покойнику¹⁸⁹): сатира Тредьяковскаго на Кулабку, нигдѣ не напечатанная; проектъ слова Императрицѣ Екатеринѣ II, писанный *рукой* Ломоносова, и уже напечатанный въ журналѣ *Друзь Просвѣщенія*, изданномъ Бекетовымъ, и еще стихи, читанныя въ присутствіи Петра Великаго при спускѣ новаго корабля; они начинаются такъ:

Петръ рыбакъ здѣлалъ лодку,
Ловить на ней крупную рыбу плотку.
Плотку въ печь
Испечь,
Щуку въ колодку.

* * *

Не уйдетъ отъ него и сомъ,
Крупный болванъ съ большимъ усомъ... etc.

Замысловатый поэтъ Шириевъ хотѣлъ характеризовать подъ именами рыбъ всѣ того времени кабинеты. Не знаю, одного ли съ нимъ поколѣнія нынѣ здравствующій и конечно памятный вамъ по каждому номеру Московскихъ газетъ коммерціи совѣтникъ и почетный гражданинъ Шириевъ¹⁹⁰).

До свиданія. Прошу влнаться отъ меня всѣмъ, кто меня по добру вспомнитъ и сказать мою благодарность борзому скорописцу за письмо его изъ дилижанса *). Обнимаю васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1836, ноября 25 дня.

*) А. И. Тургеневу.

Посылаю къ вамъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, и послѣднюю выписку. Предоставляю и ее въ полное ваше распоряженіе, но только съ тѣмъ, чтобъ не выдавать меня на старости лѣтъ моихъ, въ случаѣ нападковъ на меня отъ смирдистовъ, если вы заблагоразсудите помѣстить посылку мою въ вашемъ сборникѣ. По крайней мѣрѣ въ извиненіе неисправности моего слога можете сказать имъ, что я не классикъ, не романтикъ, ни даже вдохновенный, а просто смиренный самоучка, прогулявшій всю молодость свою зѣвакою въ цвѣтникахъ поэзіи. Но поможетъ ли это мнѣ въ оправданіе, когда, по словамъ *Телеграфа* и *Животнаго Обзорнія*, и Карамзина языкъ устарѣлъ, и „проза Жуковского, безспорно, должна быть поставлена выше Карамзина прозы, какъ истинное, безыскусственное выраженіе глубокаго чувства, до чего не достигалъ Карамзинъ“? ¹⁹¹⁾

Къ слову о *Телеграфѣ* сообщу вамъ литературную замѣтку о *Молетъ* въ послѣднихъ, помнится мнѣ, книжкахъ *Телескопа*: издатель ея, нѣкто Бѣлинскій, объявляетъ, что попался ему случайно старинный переводъ Шекспировой трагедіи „Юлій Цезарь“, и что онъ не могъ надивиться исправности перевода и уму *неизвѣстнаго* переводчика въ книгѣ, напечатанной за 30 лѣтъ до нашего геніальнаго времени. Въ радости же отъ этой находки сообщаетъ читателямъ и *предисловіе* переводчика, ни мало не подозрѣвая, что этотъ „Юлій Цесарь“ переведенъ и выданъ *Карамзинимъ*—съ воимъ *Телескопъ*, какъ и *Телеграфъ*, не очень симпатизировалъ—почти въ одно время съ „Эмилией Галоти“, Лессинговой трагедіей, еще до его путешествія. Но еще болѣе подивимся тому, что и А. Θ. Воейковъ, давній почитатель Карамзина и неутомимый преслѣдователь двухъ рыцарей нашего времени, также не зналъ имени переводчика, и его предисловіе перепечаталъ какъ диковинку, въ своихъ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*. Передайте ему эту замѣтку: авось онъ объявитъ имя переводчика „Юлія Цесаря“ новому антикарамзинскому поколѣнію ¹⁹²⁾.

Я держусь *новизны*, какъ слова, освященнаго уже давностями, и вѣроятно академическимъ словаремъ, а *новиную*, сколько помню

я, наши низовыя только старухи называли новые холсты, льняные и посконные¹⁹³).

Но мнѣ совѣстно занимать васъ такими пустяками, между тѣмъ, какъ давно хочется спросить васъ о здоровьѣ Катерины Андреевны и ея семейства. Еще въ ноябрѣ поздравилъ ихъ съ двумя именинницами, но съ тѣхъ поръ ничего объ нихъ не слышу. Я право не привязчивъ къ условіямъ этикета, а хочу только успокоить себя на счетъ здоровья Катерины Андреевны и ея семейства.

До свиданья, обнимаетъ васъ отъ всего сердца преданный и любящій васъ И. Дмитриевъ.

Р. С. Почтенному Гриму Балланшьичу или Балланшевичу *) прошу васъ передать мой низайшій поклонъ и сказать ему, что у васъ на святкахъ ожидаютъ балъ за баломъ.

Москва. 1836, декабря 18 дня.

87.

Вчера въ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству позабылъ я напомнить вамъ о двухъ братьяхъ Кузнецовыхъ, здѣшнихъ книгопродавцахъ, теперъ увѣдомляю васъ, что уже послано отъ здѣшней цензуры представленіе въ главную цензуру, въ которомъ, вѣроятно, изложены причины, почему она не выдала билета книгопродавцамъ на полученіе изъ типографіи всего завода „Христіанскаго Календаря“. Причины могутъ быть важными по одному только убытку и разоренію, которые понесутъ бѣдные молодые книгопродавцы, получившіе въ наслѣдіе отъ отца кучу долговъ, если конфисковано будетъ ихъ изданіе, стоящее имъ около 20 т., если не болѣе. Обращаюсь къ доброму вашему сердцу: будьте новымъ Орфеемъ, или лучше будьте добрымъ христіаниномъ и употребите всѣ ваши умственныя и душевныя силы на смягченіе строгихъ формъ къ освобожденію „Христіанскаго Календаря“ и къ спасенію двухъ несчастныхъ его издателей, ихъ матери и сестеръ отъ совершеннаго разоренія¹⁹⁴).

Декабря 19-го (1836).

*) А. И. Тургеневу.

Р. С. Скажите почтенному Сербиновичу душевное почтение, которое навсегда и въ вамъ сохранить преданный вамъ И. Дмитриевъ.

88.

Не вините меня, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что я такъ долго не благодарилъ васъ за послѣднее ваше письмо и за добрую вѣсть объ обѣщанномъ освобожденіи „Христіанскаго Календаря“, хотя эта вѣсть не сбылась еще и понынѣ.

Благодарительное мое письмо уже начато было въ свое время, но остановилось въ ходу своемъ по случаю поразившаго меня извѣстія о судьбѣ незабвеннаго Пушкина. Съ той минуты до сего времени не хотѣлось мнѣ брать въ руки пера, да и вамъ, конечно, было не до моихъ писемъ ¹⁹⁵).

Теперь же возобновляю мое ходатайство, единственно изъ жалости, объ Кузнецовыхъ. Здѣшняя цензура еще не получила на счетъ ихъ никакого рѣшенія, или по крайней мѣрѣ до нихъ ничего не доходитъ, а между тѣмъ положеніе ихъ день отъ дня хуже. Я уже сегодня писалъ къ самому Сербиновичу, а потому еще прошу и васъ пособить мнѣ въ моемъ ходатайствѣ.

Между тѣмъ свидѣтельствую вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ душевное мое почтение, заочно васъ обвиняю и пребуду навсегда преданнѣйшій вашъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1837, февраля 25 дня.

89.

Я не злопамятенъ и отъ чистаго сердца благодарю, любезнѣйшій князь, за *Современникъ*, на который билетъ полученъ здѣсь отъ почетнаго гражданина Ширяева, и за *вождедьнное* ваше писаніе.

Современникъ, сколько ни желалъ его видѣть, съ первыхъ страницъ возобновилъ грусть мою, но это не помѣшало мнѣ однимъ духомъ прочитать всѣ стихи покойнаго (и въ настоящемъ смыслѣ) Пушкина, и всѣ они дышать очаровательной его поэзіей!

Съ такимъ же чувствомъ повторилъ и остатки незабвеннаго

друга. Наконецъ, облегчилъ грусть мою вашими прекрасными стихами и хроникой А. И. Тургенева ¹⁹⁶). Прочее же дочитаю въ дорогѣ: послѣ завтра (въ субботу) съ Божьяго благословенія задумываю выѣхать въ Псковъ, въ Ригу, въ Ревель, а оттуда побывать еще въ Петербургѣ.

Вы меня тронули, милый князь, памятью вашей объ участи бѣднаго сироты Кузнецова. Увы! предписаніе начальства (изъ Петербурга) удвоило только ожесточеніе цензора-астронома *) и братіи; придравшись къ слову, помнится, *по разсмотрѣніи*, они изъ печатнаго уже календаря (истинно христіанскаго) вымарали нѣсколько статей, а по прочимъ статьямъ, назидательнымъ, нѣсколько разъ уже разсмотрѣннымъ въ прежнихъ изданіяхъ, положили отправить экземпляръ календаря еще на разсмотрѣніе духовной цензуры. И чѣмъ же опорочивается эта книга, которую вѣрно бы съ большимъ удовольствіемъ и пользою занимался добрый простолюдинъ, чѣмъ живнію Ваньки Каина и шута Балакирева? Опорочивается тѣмъ, что названа *календаремъ*, хотя уже послѣ напечатанія ея выпущены въ свѣтъ не только Экономическій, но даже и *Скаковой* календарь. Зачѣмъ помѣщены въ ней статьи, заимствованныя изъ *Академическаго* календаря? Но онѣ были пропущены и напечатаны еще до объявленнаго повелѣнія о непечатаваніи никакихъ статей изъ Академическаго календаря. Кончу тѣмъ, что весь заводъ, напечатаніе коего стоило нѣсколькихъ тысячъ рублей, придется перепечатывать съ прибавкою еще нѣсколькихъ тысячъ, а бѣдный издатель вышедшій только изъ юношескаго возраста, съ двумя меньшими братьями и сестрою, совершенно разорятся, и будутъ, можетъ быть, доживать вѣкъ свой христовымъ подаваніемъ ¹⁹⁷).

Простите, что я или сердце мое заговорилось, позабылъ о слабости вашего зрѣнія. Простите и въ другомъ смыслѣ—до скорого свиданья, если будетъ на то Всевышняго соизволеніе. Всѣмъ сердцемъ обнимаетъ васъ искренно любящій и почитающій васъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1837, іюня 24-го, четвергъ.

*) Д. М. Перевощикова.

90.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Еще не выдавшись съ В. П. Давыдовымъ ¹⁹⁸), я далъ слово Николаю Петровичу Новосильцову ¹⁹⁹) обѣдать у него въ пятницу. Нынѣ онъ былъ еще у меня, и никакъ не хочетъ перемѣнить своего дня, почему и прибѣгаю къ вамъ съ поворнѣйшею моею просьбою: нельзя ли одолжить меня, испрося у Владиміра Петровича другого дня для нашего обѣда—*середы* или *четверга*, а въ субботу Сарское Село увидитъ меня уже въ костюмѣ рыцаря плачевнаго образа, но только не съ лансомъ въ рукахъ, а съ мирною подорожною, можетъ быть, уже и послѣднею въ здѣшней юдоли. Несносный возрастъ! Не дасть забыться ни на минуту ²⁰⁰). Преданный вамъ Дмитріевъ.

С.-Пб. 1837, іюля 20-го.

Записочки безъ означенія датъ:

91.

Сію минуту я только увидѣлъ прекрасный подарокъ княгини, за который прошу васъ, любезный князь, передать ей живѣйшую благодарность мою, пока не принесу ея лично. Между тѣмъ свидѣтельствую обоимъ душевное мое почтеніе и привѣтствіе съ нынѣшнимъ праздникомъ.

Р. С. Сегодня вечеромъ я дома. Очень радъ буду видѣть васъ и нашихъ пріятелей.

Воскресенье.

92.

Всѣмъ сердцемъ благодарю и цѣлую любезнаго князя Петра Андреевича. Но болѣе, etc. веселіе мое безмѣрно: я молчу. *Пой.*

93.

- 1) О ложномъ понятіи нашихъ авторовъ о словѣ „народность“.
- 2) Объ истинномъ значеніи національной гордости.
- 3) Какъ у насъ прежде и нынѣ понимаютъ поэзію, ошибочное понятіе большей части старыхъ и новыхъ поэтовъ.
- 4) О частомъ употребленіи слова гениальность, и въ чемъ полагаетъ его гениальное поколѣніе XIX столѣтія.
- 5) О искаженіи отечественнаго слова послѣ Карамзинскаго періода. Примѣры.

Рукою князя П. А. Вяземскаго отмѣчено въ скобкахъ: „Дмитріева“.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Въ 1810 году И. И. Дмитріевъ былъ еще министромъ юстиціи.

2) 27-го августа 1811 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Москвы: „Нашъ князь нечаянно объявилъ намъ, что онъ помолвилъ жениться на княжнѣ Гагариной, дочери Кологривовой, Прасковѣ Юрьевнѣ. Мы не имѣли даже ни малѣйшаго подозрѣнія... Между тѣмъ, мы должны разстаться, то-есть, жить въ разныхъ домахъ: онъ думаетъ скоро жениться и переѣхать въ Остафьево; а твой историографъ, не очень здоровый, не очень веселый, занимается теперь хлопотами новаго, особеннаго хозяйства... Не подумай, любезнѣйшій, чтобы я былъ сердитъ на князя: люблю его, какъ истинно родного. Онъ будетъ писать къ тебѣ о своей женитьбѣ. Повторяю сердечную мою просьбу, чтобы ты былъ всегда его покровителемъ и милостивцемъ, въ память его отцу и вслѣдствіе дружбы ко мнѣ. Если переживешь меня, то милостію своею къ нему будешь доказывать, что помнишь и мертваго друга...“ Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 13-го сентября 1811 года, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Възжу теперь всякій день къ нашему больному князю, который лежитъ въ домѣ своей невѣсты. У него жестокой кашель съ лихорадкою, и легко можетъ открыться чахотка. Вообрази наше положеніе горестное!“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*. С.-Пб. 1866, стр. 154—156).

3) Судя по водяному знаку бумаги, письмо это должно быть писано въ 1814 году, а этотъ годъ очень важенъ въ жизни И. И. Дмитріева. Въ этомъ году онъ оставилъ постъ министра юстиціи. „Въ 1814 году“, писалъ онъ, — „сентября съ 20-го дня возобновилась московская жизнь моя! Но я уже не могъ обѣщать себѣ тѣхъ пріятныхъ наслажденій, посреди коихъ текли счастливые дни мои въ продолженіе первой моей отставки; прибавва нѣсколькихъ лѣтъ заста-

вляеть насъ взирать на многое уже другими глазами; къ тому же изъ короткихъ моихъ знакомыхъ нѣкоторыхъ уже не было въ мірѣ; другіе разъѣхались, кто въ резиденцію, кто въ губернію на постоянное житье. Одинъ только Карамзинъ могъ бы замѣнить мнѣ всѣ утраты, но и съ нимъ не надолго увидѣлся“.

Въ Москвѣ, на первыхъ порахъ, И. И. Дмитріевъ поселился, по предложенію канцлера графа Н. П. Румянцова, въ московскомъ домѣ канцлера (*Взглядъ на мою жизнь*. М. 1886, стр. 239, 237).

4) Дмитрій Петровичъ *Съверинъ* (род. 1791 † 1865), впоследствии чрезвычайный посланникъ при Баварскомъ дворѣ. Отецъ его былъ сослуживцемъ И. И. Дмитріева, и стараніями послѣдняго сынъ его сослуживца былъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію. Д. П. Съверинъ былъ совоспитанникомъ князя П. А. Вяземскаго, товарищемъ по службѣ Д. В. Дашкова, а потому „двери Арзамаса открылись предъ нимъ настезь“. 3-го августа 1896 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Царскаго Села: „Умной и доброй Съверинъ въ *большомъ ходу*, какъ говорится, по дѣламъ дипломатическимъ: онъ лучший работникъ у графа Капо д'Истріа и ѣдетъ при немъ съ государемъ, слѣдственно, увидишь его 14 августа въ Москвѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 087, 193). „Гдѣ ты“, писалъ Съверину, въ 1853 году, князь П. А. Вяземскій, — „тамъ Святая Русь, не только во имя или пожалуй еще не столько во имя Нессельроде, сколько во имя Дмитріева, котораго ты былъ питомцемъ, какъ я былъ питомцемъ Карамзина“ (*Русская Старина* 1898, янв., стр. 92).

5) 25-го августа 1817 года князь П. А. Вяземскій, по высочайшему указу, всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, и вмѣстѣ повелѣно ему было находиться при тайномъ совѣтникѣ Новосильцовѣ.

6) В. Л. Пушкинъ въ посланіи своемъ къ графинѣ Софіи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной (впоследствии княгиня Шаховская) пишетъ:

Въ стихахъ баллады любишь ты—
Желанье исполняю:
Жуковскаго тебѣ мечты
Дневъ *Спящихъ* посылаю и пр.

(*Стихотворенія Василія Пушкина*. С.-Пб. 1822, стр. 33). В. И. Саятовъ относитъ это стихотвореніе къ 1817 году (*Сочиненія В. Л. Пушкина*. С.-Пб. 1893, стр. 89).

7) Извѣстный авторъ „Опаснаго Сосѣда“, Василій Львовичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, 27-го апрѣля 1770 года, отъ второго брака его отца, Льва Александровича, съ Ольгою Васильевною Чичериною. Л. А. Пушкинъ принадлежалъ къ числу вѣрныхъ слугъ императора Петра III и отказался присягать Екатеринѣ, за

что и былъ посаженъ въ крѣпость, но черезъ два года выпущенъ на свободу. Разставшись навсегда съ службою и владѣя большимъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ открыто и роскошно, по временамъ удаляясь въ свои помѣстья, особенно въ село Боддино, Лукьяновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи (Сайтовъ. *Сочиненія В. Л. Пушкина*. С.-Пб. 1893, стр. VIII). Сынъ его В. Л. Пушкинъ, повѣствуетъ Вигель, „почитался въ нѣкоторыхъ московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. За важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе. Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножилось еще женитьбой на красавицѣ Капитолинѣ Михайловнѣ (Вышеславцева, впоследствии Мальцова). Самъ онъ былъ весьма некрасивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна. Какъ сверстникъ и сослуживецъ И. И. Дмитріева по гвардіи и какъ ровесникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ нимъ шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, не обиднаго сожалѣнія. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за русскіе стихи, а онъ и въ правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ“ (*Записки Ф. Ф. Вигеля*. Изданіе *Русскаго Архива*. М. 1891, I, стр. 187—188), о чемъ свидѣтельствуеетъ книжка, носящая заглавіе: *Стихотворенія Василія Пушкина*. С.-Пб. Въ Типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1822 (съ гравированнымъ портретомъ автора). Въ 1812 году, изъ Нижняго Новгорода, К. Н. Батюшковъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына: книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловѣѣ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 224). Здѣсь же В. Л. Пушкинъ написалъ *Къ жителямъ Нижняго Новгорода*:

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ, и пр.

По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, И. И. Дмитріевъ, „любилъ Пушкина, но не щадилъ его своими шутками: онъ говаривалъ,

что эти стихи напоминают ему колодника, который под окном просит милостыню и оборачивается с ругательством къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его“ (ibid., стр. 242—243).

В. Л. Пушкинъ любилъ добродушно оказывать вниманіе и поощреніе молодымъ новичкамъ на поприщѣ литературномъ. Онъ по вечерамъ угощалъ ихъ чаемъ, а нерѣдко приглашалъ ихъ къ себѣ и обѣдать. Одинъ изъ такихъ новобранцевъ былъ въ Москвѣ частымъ посѣтителемъ его. „А къ какому роду поэзіи чувствуете вы въ себѣ болѣе склонности?“ спросилъ его однажды Пушкинъ съ участіемъ и нѣкоторою классическою важностью. „Признаюсь“, отвѣчалъ тотъ смиренно, — „любилъ бы я писать сатирическіе стихи, да родственники отсовѣтовали, говоря, что такими стихами могу нажить враговъ себѣ и повредить карьерѣ своей по службѣ“. „А скажите мнѣ что-нибудь изъ вашихъ сатирическихъ стиховъ“. „Вотъ, наприимѣръ, эпитафія:

Подъ камнемъ симъ лежатъ два друга:
Колбасникъ и его супруга“.

Въ старой Москвѣ жывалъ одинъ Левашевъ, очень образованный, пріятнаго обхожденія, славящійся актерскимъ искусствомъ своимъ на домашнихъ театрахъ, но, по несчастью, до нельзя пристрастный къ пиву. Дмитріевъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, рассказывалъ, что въ короткихъ ему домахъ онъ не стѣснялся, но все-таки немного совѣстился частыхъ требованій любимаго своего напитка; а потому и выражалъ свои требованія разнообразными способами: то повелительнымъ голосомъ приказывалъ слугѣ подать ему стаканъ пива, то просилъ вполголоса, то мелькомъ и какъ будто незамѣтно въ общемъ разговорѣ. Дмитріевъ примѣняетъ эти различныя интонаціи къ Василию Львовичу Пушкину, большому охотнику твердить и повторять свои стихи. „И онъ“ замѣчаетъ Дмитріевъ, — „то восторженно прочтетъ свое стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои, какъ будто случайно“.

Милоновъ, въ одной изъ своихъ сатиръ, зло задѣлъ В. Л. Пушкина. Ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ и чувствительно уязвленный, Пушкинъ долго не могъ опомниться, сѣтовалъ на человѣческую неблагодарность и жалобно говорилъ: „Да что же я ему сдѣлалъ худого? Не позже какъ на той недѣлѣ Милоновъ вечеромъ пилъ у меня чай. Никакъ не могъ я подозрѣвать въ немъ такого коварства“.

О кончинѣ его, въ августѣ 1830 года, князь П. А. Виземскій записалъ слѣдующее въ своей *Старой Записной Книжкѣ*: „Бѣдный Василій Львовичъ скончался, 20-го числа, въ началѣ 3-го часа пополудни. Я пріѣхалъ къ нему часовъ въ 11-ть... Онъ меня узналъ, протянулъ

миѣ уже холодную руку свою... На лицѣ его ничего не выразалось, кромѣ изнеможенія. Испустилъ онъ духъ спокойно и безболѣзненно, во время чтенія молитвы при соборованіи... На канунѣ былъ уже онъ совсѣмъ изнемогающій, но, увидя Александра Пушкина, сказалъ ему: *Какъ скученъ Катенинъ!* Передъ этимъ читалъ онъ его въ *Литературной Газетѣ*. Александръ Пушкинъ говоритъ, что онъ при этихъ словахъ и вышелъ изъ комнаты, чтобы дать дядѣ умереть исторически... На погребеніи его были депутаціи всей литературы, всѣхъ школъ, всѣхъ партій: Полевые, Шаликовъ, Погодинъ, Языковъ, Дмитриевъ и Лжедмитриевъ, Снѣгиревъ. Никиты мученика протопопъ въ надгробномъ словѣ упомянулъ о занятіяхъ его по словесности и вообще говорилъ просто, но пристойно. Я въ Пушкинѣ теряю одну изъ сердечныхъ привычекъ жизни моей... Черты младенческаго его простосердечія и малодушія могутъ составить любопытную главу въ исторіи сердца человѣческаго. Онѣ придавали что-то смѣшное личности его, но были очень милы“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VIII, стр. 271, 71, 345—346; IX, стр. 137—138).

8) 3-го октября 1817 года въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано: „30 сентября, въ 10-мъ часу пополудни, всемилостивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ изволилъ ошастливить прибытіемъ своимъ древнюю столицу Москву съ ихъ императорскими величествами государынями императрицами Елизаветою Алексѣевою и Марією Ѳеодоровною, и ихъ императорскими высочествами великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и великою княгинею Александрою Ѳеодоровною, также съ его королевскимъ высочествомъ, принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ“ (№ 79). Въ Москвѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ день преподобныхъ Зосима и Савватія Соловецкихъ, близъ св. мощей Алексѣя митрополита, великая княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшилась сыномъ первенцомъ, нареченнымъ Александромъ.

9) 15-го апрѣля 1818 года князь П. А. Вяземскій писалъ, изъ Варшавы, И. И. Дмитриеву: „Не подавайте нищему, а пишите изрѣдка ко мнѣ. Ваше письмо было для меня истиннымъ благодѣяніемъ: читая и перечитывая его, забывалъ я о Варшавѣ, былъ въ Россіи, былъ въ Москвѣ... Честъ имѣю доставить вамъ рѣчь, произнесенную государемъ сегодня, при закрытіи сейма. Журналъ его засѣданій долженъ быть извѣстенъ вашему высокопревосходительству посредствомъ А. Я. Булгакова“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1691).

10) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, извѣстный авторъ *Дневника Студента* и *Чиновника*, носившій въ Арзамасѣ прозвище Громобоя. Отъ современниковъ его П. И. Бартеневу довелось слышать, что „продолжая службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, Жихаревъ былъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Затѣмъ онъ перемѣнилъ службу и былъ въ

Москвѣ прокуроромъ губернскаго правленія, женился на Ѳедосѣ Дмитріевнѣ Нечаевой, разбогатѣлъ, имѣлъ большой домъ въ Москвѣ (подъ Новинскимъ, нынѣ Куманиной), сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Московскаго сената и, наконецъ сенаторомъ. Но позднѣе имущественныя дѣла его разстроились, и онъ кончилъ дни свои почти въ нуждѣ. Единственный сынъ его Платонъ Степановичъ скончался въ 1838 году, а дочь Варвара Степановна была за княземъ Елимомъ Петровичемъ Мещерскимъ (*Записки С. П. Жихарева. Изданіе Русскаго Архива. М. 1890, стр. 3, 448*).

11) Еще будучи министромъ юстиціи, И. И. Дмитріевъ, въ концѣ 1812 года, посѣтилъ своего престарѣлаго родителя Ивана Гавриловича, жившаго въ своемъ Симбирскомъ селѣ Богородскомъ. „Послѣ долговременныхъ трудовъ“, писалъ Дмитріевъ, — „противоборствій и непріятностей, наконецъ я увидѣлъ себя опять въ томъ самомъ домѣ, который былъ моимъ ровесникомъ... Изъ страны эгоизма, изъ высокихъ чертоговъ я очутился подъ низменною кровлею, у подошвы горнаго хребта, покрытаго дубовымъ лѣсомъ, въ уединенномъ семействѣ, гдѣ не было ни одного сердца, ни мнѣ чуждаго, ни ко мнѣ хладнаго. Я нашелъ отца моего въ глубокой старости, осмидесяти лѣтъ. Всегдашнее сообщество его составляли меньшей мой братъ, пожертвовавшій сыновней любви всѣми выгодами честолюбія и независимости, двѣ мои сестры и малолѣтняя сиротка, дочь покойнаго моего брата. Отецъ мой отвелъ для житія моего свой кабинетъ, куда я нѣкогда вхаживалъ съ трепетомъ для отчета въ заданномъ мнѣ урокѣ. Съ какимъ удовольствіемъ взглянулъ я на старинный зеленый шкафъ съ книгами, бывшій предметомъ моей зависти! Я увидѣлъ въ немъ давнихъ моихъ знакомцевъ... Да простятъ меня товарищи министры за воспоминаніе о такихъ мелочахъ... Нѣжность отца моего, противорѣчившая угрюмой его наружности въ молодыхъ лѣтахъ, удовольствіе, сіявшее въ глазахъ его при видѣ сына, достигшаго значительной степени, искреннія ласки всего семейства могли бы тогда сдѣлать меня совершенно счастливымъ, если бы не мѣшала тому врѣзанная въ сердце моему образъ любезной матери. Она за годъ предъ тѣмъ скончалась“ (*Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, стр. 220—221*).

12) Матвѣй Михайловичъ Сонцевъ былъ женатъ на Елизаветѣ Львовнѣ Пушкиной.

13) 22-го августа 1818 г. князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Варшавы: „Закономъ природы всякая тварь имѣетъ здѣсь свое опредѣленное назначеніе: лягушка рождена квакать въ болотѣ, а Каченовскій писать изъ Лужниковъ площадную брань. О Мочаловѣ, актерѣ императорскаго театра, запрещается судить гласнымъ образомъ; надъ Карамзинымъ позволяютъ надсмѣхаться наглými и

безстыдными шутками... Жаль, что нѣтъ, ни Дашкова, ни Блудова! Мнѣ не прилично сражаться за Карамзина, и къ тому же надлежащее оружіе не по моей силѣ: Каченовскаго эпиграммами не дойдешь. Его надобно бить лѣтописями. Вижу отсюда, какъ горячится В. Л. Пушкинъ, но его опасно выпускать на драку“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1692—1693). Дмитріевъ былъ проникателенъ. „*Исторія Государства Россійскаго*“, писалъ князь Вяземскій,—„встрѣтила противниковъ. Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суемудріемъ современнымъ и легкомысліемъ замышляла въ то время несбыточное преобразование Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проникательнымъ, она тотчасъ оцѣнила важность книги, которая была событіе, и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою содѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система правленія; а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую по образу и подобию своихъ мечтаній. Медлить было нечего. Колкіе отзывы, эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и на автора изъ среды потаеннаго судилища. Судія не могли простить Карамзину, что онъ историографъ, слѣдовательно, по словамъ ихъ, наемникъ власти; что онъ монархическій писатель,—слѣдовательно, запоздалый, не постигающій духа и потребности времени. Всѣ сіи обвиненія въ смыслѣ судей были основательны и рациональны. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистымъ убѣжденіемъ совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію. Вспомните еще, что Карамзинъ писалъ тогда *Исторію* не совершенно въ духѣ государя... Соображая всѣ сіи обстоятельства, легко постигнуть, какъ досаденъ былъ Карамзинъ симъ молодымъ умамъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота. Они признали въ писателѣ личнаго врага себѣ и дѣйствовали противъ него непріятельски... И самое 14 декабря не было ли, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзиннымъ, то-есть, *Исторію Государства Россійскаго*...“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1879, II, стр. 211—226).

14) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій былъ въ то время попечителемъ Московскаго учебнаго округа и чрезъ Вяземскихъ былъ въ свойствѣ съ Карамзиннымъ.

15) Въ отвѣтъ на это князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Тургеневъ прислалъ вамъ мои стихи и предупредилъ мое требованіе. Они прошли нижній судъ; теперь они въ судѣ послѣдней

инстанціи. Съ благоговѣніемъ и трепетомъ ожидаю приговора; но и съ надеждою, что, каковъ онъ ни будетъ, а вы увѣдомите меня о немъ хотя черезъ Арзамасскаго прокурора Василю Львовича (Пушкина). Сдѣлайте милость, обвините меня по всѣмъ пунктамъ, не щадите меня; у меня есть утѣшеніе: исправиться! Ваша рука легка: и побѣте, такъ побои пойдутъ въ прокъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1695).

16) „Слѣдуя вашему совѣту“ писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву,—„я помаленьку знакомлюсь съ польскимъ языкомъ. Это знакомство можетъ быть полезнѣе знакомства съ польскою словесностью, которая, какъ мнѣ сдается, еще менѣе нашей имѣетъ свой природный образъ, а слѣплена по французскому образцу. Польская проза предпочитается польской поэзіи. Я ничего не знаю скучнѣе польскаго стиха и польской просодіи, которая заключается вся въ одномъ правилѣ: удареніе бываетъ всегда на предпоследнемъ слогѣ. И потому стихи ихъ всѣ женскіе... Теперь здѣсь много занимаются очищеніемъ языка, который испещренъ нѣмецкими и французскими словами... Пребываніе и такъ сказать владычество жидовъ въ Польшѣ должно много было способствовать развращенію языка, но между тѣмъ сохранились здѣсь многія слова коренныя славянскія, которыя и намъ могли бы пригодиться. Надобно Шишкову пріѣхать сюда поохотиться; но вотъ бѣда: у него чутье обманчивое“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1694—1695).

17) *Петербургъ* (см. *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1880, III, стр. 157—160).

18) *Записки Лазь-Казаса*, вопіющія противъ жестокихъ притѣсненій, коимъ подвергался Наполеонъ на островѣ Св. Елены. „Если все, что онъ говоритъ, правда“, писалъ князь П. А. Вяземскій,—„и должно признаться, рассказы его носятъ печать истины, то въ самомъ дѣлѣ англичане не великодушные враги, и Наполеонъ истинный мученикъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1696).

19) Здѣсь И. И. Дмитріевъ указываетъ на „Записки Лужницкаго старца“, въ которыхъ между прочимъ читаемъ: „Велите жъ куда приготовить хорошаго крѣпкаго кофе, да принесите густыхъ *палевокъ сливокъ*“ (*Вѣстникъ Европы*, 1818, октябрь, № 20, стр. 311). *Палевокъ сливокъ*—выраженіе Карамзина.

20) „Въ сказкѣ Дмитріева „Искатели фортуны“, свидѣтельствуетъ его племянникъ М. А. Дмитріевъ,—„во *всѣхъ* изданіяхъ его сочиненій пропущенъ былъ одинъ стихъ, который находится только въ *Аонидахъ* Карамзина (ч. 2, стр. 86). Выписываю здѣсь нѣсколько стиховъ, и отмѣчаю этотъ стихъ курсивомъ:

...И напоследокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ,
Любимый уголокъ фортуны, то-есть, Дворъ.

Присталъ къ нему, и по обряду,
Не дожидаясь ни зову, ни наряду,
Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать.

„Странно, что ни самъ авторъ, ни издатели, ни одинъ изъ бывшихъ при печатаніи его сочиненій

Уставщиковъ кавыкъ и строчныхъ препинаній—

никто не замѣтилъ этого пропуска. Первый открылъ этотъ стихъ князь П. А. Вяземскій, и удивилъ этимъ автора („Мелочи изъ запаса моей памяти“. М. 1869, стр. 130, см. также письмо къ И. И. Дмитріеву князя П. А. Вяземскаго, *Русскій Архивъ*, 1866).

21) Не получая долго писемъ отъ князя П. А. Вяземскаго, И. И. Дмитріевъ писалъ В. Л. Пушкину: „Простите меня, любезный Василій Львовичъ, что я на словахъ только благодарилъ васъ вчера за одну брошюру. Письмо же ваше, равно какъ и проектъ письма, вытряхнулись изъ брошюры уже по уходѣ вашего человѣка. Чувствительно вамъ обязанъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь одолжить меня и тѣмъ, чтобы увѣрить Вяземскаго, что я очень, очень благодаренъ ему за Карлсбадскій конгрессъ, что рука моя порывалась писать къ нему; но онъ самъ пересталъ (не знаю почему) писать и наложилъ на меня невольное молчаніе. Субота“.

22) Оберъ-прокуроромъ двухъ частей свѣта называли Прадта (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1702).

23) 10 января 1820 года, изъ Варшавы, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „У меня есть на совѣсти грѣхъ стихотворный, посланіе къ вамъ оконченное, но по нѣкоторымъ неисправностямъ еще недостойное быть вамъ представленнымъ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1700).

24) Графъ Дмитрій Хвостовъ родился 19-го іюля 1757 года, въ С.-Петербургѣ, воспитывался въ Московскомъ университетѣ. „Въ памяти моей“ пишетъ Вигель,—„возникаетъ одно крупное лицо—Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, первый и послѣдній графъ сего имени, былъ извѣстенъ всей читающей Россіи... Когда и какъ затѣялъ онъ нѣсколько поволѣній смѣшить своими стихами, этого я не знаю; знаю только по слышанію, что лѣтъ до тридцати пяти слылъ онъ богатымъ женихомъ и потому присватывался ко всѣмъ знатнымъ невѣстамъ, которыя съ отвращеніемъ отвергали его руку. Наконецъ, припалъ по немъ одна княжна Горчакова. Этотъ союзъ вдругъ поднялъ его: будучи не совсѣмъ молодъ, неблагообразенъ и неуклюжъ, пожалованъ былъ онъ камеръ-юнкеромъ пятаго класса. Тутъ начинается его извѣстность... Онъ имѣлъ характеръ неблагородный, наружность подлую и нарядъ всегда засаленный... Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но втирался безъ разбору во всѣ литературныя общества, и во

всѣхъ оставался нулемъ, хотя, разумѣется, нигдѣ въ глаза не смѣли его дурачить“ (*Записки Ф. Ф. Виселя*. М. 1892, III, стр. 144—145). На Хвостова обратилъ вниманіе и Державинъ. Онъ совѣтовалъ ему держаться лучше „скромнаго пастушескаго рода, а не надуваться за Пиндаромъ“ (*Сочиненія Державина*, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. С.-Пб. 1865. II, стр. 486). Не смотря на то, что Хвостовъ былъ другъ лютаго врага Карамзина П. И. Голенищева-Кутузова, съ которымъ вмѣстѣ издавалъ журналъ *Другъ Просвѣщенія*, Карамзинъ питалъ нѣкоторое расположеніе къ графу Хвостову. 20-го сентября 1824 года онъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: „Я смотрю съ умиленіемъ на графа Хвостова и на княгиню Прозоровскую: на перваго за его постоянную любовь къ стихотворству, на другую—за такую же любовь къ двору, ни мало не охлаждаемую преклонными годами. Это рѣдко и потому драгоцѣнно въ моихъ глазахъ. Смѣйся, если угодно: я уважаю Хвостова, и болѣе юныхъ стихотворцевъ, которыхъ имена вижу въ журналахъ, и которыхъ также не читаю; онъ дѣйствуетъ чѣмъ-то разительнымъ на мою душу, чѣмъ-то теплымъ и живымъ. Увижу, услышу, что графъ еще пишетъ стихи, и говорю себѣ съ пріятнымъ чувствомъ: „вотъ любовь, достойная таланта!“ Онъ заслуживаетъ имѣть его, если и не имѣеть. Въ этомъ смыслѣ написалъ я нѣкогда въ Album своей ближней: „Желаю тебѣ быть достойною счастья еще болѣе, нежели быть счастливою“. Столько строкъ въ письмѣ къ другу посвятить размышленію о графѣ Хвостовѣ не есть ли доказательство моего особеннаго къ нему уваженія—къ поэту, а не къ человѣку: ибо онъ самъ ставитъ въ себѣ поэта гораздо выше человѣка“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 379—380).

Но не такъ благодушно относился къ Хвостову Пушкинъ.

Когда разнесся въ Петербургѣ ложный слухъ о кончинѣ Хвостова, то Пушкинъ писалъ Плетневу: „Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ и безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письмо Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова. Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ? Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать—хоть эпиграммой“. Но Хвостовъ остался живъ, и узнавъ, что стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ“ Россіи не всѣмъ одинаково понравилось, принялъ недружелюбнаго къ себѣ поэта подъ свое покровительство и написалъ ему длинное посланіе; когда же узналъ, что Пушкинъ живетъ на Фурштатской у Таврическаго сада, то пріѣхалъ къ нему и привѣтствовалъ его новымъ посланіемъ:

Любитель музъ съ зарею майской,
Спѣши къ источникамъ ключей;
Ступай послушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ соловей.

Стихи эти, по видимому, примирили Пушкина съ долгоживотностью Хвостова. Кѣмъ-то вышеприведенные стихи были положены на музыку, и графъ Хвостовъ послалъ ихъ къ женѣ Пушкина, который писалъ подносителю: „Жена моя благодарить васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу предъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патриарху“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, стр. 92, 332—333). Въ Петербургѣ, въ 1820 г., вышла слѣдующая брошюра: „Посланіе Ломоносову о рудословіи. Читано въ годовомъ собраніи С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества, января 7 дня, 1820. Сочиненіе графа Хвостова. Почетнаго члена онаго Общества“ (С.-Пб. 1820 in 4^o).

„Хвостовъ сказалъ: *Суворовъ мнѣ родня, и я стихи плету*. Полная біографія въ нѣсколькихъ стихахъ“,—замѣтилъ Блудовъ: „тутъ въ одномъ стихѣ все, чѣмъ онъ гордиться можетъ и стыдиться долженъ“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883 VIII, стр. 125).

24 а) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій былъ въ то время предсѣдателемъ Общества Россійской Словесности. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „Дмитріевъ любилъ Антонскаго, но любилъ и трунить надъ нимъ, очень застѣнчивымъ, такъ сказать, пугливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легко смѣшливымъ. „Признайтесь, любезнѣйшій Антонъ Антоновичъ“, говорилъ онъ ему однажды,—„что вашъ университетъ совершенно безжизненное тѣло: о движеніи его и догадываешься только, когда ѣдешь по Моховой и видишь сквозь окна, какъ профессора и жены ихъ переворачиваютъ на солнцѣ большія бутылки съ наливками“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, стр. 324).

25) *Московскій Журналъ* на 1791 и 1792 годы; издалъ Николай Карамзинъ, 8 частей. Москва, въ Университетской Типографіи. 1791—1792. Въ моей бібліотекѣ имѣются двѣ книжки этого рѣдкаго нынѣ изданія, подаренныя мнѣ полковникомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка Николаемъ Николаевичемъ Ермоловымъ, изъ его Еланьской бібліотеки, Пензенскаго уѣзда. Книжка третья. Мартъ 1791 г. На оберткѣ надпись: „Изъ книгъ Александра (Федоровича) Ермолова“. Книжка первая. Апрѣль 1792. Съ тою же надписью.

26) Нѣкто, скрывшійся подъ литерами *ій=омъ*, напечаталъ въ *Благонамъренномъ*, издаваемомъ въ С.-Петербургѣ А. Измайловымъ, „Разказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ“ (*Благонамъренный*, 1820, февр., № IV, стр. 217—238).

27) Здѣсь рѣчь идетъ о посланіи князя П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву (*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1880, III, стр. 296—297). Посланіе это написано въ отвѣтъ на присылку авторомъ новаго изданія стихотвореній его и было напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* 1823 года. Начинается оно такъ:

Я получилъ сей даръ; наперсникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнаскаго закона.

24-го апрѣля 1820 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Варшавы: „По числу ошибокъ, въ немъ вами замѣченныхъ, заключаю, что вы прочли его или съ малымъ вниманіемъ, или съ большою благосклонностію; но, признаюсь, охотно придерживаюсь послѣдняго мнѣнія. Повинуюсь вашему приговору, постараюсь переимѣнить выраженіе: „За то, что и толпы“ (мнѣ казалось, что если можно сказать: *что и народу*, то позволительно сказать: *что и толпы*; но еще и прежде замѣчанія вашего получилъ я и отъ Жуковскаго выговоръ за это полустышіе), а другой стихъ переимѣнилъ такимъ образомъ:

Блестящая чета, союзомъ съ славою твердымъ
Ты Музамъ честь и стыдъ симъ тунеядцамъ гордымъ.

(*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1700—1701).

28) Не смотря на это сознаніе, князь П. А. Вяземскій и въ прозѣ, и въ стихахъ продолжалъ призывать И. И. Дмитріева къ дѣятельности. „Я все еще въ надеждѣ“, писалъ онъ изъ Варшавы, 24-го апрѣля 1820 года, — „что молитва моя дойдетъ до Бога, и онъ вложитъ въ васъ желаніе дѣйствія. Намъ, рядовымъ ратникамъ, худо жить безъ полководца: подъ крыломъ его смѣлѣе дерешься съ неприятелемъ и охотнѣе идешь впередъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1701).

29) См. примѣчанія 25—26.

30) На этой записочкѣ года не означено, но судя по водяному знаку бумаги, на которой она писана, относится къ 1820 году.

31) 7-го іюня 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Царскаго Села: „Свиданіе съ княземъ Петромъ было для насъ нечаяннымъ сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ проживетъ у насъ еще съ недѣлю или болѣе; а тамъ опять въ Варшаву, гдѣ однакожь не думаетъ остаться надолго. Зрѣетъ умомъ и характеромъ, какъ сынъ „достойный отца“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 289).

32) 2-го іюня 1820 года родился въ Варшавѣ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. То же желаніе выражалъ позднѣе его отцу и Жуковскій, который, 8-го іюля 1847 года, писалъ ему изъ Эмса: „Много, много у тебя взяла жизнь; самые тяжелые опыты посѣтили твою душу, тѣмъ болѣе тяжкіе, что ты не охотникъ дѣлиться своею ношею и тащишь ее молча на собственныхъ плечахъ своихъ. Радуетъ меня за тебя однако то, что слышу отъ тебя и слышалъ отъ многихъ о *Памяти*. Теперь онъ тертый калачъ, сказалъ бы я объ немъ, еслибъ только понималъ смыслъ этой русской пословицы. Онъ прошелъ черезъ огонь опыта и не сгорѣлъ въ черный уголь, а окрѣпъ, можетъ быть, въ сталь. Ты, по своимъ лѣтамъ, еще можешь быть ему нѣсколько времени товарищемъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, можешь идти съ нимъ рука въ руку: мнѣ этого счастья не имѣть. Когда мой сынъ станетъ на свои ноги, я уже буду безъ ногъ, если проживу столько, и онъ будетъ для меня только посохомъ, предохраняющимъ отъ паденія“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1070—1071).

33) Карлъ Зандъ, студентъ, убійца Коцебу, казненъ 26-го мая 1820 года. Въ февралѣ того же 1820 года *Лувель* убилъ въ Парижѣ наслѣдника французскаго престола герцога Беррійскаго. Д. Н. Свербеевъ рассказываетъ, что Пушкинъ въ театрѣ, ходя по рядамъ кресель, показывалъ знакомымъ портретъ Лувеля и при этомъ рѣзко отзывался о французскомъ правительствѣ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887. VII, стр. 132).

34) Еще 24-го апрѣля 1820 года князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Варшавы И. И. Дмитріеву: „Если Богъ благословитъ, а пресловутый Яценковъ, урожденный Яценко, не заклеитъ печатью отверженія, то, можетъ быть, въ скоромъ времени увидите вы въ *Сынъ Отечества* посланіе къ почтеннѣйшему Михаилу Трофимовичу: о зависти. Оно теперь въ отдѣлкѣ, но, сдѣлайте одолженіе, не разглашайте тайны. Мысль эта довольно удачна; не знаю, каково будетъ исполненіе“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1701—1702).

35) Анжелика Каталани, первая концертная пѣвица своего времени. Род. 1784 † 1843 г. Въ 1820 году, 21-го іюня, Карамзинъ изъ Царскаго Села писалъ И. И. Дмитріеву: „Съ нѣкотораго времени я не очень здоровъ. Однакожъ слушаемъ Каталани, здѣсь и въ Павловскомъ. Прекрасное удивительное пѣніе!“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 290). Изъ Царскаго же Села, 12-го іюня 1820 года, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Хвостовъ при мнѣ пріѣзжалъ къ госпожѣ Каталани, объявилъ ей о своемъ мадригалѣ и, вѣжется, немного смѣшался, замѣтя меня въ комнатѣ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1705).

36) Князь П. А. Вяземскій отправилъ къ И. И. Дмитріеву за-

писки Бенжамена Констана: „О стодневномъ царствованіи Наполеона“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1705—1706).

37) Матвѣй Михайловичъ Сонцевъ, свидѣлствуетъ князь П. А. Вяземскій, „былъ представленъ Юсуповымъ въ камергеры. Въ Петербургѣ нашли, что по чину его достаточно ему и званія камеръ-юнкера. Но Сонцевъ, кромѣ того, что уже былъ въ степенныхъ лѣтахъ, пользовался вдоль и поперекъ такимъ объемистымъ туловищемъ, что юношеское званіе камеръ-юнкерства никакъ не подходило ни къ лицу, ни къ росту. Князь Юсуповъ сдѣлалъ новое представленіе на основаніи физическихъ уваженій, которое и было утверждено. Сонцевъ наконецъ пожалованъ ключемъ. Вся эта продѣлка не могла ускользнуть отъ лѣтописца, подобнаго Неѣлову, онъ записалъ въ свой Московскій Временникъ слѣдующее четверостишіе:

Черезъ дядю, брата или друга
Иной по службѣ дастъ скачекъ;
Другого вывезетъ сестра или супруга,
Но онъ сталъ камергеръ чрезъ собственный пупокъ.

(*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, стр. 159).

38) 21-го декабря 1820 года, изъ Варшавы, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Прислалъ ли вамъ Тургеневъ мой соръ, посланіе къ Михайлѣ Трофимовичу? Я его отправилъ для напечатанія въ *Сынъ Отечества*. Не знаю, посмѣютъ ли? Этотъ Каченовскій походитъ на усастую старушку, которую въ Петербургѣ всѣ уважаютъ и боятся, неизвѣстно изъ чего. Смѣю спросить васъ, сказать мнѣ свой судъ искренній и строгій о стихахъ и дать совѣты для исправленія, буде они исправленія стоять“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1709). Это знаменитое посланіе начинается стихомъ: *Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій, жалокъ* (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, III, стр. 219—223).

39) 21-го августа 1820 г., изъ Варшавы, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Статья въ *Сынъ Отечества*, о польской словесности напечатанная, если не хорошо, то по крайней мѣрѣ довольно вѣрно изложена. Жалѣю, что мнѣ не удалось опередить ее; впрочемъ это болѣе отчетъ, чѣмъ картина, и многое еще остается досказать“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 176—177).

40) Татищевъ, вѣроятно, Дмитрій Павловичъ (род. 1767 † 1845), бывший долго русскимъ посломъ въ Вѣнѣ.

41) „Русланъ и Людмила“, первая поэма Пушкина, начатая имъ еще въ Лицеѣ, вышла въ свѣтъ въ маѣ 1820 года; послѣдніе листы ея допечатывались во время высылки его изъ Петербурга. 7-го июня

1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Ты, по моему мнѣнію, не отдаешь справедливости таланту или *поэмѣ* молодого Пушкина, сравнивая его съ Энеидою Осипова: въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 290, 0134).

42) По всѣмъ вѣроятіямъ, здѣсь Дмитріевъ разумѣетъ обширную критическую статью А. Θ. Воейкова, напечатанную въ *Сынъ Отечества* 1820 года, № IV—XXXVII, подъ которыми поставлена начальная буква фамиліи Воейкова: В.

43) *Невскій Зритель*, ежемѣсячное изданіе, выходившее въ С.-Петербургѣ. Въ этомъ журналѣ была помѣщена статья И. Георгіевскаго, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на стихотворенія пѣвца Кубры“ (посвящается Обществу Любителей Россійской Словесности). (Августъ, 1820, стр. 168—199). Журналъ этотъ издавался съ 1820 года по іюль 1821 Сниткинымъ, Кругликовымъ, Рожковымъ и Яковлевымъ.

44) 21-го декабря 1820 года князь П. А. Вяземскій, изъ Варшавы, писалъ И. И. Дмитріеву: „Не дождавшись медлительной присылки книгопродавца, посылаю вамъ (*сочиненіе Азаиса*) изъ своей бібліотеки; а по приѣздѣ моемъ въ Москву можемъ помѣняться“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1708).

45) Вѣроятно, княгиня Александра Андреевна Голицына, рожд. Хрущова, † послѣ 1826 г., супруга князя Алексѣя Ивановича Голицына, подполковника, писателя, р. 1765, † 1807 (см. *Родъ князей Голицыныхъ*, стр. 114, № 147).

46) У Долгорукова (т. III, 227) показаны: Алексѣй Евграфовичъ Татищевъ (с. 97) † 1832, женатъ на *Маріи Степановнѣ* Ржевской † 1852, и у нею сестра *Прасковія Евграфовна* † 1841 (но она вышла замужъ—когда не обозначено—за князя Грузинскаго). Быть можетъ, въ 1821 году эта Прасковія Евграфовна была еще дѣвцею, и тогда можно было бы допустить, что Дмитріевъ говоритъ о ней и о *Маріи Степановнѣ* (примѣчаніе К. А. Губастова).

47) Прадтъ, неутомимый публицистъ того времени, который на каждый случай, на каждое событіе издавалъ брошюру, какъ Хвостовъ оду, былъ сперва аббатомъ, раздавателемъ милостыни при Наполеонѣ, впослѣдствіи архіепископомъ и злѣйшимъ врагомъ Наполеона. 21-го декабря 1820 года князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Варшавы къ И. И. Дмитріеву: „Совѣщаніе Тропнавское обложено непроницаемою таинственностію. Но намъ только дотерпѣться до преподобнаго *Малиновскаго*, *archevêque de Malines* (те-есть, Прадта); онъ весь соръ вынесетъ изъ избы“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1709).

48) 18-го января 1821 г. князь П. А. Вяземскій, изъ Варшавы, пи-

саль И. И. Дмитриеву: „Исполнивъ обязанность свою европейскаго вѣстника, позвольте мнѣ обратиться къ *Вѣстнику Европы* и просить отъ васъ приговора моему посланію (къ Каченовскому). Къ вамъ приступаю *со страхомъ и доверіемъ*, со страхомъ за исправности въ слогѣ; съ вѣрою въ чувство, съ коимъ будете судить о побужденіи, водившемъ рукою моею; но признаюсь, не смѣю поднять мысленно глаза на Николая Михайловича. Лобъ Каченовскаго не такъ сморщится отъ стиховъ моихъ, какъ его, и заранѣе спрячусь за вами отъ стрѣлъ его гнѣва. Помилуйте и спасите меня“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1710). Въ это же время и самъ И. И. Дмитриевъ написалъ басню, подъ заглавіемъ „Дѣти и мыльные пузыри“:

Откуда визгъ и крикъ далече раздается?

Читатель разсмѣется,

Когда ему скажу, что этому виной:

Ребята, на площадь собравшись толпой,

На воздухъ пузырьки въ соломенку пущали;

Но игры дѣтскія не далеки отъ ссоръ:

Они за пузырьки въ такой пришли задоръ,

Что начали игрой, а дракой окончали.

Не той ли важности у насъ

Въ журналахъ авторскія брани?

Воюють цѣлый годъ за буки и за азъ,

А мы зѣвотою за то имъ платимъ дани.

Не встати, а хвалю примѣръ Карамзина:

Что ставитъ онъ въ отпоръ хулителямъ? Безпечность.

Онъ зритель пузырей: и что же ихъ война?

Зоиламъ *часовать*; его твореньямъ *вѣчность*.

Во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ сочиненій И. И. Дмитриева этой басни не встрѣчается, подлинникъ ея хранится въ Остафьевскомъ архивѣ.

49) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ (род. въ 1769 † 1825) былъ сынъ того преображенскаго офицера Михаила Алексѣевича Пушкина, который въ 1762 году участвовалъ въ возведеніи Екатерины II на престолъ, а жизнь окончилъ заточникомъ въ Тобольскѣ. Мать А. М. Пушкина была княжна Наталья Абрамовна Волконская. Сынъ ихъ былъ оставленъ на попеченіи куратора Московскаго университета И. И. Меллисино. А. М. Пушкинъ получилъ образованіе въ духѣ философіи XVIII вѣка и впоследствии сталъ отъявленнымъ волтеріанцемъ и атеистомъ. Служилъ въ гвардіи и въ отставку вышелъ генераль-маіоромъ; въ 1806—1807 гг., при первомъ образованіи милиціи, онъ состоялъ въ штатѣ начальника московскаго ополченія, князя Ю. В. Долгорукаго,

а въ 1810 году получилъ должность члена Мастерской и Оружейной Палаты и званіе камергера. Со времени выхода изъ военной службы онъ поселился въ Москвѣ, занимался разными промышленными предпріятіями и блисталъ въ тамошнемъ высшемъ обществѣ своимъ остроуміемъ и сценическимъ талантомъ. „Прямой сынъ Вольтера“, пишетъ князь Вяземскій, — „энциклопедистъ съ русскою закваскою, воспитанникъ дяди своего Мелиссина, бывшій въ военной службѣ и въ походахъ, слѣдовательно, не чуждый русской жизни и ея особенностей. Трудно опредѣлить его: одно можно сказать, что онъ былъ соблазнительно-обворожительнень... Онъ былъ необыкновенно простъ въ обхожденіи...“ Одною изъ постоянныхъ жертвъ его остроумія былъ его родственникъ В. Л. Пушкинъ (Л. Майковъ. *Сочиненія К. Н. Батюшкова*. С.-Пб. 1886, III, стр. 686—690.

50) Александръ Абрамовичъ Волковъ въ нашей литературѣ извѣстенъ слѣдующими произведеніями: 1804 г.—„Страсть сердца моего“; 1811 г.—„Даръ Музамъ“; 1820 г.—„Освобожденная Москва“; 1822 г.—„Четыре возраста жизни“ (Сегюра), переводъ съ французскаго; 1823 г.—„Правда о пожарѣ Москвы“ гр. Ростопчина (переводъ съ французскаго).

51) Это стихотвореніе Каченовскій перепечаталъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы* подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Посланіе ко мнѣ отъ к. Вяземскаго“, снабдивъ его слѣдующими примѣчаніями:

1) Изъ 2 книжки *Сына Отечества*. Сему скромному, благонамѣренному и дѣльному „Посланію“ по всей справедливости надлежало бы явиться прежде въ *Вѣстникѣ Европы*; но знаменитый авторъ, какъ уже извѣстно публикѣ, произнесъ обѣтъ предъ издателями *Сына Отечества* нигдѣ, кромѣ ихъ журнала, не печатать своихъ стихотвореній.

2) *Передъ судьбу ума сколь, Каченовскій! жалокъ...*

Благодарность издателямъ *Сына Отечества*! Поставивъ запятую и знакъ восклицательный, они отвели ругательство отъ меня, и подозрѣніе въ дурномъ умыслѣ отъ г-на Вяземскаго, котораго выпрепный геній, презирающій правила и грамматики, и синтаксиса, легко могъ просмотрѣть ничтожные знаки препинанія.

3) *Какъ отъи отъи отъи отъи при олтарь Весталокъ*
.....Чалмоносна Порта!

Но что же къ ней прибрать мнѣ въ рюму, кромѣ чорта?

Изъ Соч. Дм.

4) *Отъ Кляты до Авинь, отъ Лужниковъ до Рима.*

Браво, браво! Charmant! Надобно только замѣтить здѣсь (для потомства), что стихотворецъ разумѣетъ не Лужники Троицы, не Замоскворѣцкіе, а Лужницкую слободку, что за Дѣвичьемъ Подемъ, иначе Малые Лужники, гдѣ живетъ извѣстный *Старецъ*.

5)

Пропуски ничѣмъ невознаградимые. Но мы утѣшаемся надеждою увидѣть сіе „Посланіе“ дополненнымъ, исправленнымъ и приумноженнымъ въ такъ называемыхъ *Образцовыхъ Сочиненіяхъ*.

6) Внемлите, какъ теперь *пушкыне невольды*...

Прекрасное выраженіе Ломоносова. Прим. Соч.

7) *Зачѣмъ искать чужихъ примѣровъ? Скажешь ты...*

Ну, этого я не скажу. Чужихъ дѣлъ я не знаю, и знать не стараюсь. Отъ клеветы можно защититься законами и преслѣдовать виновнаго, а еще и того лучше—простить его.

8) *Пасъ учитъ Карамзинъ презрѣнныя клеветы*

Te veniente die, te decedente sapebam.

Vet Poet.

9) *Ты правъ.—Еще пойму соперничества ревность...*

Протестую! Этого я не говорилъ и не скажу; ибо тутъ есть слова, въ которыхъ иные могутъ привязаться, могутъ взять ихъ на свой счетъ. И вы сами... Но зачѣмъ вы хотите меня ссорить съ вашими врагами?

10) *Въ безбрежныхъ областяхъ надоблачной Державы...*

Вотъ сунуло куда! (*Вѣстникъ Европы*, 1821. Январь № 2, стр. 98—106).

52) Это желаніе И. И. Дмитріева скоро исполнилось. 24-го мая 1821 г. Карамзинъ писалъ ему изъ Царскаго Села: „Князь-поэтъ съ нами, и мы всякій день говоримъ о тебѣ“. Въ другомъ же письмѣ, отъ 10-го іюня, Карамзинъ писалъ: „Душевно огорчились я и жена неприятностію Петра Андреевича: Новосильцовъ пишетъ къ нему официально, что за нескромные разговоры его о политикѣ не вѣлно ему возвращаться въ Варшаву. Для объясненія государь позволилъ мнѣ придти къ нему въ кабинетъ и милостиво сказалъ, что князь Петръ можетъ имѣть мѣсто въ Петербургѣ, если захочетъ; но князь не захочетъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 307—308).

53) Судя по водяному знаку бумаги, письмо это писано въ 1821 году, послѣ іюля.

54) Судя по водяному знаку бумаги письмо это писано въ 1821 году.

55) Вице-адмиралъ Алексѣй Ивановичъ, сенаторъ седьмого Департамента (*Мѣсяцесловъ*, 1821. I, 298).

56) Съ 4-го сентября 1821 г. состоялъ московскимъ комендантомъ генералъ-лейтенантъ Веревкинъ I (*Списокъ комендантамъ*. Напечатанъ по 1 іюня 1829 года, стр. 60).

57) См. примѣчаніе 50-е.

58) Дмитрій Пименовъ въ русской литературѣ извѣстенъ слѣдующими переводами: 1809 г.—„Нравственныя разсужденія герцога де-ла-Рошефуко; переводъ съ французскаго. Москва. Въ Типографіи Бекетова“;

1818 г.— „О сущности красоты и прелести. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ Типографіи Селивановскаго“. Дмитріевъ, пишетъ князь Вяземскій, „жалуясь на Пйменова, послѣдняго питомца князя Б. В. Голицына, который посѣщаль его довольно усердно: сидитъ два часа и ни слова не промолвить, говорилъ, что онъ приходитъ держать его подъ карауломъ“ (*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1884. IX, стр. 10).

59) Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, род. 1773 † 1830, ученикъ Подшивалова и подражатель Карамзина. Поклонникъ Руссо, онъ выступилъ на литературное поприще съ сентиментальною повѣстью „Ростовское озеро“, пропитанною сочувствіемъ къ крестьянамъ и природѣ. Измайловъ, „подобно Карамзину, въ молодости своей былъ увлекаемъ очаровательною идеею какого-то блаженства; вмѣстѣ съ нимъ содрогнулся отъ ужаса, когда плачевная существенность, разрушивъ сны мечтательной философіи, открыла передъ нимъ кровавую сцену человѣческихъ заблужденій“. По словамъ М. А. Дмитріева, Измайловъ „въ подражаніе Карамзину, поѣхалъ путешествовать по Южной Россіи. Это путешествіе, въ подражаніе ему же, онъ описалъ въ письмахъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 048).

60) Здѣсь рѣчь идетъ о трудѣ князя П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева“, написанномъ для новаго изданія стихотвореній его (1823). 22-го сентября 1821 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву изъ Остафьева: „Біографія давно послана мною къ Гнѣдичу... Я любопытенъ знать—что скажетъ о ней цензура? Во всякомъ случаѣ я рѣшился отстаивать до конца авторскія права, дарованныя намъ ценсурнымъ уставомъ 1804 года, сею дворянскою грамотою благороднаго нашего сословія“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1711).

61) „И мои бездѣлки“. C'est là tout mon talent, je ne fais s'il suffit. La Fontaine. М. 1795.

62) Братъ Ивана Ивановича, Александръ Ивановичъ Дмитріевъ, род. 1759, ум. 1798. Онъ писалъ прозою и стихами; изъ литературныхъ трудовъ его особенно замѣчательнъ переводъ „Лузіады“ Камюэнса (2 части, М. 1788).

63) Ѳедоръ Ильичъ Козлятевъ; о немъ Карамзинъ говорилъ: „Это такой человѣкъ, что я за версту сниму передъ нимъ шляпу“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0162).

64) Платонъ Петровичъ Бекетовъ. О годѣ рожденія и кончины его свидѣтельствуеетъ надпись на могильномъ камнѣ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло премьер-маіора и кавалера Платона Петровича Бекетова. Родился ноября 11 дня 1761 года, скончался 1836 года, января 6“. Бекетовъ жилъ и умеръ на дачѣ своей подъ Симоновымъ. Двоюродный братъ И. И. Дмитріева

и дальній родственникъ Карамзина, онъ былъ истиннымъ другомъ просвѣщенія. Съ 1798 года, поселившись въ Москвѣ, онъ основалъ типографію, издавалъ книги, собиралъ древности, завелъ у себя кабинетъ нумизматической и минералогической и принималъ участіе въ изданіи журналовъ. На канунѣ 1812 года былъ утвержденъ императоромъ Александромъ I уставъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Правила для избранія въ члены этого Общества были начертаны самыя строгія; кромѣ извѣстности въ ученюмъ свѣтѣ сочиненіями, или *отличными* свѣдѣніями въ Россійской исторіи и древностяхъ, надлежало быть извѣстному „по *трудолюбію и жизни неразстѣпной*, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ“. И вотъ, „сановники и мужи ученые“ избрали въ предсѣдатели Общества П. П. Бекетова, *отставнаго майора*. „Явленіе“, по замѣчанію П. М. Строева, — „для нынѣшняго поколѣнія загадочное: теперь и въ старшины клубовъ избираютъ большею частію генераловъ“. Изъ протоколовъ засѣданій Общества 1811 и первой половины 1812 годовъ видно, что „какой-то *энтузіазмъ* одушевилъ и членовъ, и людей стороннихъ; можетъ быть, его раздѣляли всѣ просвѣщенные москвитяне“. Бекетовъ въ званіи предсѣдателя оставался до 1823 года и, по свидѣтельству П. М. Строева, былъ „душою и двигателемъ“ Общества. „Мнѣ кажется“, писалъ Строевъ, — „въ залѣ нашихъ собраній портретъ этого достойнаго мужа могъ бы имѣть мѣсто“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, стр. 67—68).

65) Въ первыхъ дняхъ іюня 1822 года И. И. Дмитріевъ отправился въ Петербургъ для свиданія съ двоюродною сестрою Анной Николаевной Смирновой и Карамзинымъ. Послѣдняго онъ нашелъ въ Царскомъ Селѣ. Переночевавъ у Карамзина, Дмитріевъ на другой же день отправился въ Петербургъ, и тотчасъ послалъ къ оберъ-камергеру А. Л. Нарышкину письмо съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе представиться императору и обѣимъ императрицамъ. Но на другой день, прежде нежели дошло письмо, государь изволилъ прибыть въ столицу, и Дмитріевъ удостоился получить приглашеніе къ обѣденному столу на Каменный Островъ. Неожиданное появленіе Дмитріева во дворцѣ изумило всѣхъ приглашенныхъ къ столу. Государь, вступивъ съ императрицею въ приемную комнату, съ ласковымъ видомъ изволилъ попенять Дмитріеву, для чего не хотѣлъ идти въ Царскосельскій садъ, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ до представленія: *такіе чины*, примолвилъ его величество, *не у мѣста между Семеновскими сослуживцами*. Послѣ же обѣденнаго стола государь, откланявшись гостямъ и проходя мимо Дмитріева, изволилъ сказать ему: *просимъ же впередъ не стѣсниться*. Въ Царскомъ Селѣ Дмитріеву, по высочайшему повелѣнію, былъ отведенъ одинъ изъ Китайскихъ домиковъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ

Карамзинимъ. Съ наступленіемъ 22-го іюля, по высочайшему же повелѣнію, приготовлено было въ Петергофѣ для Дмитріева помѣщеніе въ дворцовомъ домѣ, назначенномъ для помѣщенія членовъ государственнаго совѣта. „Пребываніе мое въ Царскомъ Селѣ“, писалъ Дмитріевъ,—„заставило многихъ думать при дворѣ и въ городѣ, что я буду опять министромъ юстиціи или просвѣщенія. Уже нѣкоторые изъ запасливыхъ на всякій случай чиновниковъ, и даже высшихъ особъ, закидывали мнѣ поклонныя и визитныя карты. Я сожалѣлъ отъ себя о напрасномъ ихъ безпокойствѣ и скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія, ибо августа 9-го числа отправился въ Москву, простясь съ любезнымъ Карамзинимъ и со всѣми любимцами и докучателями фортуны“ (*Взглядъ на мою жизнь*. М. 1866, стр. 245—248).

66) 30-го октября 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Царскаго Села: „Нарочно для тебя я велѣлъ перевести статью славнаго нѣмецкаго историка Герена о моей Исторіи и пришлю ее тебѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 340).

67) „*Mémoires sur les cent jours*. Paris. 1822“.

68) Александръ Ивановичъ Красовскій, прославившій свое имя цензурскою дѣятельностью, былъ сынъ протоіерея Петропавловскаго собора и члена Россійской академіи. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ гимназій Академіи Наукъ и затѣмъ поступилъ въ 1796 году переводчикомъ въ канцелярію той же Академіи; въ 1800 году опредѣленъ бібліотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, а въ 1810 году занялъ должность секретаря Библіотеки. Въ 1821 г. назначенъ въ цензурный комитетъ цензоромъ (*Русская Старина*, 1874, № 1, стр. 106—140).

69) 28-го марта 1823 года у князя П. А. Вяземскаго родился сынъ князь Петръ. 5-го апрѣля того же 1823 года Карамзинъ изъ Петербурга привѣтствовалъ родителя: „Отъ всей души поздравляемъ васъ съ рожденіемъ милаго *второго* князя Петра. Дай Богъ, чтобы онъ имѣлъ умъ, дарованіе и душевное благородство *перваго!*“ (*Старина и Новизна*. С.-Пб. 1897. Кн. I, стр. 138). Князь Петръ *второй* умеръ въ младенческихъ лѣтахъ и погребенъ въ Остафьевѣ близъ паперти тамошней церкви во имя Святыхъ Троицы, но надгробная надпись, вопреки достовѣрнаго показанія Карамзина *о годъ рожденія младенца*, гласитъ: „Погребены тѣла младенцевъ... Князя Петра, родившагося 28 марта 1821 года, умершаго 18 апрѣля 1823 года“ (Графъ Сергій Шереметевъ. *Остафьево*. С.-Пб. 1889, стр. 15).

70) Изданіе стихотвореній И. И. Дмитріева, 1823 г.

71) А. А. Писаревъ, въ письмѣ своемъ къ А. А. Прокоповичу-Антонскому (отъ 26-го мая 1825) писалъ: „Препровождаю изъ моего кабинета... медаль, которая выбита была отъ Правительствующаго Сенаата, 20 ноября 1772, въ честь И. И. Бецкому, за *любовь къ отечеству*,

находя сіе приношеніе мое нынѣ весьма приличнымъ, когда въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 1823, мая 23 дня, положено было почтить похвальнымъ словомъ память Бецкаго, что поручено дѣйствительному члену князю П. А. Вяземскому“ (*Труды Общества Россійской Словесности*. М. 1826. VI, стр. 298—299).

Въ протоколѣ чрезвычайнаго собранія Общества Любителей Россійской Словесности, 1823 года, мая 23-го, въ ст. 12-й сказано: „Общество, почитая долгомъ изящной словесности воздавать достойныя благодаренія заслугамъ знаменитымъ на различныхъ поприщахъ подвизавшимся соотечественникамъ, особенно для наукъ и просвѣщенія незабвеннымъ, признало нужнымъ почтить похвальными словами память русскихъ меценатовъ, Шувалова, Бецкаго и Завадовскаго. Исполненіе сего священнаго долга признательности къ Шувалову и Завадовскому принялъ на себя А. Ѳ. Мерзляковъ, а къ Бецкому Общество *поручило* князю П. А. Вяземскому (*Московскія Вѣдомости* 1823. № 46). Секретаремъ Общества въ то время былъ И. И. Давыдовъ.

72) Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго „Петербургъ“ (Отрывокъ) было написано въ 1818 году, но напечатано было только въ 1824 году (въ *Полярной Звѣздѣ. Карманной книжкѣ на 1824 годъ для любителей и любительницъ Русской Словесности*, изданной А. А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ. С.-Пб., стр. 256—259). Предъ печатью князь Вяземскій отправилъ свой „Петербургъ“ для просмотра къ И. И. Дмитріеву, который на „особомъ листочкѣ“ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Я зрю сей (все односложныя) Петроградъ—по моему, кажется лучшимъ: Я вижу градъ Петровъ etc.

Сопутственныхъ (темно).

Взыскало дань—со всѣмъ не низкое и не подъяческое, напротивъ, словенское и въ высокомъ слогѣ понинѣ употребляется.

И на рѣшетку зрю—стихъ прекрасный.

Къ рѣшеткѣ можно прибрать маленькій желтый дворецъ Петра Великаго, онъ стоитъ на углу сада къ Невѣ. Въ немъ и теперь еще виденъ на одной вырѣзанной двери крестъ его работы.

Стихъ: Тамъ водчій etc. къ вѣкамъ—потщася простерть признаюсь, я желалъ бы, чтобы этотъ стихъ былъ передѣланъ.

Забылъ написать въ письмѣ: Машиновскій говорилъ, что надобно вамъ отыскать старуху Авдотью Алексѣевну Аргаманову, которая знаетъ всю подноготную о Фонѣ-Визинѣ.

Замѣчаніе И. И. Дмитріева: *И на рѣшетку* (Лѣтняго Сада) зрю—стихъ прекрасный, относится къ слѣдующему:

Желѣзо, покоряся вліянію огня,
Здѣсь легкостью дивить въ прозрачности ограды,
За коей прячется и смотритъ садъ прохлады.
Полтавская рука сей разводила садъ!

Желтый Дворецъ Петра Великаго въ Лѣтнемъ Саду;

Вотъ скромный домъ, ковчегъ воспоминаній славный —
Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ!
Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ: Россія! здѣсь твой храмъ!
О, если жизнь придать безчувственнымъ стѣнамъ,
И тайны царскихъ думъ извлечь изъ хладныхъ сводовъ,
Какой бы мудрости тотъ гласъ отзывомъ былъ,
Какихъ бы истинъ громъ внезапно поразилъ
Благоговѣйный слухъ властителей народовъ!

Стихъ: *Тамъ Зодчій*—etc... *къ вѣкамъ потицась простерть*
Напечатанъ въ такомъ видѣ:

Тамъ зодчій смѣлясь путь къ безсмертію простерть ..

(*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб 1880.

III, стр. 159).

Сестра Д. И. Фонъ-Визина Θεодосія Ивановна (р. 1744), съ 1764 г. была за мужемъ за Василиемъ Алексѣевичемъ Аргамаковымъ (*Князь Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1895. II, стр. 312).

73) Еще 22-го сентября 1821 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Остафьева: „Вы говорили мнѣ однажды о намѣреніи г. Бекетова издать творенія Фонъ-Визина и предложить мнѣ заняться извѣстіемъ о жизни и сочиненіяхъ его... Я здѣсь на досугѣ радъ имѣть опредѣленную работу и во всякомъ случаѣ съ удовольствіемъ соглашусь быть угоднымъ г. Бекетову“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1711).

74) Θεодоръ Θεодоровичъ Кокешкинъ, камергеръ, почетный членъ Московскаго университета, родился въ Москвѣ, 20-го апрѣля 1773 года; обучался въ домѣ родителей своихъ и въ Московскомъ университетѣ; служилъ сначала въ гвардіи, потомъ по министерству юстиціи; съ 1819 года состоялъ членомъ Театральной дирекціи. Въ литературѣ Кокешкинъ извѣстенъ удачнымъ переводомъ Мольерова „Мизантропа“ (*Гречъ*. Учебная Книга Россійской Словесности. С.-Пб. 1822, стр. 608). И. И. Дмитріевъ, знавшій давно Кокешкина, какъ человѣка хорошей фамиліи, образованнаго и съ умомъ, въ то время, какъ былъ министромъ юстиціи, предложилъ ему мѣсто московскаго губернскаго прокурора. Предварительно захотѣлъ онъ посоветоваться съ его тестемъ Иваномъ Петровичемъ Архаровымъ. Архаровъ отвѣчалъ такъ слово

въ слово: *Охъ, мой отецъ! велика твоя милость; да малый-то къ театру болно привязался!* По замѣчанію современниковъ, „много вредила Кокошину на сценѣ какаля-то важность и торжественность, которая была въ немъ и въ обыкновенномъ обращеніи“ (*М. Дмитріевъ*. Мелочи изъ записокъ моея памяти. М. 1869, стр. 175—176).

75) „Приписаніе“ князь П. А. Вяземскій сдѣлалъ въ письмѣ Карамзина къ И. И. Дмитріеву, изъ Царскаго Села, 2-го сентября 1825 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Желая доказать, что я путешествовалъ не безъ пользы и возвращусь не съ пустыми руками, имѣю честь препроводить къ вамъ надпись, найденную мною подъ портретомъ графа Хвостова, въ Хотиловскомъ трактирѣ; портретъ подаренъ трактирщицѣ его сіятельствомъ:

Желалъ бы Графъ я Вашъ портретъ иметь,
Исполните мое преискреннѣ желанье,
Клянусь Вамъ всею, какъ умереть,
Сочту большимъ я его воздаянье.

Я набожно слѣдовалъ правописанію подлинника... Я снялъ портретъ со стѣны для списанія стиховъ и оставилъ его на столѣ; хозяйка, принужденная повѣсить его опять на мѣсто, сказала при семъ: „Охъ! какой же неугомонный этотъ графъ! Всѣ проѣзжающіе снимаютъ его!“ Примите сію бѣдную дань и приобщите ее къ богатымъ матеріаламъ, собираемымъ вами въ *Музеумъ Хвостовскомъ* (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 403—404).

76) Въ 1825 году князь П. А. Вяземскій путешествовалъ въ Ревель. 31-го іюля 1825 года Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Мысли твои о службѣ князя П. А. весьма основательны... Куда ни кинь, такъ клинь. Онъ уменъ, любезенъ, но не знаетъ, что дѣлать въ свѣтѣ, и скучаетъ; гордъ и нерѣшителенъ: а я не имѣю духа за него рѣшиться. Ждемъ его возвращенія изъ Ревеля“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 401—402). Надо полагать, что это путешествіе въ Ревель вдохновило князя Вяземскаго написать стихотвореніе „Ночь въ Ревелѣ“, хотя оно было напечатано гораздо позднѣе (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1880. IV, стр. 274—277).

77) 2-го сентября 1825 года Карамзинъ, изъ Царскаго Села, писалъ И. И. Дмитріеву: „Грустно, мрачно, холодно въ сердцѣ, и не хочется взять пера“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 402).

78) 2-го сентября 1825 года, изъ Царскаго Села, П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Пушкинъ въ своей псковской ссылкѣ готовитъ трагедію Борисъ Годуновъ... Вотъ надежды въ засѣвѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 404).

79) Въ 1824 году, скончалась тетка В. Л. Пушкина, Варвара Ва-

сильевна Чичерина и завѣщала ему свое состояніе (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887. VII, 132).

80) Въ *Дамскомъ Журналѣ* 1825 года мы встрѣчаемъ стихотворенія М. Кобозева, подъ которыми подписано Одесса.

81) Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, сенаторъ и ученый, жилъ по большей части во Франціи и Италиі. Будучи сенаторомъ съ 1812 года, Орловъ возвратился въ Россію только по воцареніи императора Николая и умеръ въ іюнь 1826 года. Во время плаванія по Волгѣ дядя его графъ Г. Г. Орловъ перевелъ *пятую* главу Мармонтелева „Велизарія“ (*А. Барсуковъ*. Разказы изъ Русской Исторіи XVIII вѣка. С.-Пб. 1885, стр. 104). „Ни одно сочиненіе“, писалъ И. И. Дмитріевъ,— „не заслужило у насъ такого отличія, какъ политическій и нравственный романъ Мармонтеля. Въ 1769 году вышло два перевода его. Одинъ напечатанъ въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ „Велисарій“, безъ имени переводчика; а другой въ Москвѣ, подъ названіемъ „Велизера“. Послѣдній совершенъ самою Екатериною съ ея вельможами и царедворцами... Императрица перевела только девятую главу. Замѣтимъ, что вся девятая глава дышетъ либерализмомъ, ненавистью къ ласкателямъ и самовластію“. „Велизеръ“ былъ посвященъ переводчиками архіепископу Тверскому Гавріилу (впослѣдствіи митрополитъ Новгородскій) (*Взглядъ*, стр. 96, 285).

82) „Собраніе новыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823, часть первая. Въ Санктпетербургѣ, 1825“. Въ предисловіи „*Отъ издателей*“ читаемъ: „Здѣсь напечатано нѣсколько старыхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, которыя не включены издателями *Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій и Переводовъ*. Мы рѣшились лучше нарушить порядокъ, нежели справедливость. Стихи князя Кантемира и Петрова и теперь еще имѣютъ свою цѣну; проза Ломоносова, Хераскова, Козицкаго, Гамалѣя, Подшивалова и теперь еще обворажаетъ слухъ, плѣняетъ воображеніе и убѣждаетъ разумъ“.

83) Въ этой припискѣ къ письму К. А. Карамзиной, изъ Ревеля, отъ 22-го іюня 1826 года, князь П. А. Вяземскій между прочимъ писалъ: „Какъ живо представляю себѣ вашу горестъ, тѣмъ болѣе тяжкую, что почти не съ кѣмъ вамъ дѣлить ее“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 426—428).

84) *Некрологія* (Изъ *Journal de St.-Petersbourg*). Подъ этою статью Каченовскій означилъ только свою начальную литеру *К.* (*Вѣстникъ Европы* 1826 года, май—іюнь, стр. 69—72).

85) Серпуховскій помѣщикъ, владѣлецъ села Рудина, нѣкогда числившагося „въ старыхъ вотчинахъ за бояриномъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ“, и постоянно въ немъ жившій, Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ принадлежалъ къ писателямъ Карамзинской

школы. Впослѣдствіи онъ прославился своею цѣнною книгою „Поѣздка по Коломенскому уѣзду“. До 1826 года онъ былъ извѣстенъ въ нашей литературѣ слѣдующими сочиненіями: 1813 года— „Пѣснь Россійскихъ воиновъ на истребленіе Наполеоновскихъ армій“; 1819— „Сочиненія и переводы въ стихахъ“; въ 1827 году онъ напечаталъ въ Москвѣ въ двухъ частяхъ книжку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Духъ Карамзина или избранныя мысли и чувствованія сего писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорѣній и историческихъ характеровъ“. Объ этомъ сочиненіи А. И. Тургеневъ между прочимъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Пробѣжалъ сегодня акаеиствъ Иванчина-Писарева нашему историографу. И за намѣреніе отдать справедливость спасибо“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1884, IX, 92). Погодинъ же съ своей стороны объ этомъ сочиненіи замѣтилъ слѣдующее: „Авторъ распространяется весьма много о зюилахъ, будто старавшихся унизить Карамзина, и въ такихъ громоносныхъ выраженіяхъ, что всякій, незнакомый съ русской литературой, представитъ себѣ легионъ злонамѣренныхъ критиковъ...“ Далѣе Погодинъ продолжаетъ: „Авторъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ. „Кто у насъ говорилъ о немъ такъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиніи? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиніи къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: „Пиши — я ручаюсь за потомство“. На это Погодинъ возражаетъ: „Авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пой, Карамзинъ,
И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьиный“.

По поводу кончины Н. Д. Иванчина-Писарева (въ 1849 г.) И. М. Снегиревъ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы подобные дѣятели у насъ не переводились“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. VI, 306; 1889. II, 145—146; 1896. X, 544).

86) Еще 2-го сентября 1825 года, изъ Царскаго Села, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Я былъ у нашего Сѣверина, который блаженствуетъ на розахъ любви и Гименей; жена его очень мила, домъ у нихъ красивый, и домашній бытъ очень хорошо устроенъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*; стр. 404).

87) *Аполонъ въ четверостишіяхъ*. М. 1825.

88) 17-го іюня 1830 года князь П. А. Вяземскій, изъ Петербурга писалъ И. И. Дмитріеву: „Зная ваше благосклонно-сатирическое мнѣніе обо мнѣ, я увѣренъ, что если и прихожу вамъ иногда на память, то не иначе какъ въ вихрѣ вѣчнаго движенія, увлеченный волною бала, спектакля или обѣда — теперь въ Малой Морской, черезъ часъ на Петергофской дорогѣ, а черезъ два—на Черной рѣчкѣ. Ахъ! Вашими устами бы медь пить... Но дѣло совсѣмъ не такъ, какъ вы полагаете.

Я—домосѣдъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не выхожу изъ комнаты... и едва хожу по комнатѣ. Меня вывалили изъ дрожекъ или правильнѣе повалили съ дрожжами на Каменноостровскомъ мосту и зашибли больно лѣвую ногу“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 605).

89) См. примѣчаніе 85-е. По поводу кончины В. В. Измайлова (въ 1830 году) князь П. А. Вяземскій, 17-го іюня 1830 года, писалъ И. И. Дмитріеву: „Пожалѣвъ о смерти добраго Измайлова, подумалъ я и о вашей грусти. Вы любили его и имѣли въ немъ собесѣдника, съ которымъ можно было вамъ мѣняться не одними словами, а и мыслями. Закажите по данному вами плану некрологическую статью о немъ Иванчину-Писареву и подарите ея *Литературную Газету*. Измайловъ оставилъ по себѣ честную память, которую надобно сберечь. При нынѣшнемъ упадкѣ нравственномъ нашего литераторства должно выставлять въ примѣръ и въ пристыженіе имена литераторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ и чистыхъ. Покойникъ принадлежалъ къ сему числу; изъ твореній его, можетъ быть, и не многому научишься, но изъ жизни его научишься уважать занятія литературныя и облагораживать свои способности“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 610—611).

90) Василій Аполлоновичъ Ушаковъ былъ сотрудникомъ *Московского Телеграфа* и другомъ Булгарина, о чемъ онъ печатно заявилъ, разбирая сочиненіе послѣдняго „Димитрій Самозванецъ“. „Приступаю къ разсмотрѣнію романа“, писалъ онъ,—„сочиненнаго моимъ короткимъ пріятелемъ, и о сихъ моихъ сношеніяхъ съ авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ, острящихъ жало на новое произведеніе моего друга“; при этомъ онъ жалуется „всей просвѣщенной Европѣ“ на „безграмотныхъ писаекъ, боярскихъ дѣтокъ“, которые „вмѣнили и вмѣняють въ ужасный грѣхъ Булгарину, что онъ родился не въ Россіи, а въ Польшѣ“. Одновременно съ „Димитріемъ Самозванцемъ“ Булгарина вышла въ свѣтъ и VII-я глава „Евгенія Онѣгина“, о которой въ томъ же *Телеграфѣ* писали: „Первая глава Онѣгина и двѣ три слѣдовавшія за нею нравились и плѣняли, какъ превосходный *опытъ* поэтическаго воображенія общественныхъ причудъ. Но *опытъ* все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы и картина та же. Цѣна новизны исчезла—и тотъ же „Онѣгинъ“ нравится не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже повторяетъ самъ себя. „Онѣгинъ“ будетъ рудникъ для эпитафій, а не органическое существо“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 86, 25—26).

91) Здѣсь И. И. Дмитріевъ, вѣроятно, разумѣлъ юмористическое прибавленіе къ *Московскому Телеграфу* 1830 года, № 12, іюнь: „Новый живописецъ Общества и Литературы“. Въ статьѣ „Слова, насъ учили,—дымъ“ осмѣивается исторія русской литературы, въ которой между прочимъ

читаемъ: „Херасковъ, нашъ Гомеръ, воспѣвшій древнія брани, пройдетъ въ храмъ безсмертія! Пусть ноютъ сердца зоиловъ: они вреда не нанесутъ ему; его „Кадмъ и Гармонія“ станетъ рядомъ съ Телемакомъ. Костровъ рѣшилъ споръ семи городовъ о рожденіи Омира: онъ усно-вилъ его Россіи. Петрова перестанутъ читать, когда вовсе читать перестанутъ. Мы имѣемъ уже у себя своихъ Шольё, Лафаровъ, Делилей, своихъ Доратовъ и Мармонтелей, своихъ Дюссювъ, своихъ Мильвуа и Панаровъ! Потомки черезъ пятьсотъ лѣтъ будутъ искать слѣдовъ Карамзина на берегахъ Лизина пруда и говорить: *онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!* Безсмертную „Душеньку“ диктовали сами граціи. Безсмертіе Нелединскаго утверждено слезами милыхъ. Озеровъ, счастливый подражатель Дюссиса, умереть только тогда, когда потомки русскихъ не будутъ походить на Танкреда, живо изображеннаго имъ въ „Дмитрій Донскомъ...“ (стр. 212).

92) М. П. Погодинъ издавалъ, подъ заглавіемъ „Вѣдомости о состояніи города Москвы“, московскіе бюллетени во время холеры (см. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. III, 47, 206, 209, 213, 216, 238, 239).

93) 30-го октября 1830 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Фонъ-Визинъ будетъ обязанъ за свою біографію холерѣ. Ревностно занимаюсь ею“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 613).

94) 30-го октября 1830 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Чтобы напитаться стариною нашею, перечиталъ я множество русскихъ книгъ прошлаго столѣтія; дошло дѣло даже и до Тредьяковскаго. Эти чтенія даютъ мнѣ большую охоту написать обзоръ русскій словесности и выдать „Русскую Библіотеку“, то-есть, выборъ изъ нашихъ стариковъ, которые право были лучше насъ, по крайней мѣрѣ сочиѣ. Въ одномъ Сумароковѣ болѣе мыслей и остроумія, чѣмъ во всѣхъ журналистахъ нашихъ. Въ числѣ новостей ограничиваюсь убійственною литературою Маркуса и Погодина, а прочаго не читаю“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 613—614).

95) *Петербуржскій Меркурій*, не *Петербуржскій*, а *Сѣверный Меркурій*—литературная газета, издававшаяся Михаиломъ Вестужевымъ-Рюминымъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1830—1832 годахъ.

96) Князь П. А. Вяземскій спрашивалъ И. И. Дмитріева: „Не знаете ли вы, есть ли у Сумарокова комедія, написанная на Эмина? Въ комедіи его „Ядовитый“ есть лицо Геростратъ, которое должно быть на кого-нибудь нацѣлено, и мнѣ сдается не на Эмина ли? Онъ говоритъ въ одной сценѣ: „О Юпитеръ, о Магометъ, о безмолвный пустынный Балтійскаго порта!“ — Что значитъ этотъ пустынный? (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 613—614).

97) Въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву (отъ 15-го ноября 1830 года) К. А. Карамзина дѣйствительно напоминала ему о днѣ своего рожденія: „Пишу къ вамъ на канунѣ дня, въ который минетъ мнѣ полвѣка, съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Провидѣнію за то счастье, которое оно дало мнѣ вполне вкусить въ семъ мірѣ; никто не любилъ и не былъ любимъ болѣе меня и какими сердцами!“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 436).

98) Здѣсь, по всѣмъ вѣроятіямъ, И. И. Дмитріевъ разумѣетъ стихи С. П. Шевырева, написанные имъ въ альбомѣ княгини Э. А. Волконской.

99) Еще 14-го декабря 1830 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій извѣщалъ И. И. Дмитріева о запрещеніи *Литературной Газеты* и по этому поводу писалъ: „Какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра просвѣщенія Влудовъ, а не какой-нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона, или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что государь уважилъ бы истину, еслибы это раскрылъ ее предъ нимъ. Но всѣ молчатъ. Не даромъ сказалъ мой Фонъ-Визинъ: *Тутъ нѣтъ отъкровенности къ государю, идъ нѣтъ ея къ истинѣ*“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 614—615).

100) Телешовъ состоялъ при дѣтяхъ Н. М. Карамзина.

101) *Ө. С. Мосоловъ*, извѣстный коннозаводчикъ, о которомъ упоминаетъ С. П. Жихаревъ въ своихъ *Запискахъ* (изд. *Русскаго Архива*. М. 1890, стр. 132—133, 200).

102) Андрей Ивановичъ *Пашковъ*, ген.-майоръ, въ должности егермейстера, р. 1792, † 1850. Ж. I, гр. Екатерина Дмитріевна *Зубова*, † 1821. 2, гр. Аделаида Гавриловна *Моденъ*, р. 1803, † 1844. Онъ былъ внукъ Александра Ильича Пашкова, женатаго на Даріи Ивановнѣ Мясниковой, извѣстной богачкѣ своего времени (примѣчаніе К. А. Губастова). Домъ Пашкова въ Москвѣ (нынѣ Московскій Публичный и Румянцовскій музеи), по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „отличающійся самобытною архитектурою, красивый и величавый, съ бельведеромъ, съ садомъ на улицу, а въ саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморскія птицы; по праздникамъ игралъ въ саду домашній оркестръ. Какъ бывало ни идешь мимо дома, такъ и прильнешь къ желѣзной рѣшеткѣ; глазѣшь и любишь; и всегда рѣшетка унижена дѣтьми и простымъ народомъ“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, 468).

103) *Альціона*, альманахъ на 1832 годъ. Изданъ барономъ Розеномъ. С.-Пб. 1832.

104) *Съверные Цвѣты* издавались барономъ Дельвигомъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1825 года.

105) Въ сентябрѣ 1831 года И. В. Кирѣевскій вошелъ въ Московскій цензурный комитетъ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему дозволенія издавать съ будущаго 1832 года журналъ, подъ названіемъ *Европеецъ*. Въ засѣданіи главнаго управленія цензуры, бывшемъ 13-го октября 1831 года, послѣдовало разрѣшеніе. „Поздравляю всю братію“, писалъ Пушкинъ Языкову, — „съ рожденіемъ *Европейца*. Готовъ съ моей стороны служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти“. Все, что было знаменитаго, благороднаго въ литературѣ нашей, соединилось около Кирѣевского для безкорыстной возвышенной дѣятельности. Въ новый 1832 годъ вышелъ первый номеръ *Европейца*, а 13-го февраля того же 1832 года запрещено его дальнѣйшее изданіе. Все напечатанное въ двухъ вышедшихъ въ свѣтъ книжкахъ *Европейца*, по справедливому замѣчанію М. А. Максимовича, не представляетъ „ничего возмутительнаго, ничего такого, что могъ бы вычеркнуть самый подозрительный цензоръ нашего времени“ (объ этомъ прискорбномъ событіи въ нашей литературѣ см. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, III, 367—368; IV, 5—8, 10—12, 16, 37; V, 469—470; VII, 404).

106) *Русская Минерва*, не *Русская*, а *Сѣверная Минерва*, которая начала издаваться въ Петербургѣ Иродіономъ Вѣтринскимъ, съ января 1832 года.

107) *Улей*, помѣсячное изданіе, выходившее въ Петербургѣ съ января 1811 по декабрь 1812 года.

108) „Долго былъ И. И. Дмитріевъ“, пишетъ князь Вяземскій, — „постояннымъ членомъ Англійскаго клуба: вдругъ, за что-то на него прогнѣвавшись, отослалъ свой билетъ; вскорѣ послѣ, соскучась, опять записался“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1882. VII, 161).

109) Императоръ Николай I, по вступленіи на престолъ, пожелалъ возложить на Карамзина сочиненіе бумагъ государственныхъ; но Карамзинъ почему-то нашелъ это несомвѣстнымъ съ занятіями исторіографа и указалъ государю, вмѣсто себя, на двухъ арзамассцевъ, владѣвшихъ отечественнымъ языкомъ въ совершенствѣ и достойныхъ быть изъяснителями монаршей мысли предъ народомъ. Выборъ Карамзина палъ на Дашкова и Блудова (*Погодинъ*. Н. М. Карамзинъ. М. 1866. II, 465). Въ 1832 году оба они сдѣлались министрами: Дмитрій Васильевичъ Дашковъ—министромъ юстиціи, а Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, на мѣсто графа А. А. Закревскаго, министромъ внутреннихъ дѣлъ (*Ивановъ*. Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи. С.-Пб. 1863, стр. 153—180).

110) 3-го іюня 1832 года князь Вяземскій, изъ Петербурга, писалъ И. И. Дмитріеву: „Жуковскаго здоровье такъ плохо, что рѣшеніемъ

медиковъ, присланныхъ къ нему на совѣщаніе отъ императора, положено ему ѣхать въ Эмсъ; а на зиму въ Италію, или въ Южную Германію. Я перекрестился отъ радости и расцѣловалъ доктора Арендта, когда узналъ, что дѣло рѣшено“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 618).

111) 3-го іюня 1832 года князь Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Петербурга: „Желая воскресить для васъ А. Е. Измайлова, сообщу вамъ одинъ анекдотъ о графѣ Хвостовѣ. Онъ публично упалъ и растянулся на землѣ, на Елагинскомъ гуляньѣ, садясь въ коляску свою. Жена завизжала, и весь народъ бросился смотрѣть его и слушать ее; но все обошлось безъ бѣды, и графа подняли, какъ ни въ чемъ не бывало. Приключеніе это, вѣроятно, будетъ воспѣто самимъ Хвостовымъ. Былъ и другой случай подъ деревомъ въ Лѣтнемъ саду... Впрочемъ, бѣдный Хвостовъ жалокъ; онъ такъ дряхлъ и разслабъ, что недолго осталось ему публично падать, писать и...“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 619—620).

112) 17-го сентября 1832 года князь Вяземскій, изъ Петербурга, писалъ И. И. Дмитріеву: „Благодѣтельное пособіе вашего высокопревосходительства бѣдному Реуту пришло въ самую пору и послужило ему добрыми проводами въ дальній путь. Онъ вскорѣ послѣ того и скончался“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 622).

113) Рѣчь идетъ о *Письмахъ* князя Мецкерскаго, сына обер-прокурора Св. Синода, о которыхъ князь Вяземскій такъ отзывался: „Письма нѣсколько синодскія, а съ другой стороны, много ребяческаго жара и болтовни, много самохвальства, не только патріотическаго, которое извинительно и даже увлекательно, когда оно поддержано дарованіемъ, но много самохвальства личнаго и вовсе неприличнаго. Признаюсь, излишній патріотизмъ и въ самомъ эпиграфѣ. Выходя на бой съ Европою, смѣшно взять Шаховскаго герольдомъ своимъ, смѣшно имѣть я союзникомъ себѣ и гг. Masclet. Съ ними недалеко уйдешь и никого не испугаешь. Впрочемъ, книгу все прочесть можно съ любопытствомъ и съ желаніемъ автору болѣе зрѣлости въ мысляхъ, ибо благонамѣренность одна въ подобныхъ случаяхъ недостаточна“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 621—622).

114) Въ Петербургѣ разнесся слухъ, что Полевой будетъ въ числѣ депутаціи, которая отправится изъ Москвы благодарить государя отъ лица купечества (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 622).

115) Семенъ Алексѣевичъ Смирновъ, профессоръ россійскаго законовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, которое преподавалъ съ 1811 по 1834 годъ. Ѳ. Л. Морозкинъ, приступалъ къ жизнеописанію Смирнова, замѣтилъ: „Въ прежнія времена, когда большая часть профессоровъ жили въ отдаленіи отъ большого свѣта, много было между ними оригиналовъ съ особымъ стилемъ осанки, походки, тѣлодвиженій и привычекъ! Къ

этому разряду профессоръ античной эпохи отчасти принадлежит С. А. Смирновъ. Въ 1832 году онъ произнесъ рѣчь „О началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ, духъ ихъ и постепенномъ усовершенствованіи“ (*Біографическій Словарь Профессоровъ и Преподавателей И. Московскаго Университета*. М. 1855. II, 418—419).

116) Упрекъ И. И. Дмитриева относится къ Дмитрію Павловичу Голохвастову, который по матери своей Елизаветѣ Алексѣевнѣ Яковлевой былъ роднымъ племянникомъ сенатора Льва Алексѣевича Яковлева и двуроднымъ братомъ А. И. Герцена. Съ 1832 года Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ сочиненіяхъ его двоюроднаго брата А. И. Герцена мы находимъ живую и яркую характеристику этого почтеннаго чело-вѣка: „Въ домѣ его родителей (на Тверской) царствовала обдуманная, важная скука и официально учтивый, благосклонный тонъ съ чувствомъ собственного достоинства, который à la longue чрезвычайно надѣдалъ. Дмитрій Павловичъ лѣтъ 18-ти ходилъ на сорокалѣтняго мушкетера... Онъ былъ блондинъ съ британски-рыжеватымъ оттѣнкомъ, съ свѣтло-сѣрыми глазами, которые онъ любилъ щурить, и которые говорили о невозмущаемомъ штилѣ души. Съ лѣтами фигура его все больше и больше выражала чувство полного уваженія къ себѣ... Говоря, онъ почесывалъ третьимъ пальцемъ лѣвой руки волосы на вискахъ, всегда подвитые и правильно причесанные, притомъ онъ постоянно держалъ губы на благосклонной улыбкѣ... Правильныя черты его вмѣстѣ съ стройнымъ и довольно высокимъ ростомъ, съ тщательно округленными движеніями, съ шейнымъ платкомъ, котораго узелъ *никогда не былъ ни великъ, ни малъ*, придавали ему какую-то торжественную красоту посаженнаго отца, почетнаго свидѣтеля.. или по крайней мѣрѣ чело-вѣка, пріѣхавшаго поздравить съ Рождествомъ Христовымъ, или наступившимъ новымъ годомъ... Вся его жизнь была рядомъ наградъ за успѣхъ и нравственность. Онъ ихъ вполне заслужилъ... Онъ говорилъ по французски съ тою непорочною правильностью, съ которой французы никогда не говорятъ... 14-ти лѣтъ онъ не только участвовалъ въ управленіи имѣніемъ, но перевелъ на французскій языкъ въ прозѣ всю *Rossicade* Хераскова... Между тѣмъ, правильно осмотрѣвши Европу и выучившись по англійски, Дмитрій Павловичъ возвращался вооруженный планами Девонширскихъ фермъ и Корнвельскаго конскаго завода. Моремъ плыли сѣяльныя и вѣяльныя машины, необыкновенные плуги и модели всякихъ агрономическихъ затѣй“. Вскорѣ послѣ того Дмитрій Павловичъ вступилъ въ законный бракъ. Женитьба его, повѣствуетъ двоюродный братъ его,—не была „дѣломъ безумной страсти. Онъ только выбралъ умную и дѣльную жену. Онъ изъ династическихъ соображеній желалъ прямыхъ наслѣдниковъ, чтобъ оградить родъ“

праотцевъ". Опреѣленіе Дмитрія Павловича въ помощники попечителя Московскаго учебнаго округа совершилось такимъ образомъ: Императоръ Николай I „захотѣлъ перемѣнить военное управление Московскаго университета на статское. На дорогѣ между Москвой и Петербургомъ онъ назначилъ попечителемъ князя Сергія Михайловича Голицына", который въ свою очередь сталъ искать себѣ помощника, и „взглядъ его остановился" на Голохвастовѣ. Въ проѣздъ государя черезъ Москву Голицынъ представилъ ему Голохвастова, и послѣдній вышелъ отъ государя помощникомъ попечителя. Съ этого времени, повѣствуетъ его двоюродный братъ, Дмитрій Павловичъ „началъ примѣтно толстѣть, наружность его выражала еще больше важности и фракъ сталъ носить какъ-то пошире, безъ звѣзды, но видимо предчувствуя ея".

Ядовитый старикъ, отецъ Герцена, И. А. Яковлевъ такъ отзывался о своемъ любимомъ племянникѣ: „Я его люблю и привыкъ любить, да онъ всего этого и заслуживаетъ. Конечно, есть и у него свои пресмѣшныя недостатки... Скорая карьера вскружила ему голову... Къ тому же родъ его службы такой—ѣздитъ кураторомъ, учениковъ бранить, да все съ школярами привыкъ говорить свысока..., поучаетъ ихъ, тѣ слушаютъ его на вытяжкѣ... Онъ и думаетъ, что со всѣми можно говорить тѣмъ же тономъ... Даже голосъ у него перемѣнился... Я знаю, ну, онъ привыкъ въ декастеріяхъ... А тутъ эти писаришки—все *вашпревосходительство!* *вашпревосходительство!* Ну, затмѣніе" (*Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1879. VII, 232—343, 326—327).

117) 3-го іюня 1832 года князь Вяземскій, изъ Петербурга, писалъ И. И. Дмитріеву: „Въ литературномъ мірѣ, за исключеніемъ обѣщаннаго позволенія, даннаго Пушкину, издавать газету и съ политическими извѣстіями, нѣтъ ничего новаго. Но и это—важное событіе, ибо подрываетъ журнальный откупъ, снятый Гречемъ и Булгаринымъ" (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 619). Событія, происходившія въ то время въ Польшѣ и Европѣ, сильно волновали Пушкина и вызывали въ немъ потребность выступить на поприще публициста. Онъ писалъ графу Бенкендорфу слѣдующее: „Съ радостью взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, то-есть, такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединялъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приближалъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію". Въ 1832 году эта мысль Пушкина близка была къ воплощенію, и Любимовъ съ восторгомъ писалъ Погодину: „Вѣрно, слышали вы о предложеніи Пушкина издавать ежедневную газету. Отъ души желаю всякаго успѣха. Авось, тогда нѣсколько поумолкнутъ Полевые, Булгарины,

Гречи и вся нечистая и не русская ихъ братія... Вы не будете Погдинъ, если не будете съ своей стороны помогать столь доброму движу..." Самъ же Пушкинъ писалъ Погодину: „Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется“. Газетѣ своей Пушкинъ думалъ дать заглавіе *Дневникъ*. Гоголь былъ противъ этого предпріятія Пушкина и писалъ И. И. Дмитріеву: „Газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше! Въ нынѣшнее время принятая за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но гению этимъ заняться—значить помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ“. И дѣйствительно, Пушкинъ откладывалъ день за день исполненіе своего предпріятія, наконецъ совсѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ о немъ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 275; 1891. IV, 95—97).

118) 17-го сентября 1832 года князь Вяземскій писалъ, изъ Петербурга, Дмитріеву: „Мы въ это послѣднее время часто говорили съ Пушкинымъ о необходимости жизнеописанія Карамзина. Это совершенно дѣло ваше, по сердцу, по уму, по обстоятельствамъ; это необходимое пополненіе собственныхъ вашихъ „Записокъ“, вторая половина жизни вашей. Вся жизнь Карамзина слилась съ вашей, и память ваша—одно ея живое хранилище. Если вы уже не хотите приступить къ труду полному и цѣльному, то передайте по крайней мѣрѣ мнѣ изъ памяти своей біографическіе матеріалы, и я подъ руководствомъ вашимъ буду приводить ихъ въ единство.....Время уходитъ и мы уходимъ. Многое изъ того, что видѣли мы сами, перешло уже въ баснословныя преданія, или и вовсе поглощено забвеніемъ. Надобно сдавать свои драгоценности въ сохранное мѣсто (*Русскій Архивъ*, 1886, стр. 623—624).

119) Эти двѣ-три страницы о Карамзинѣ написаны Дмитріевымъ еще при жизни историографа, 10-го января 1826 года, и напечатаны въ его „Взглядъ на мою жизнь“ (М. 1866, стр. 251—254).

120) По вступленіи своемъ въ должность товарища министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, въ 1832 году, выразилъ министру князю Ливену желаніе „посвятить время на обзорѣніе Московскаго университета и части учебнаго округа“ и просилъ повергнуть сіе желаніе высочайшему „благоуваженію“. На докладѣ министра государь начерталъ: *Сомасенъ, обратитъ особое вниманіе на Московскій университетъ и гимназіи* (подробности объ этомъ обзорѣніи см. *Жизнь и Труды М. П. Погодина* С.-Пб. 1891. IV, 71—85, 98—99). Вскорѣ послѣ своихъ арзамасскихъ товарищей Дашкова и Блудова и самъ Уваровъ 21-го марта 1833 года сдѣлался министромъ.

121) Съ 18 го апрѣля 1830 года князь П. А. Вяземскій состоялъ

чиновникомъ особыхъ порученій министерства финансовъ; а 21-го октября 1832 года всемилостивѣйше повелѣно ему быть исполняющимъ должность вице-директора департамента внѣшней торговли. 31-го декабря 1832 года онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Вы требуете собственноручнаго свидѣтельства отъ меня въ моемъ настоящемъ званіи... Точно, а нижеподписавшійся—*исправляющій должность вице-директора департамента внѣшней торговли*, и тѣмъ болѣе могу васъ въ томъ удостовѣрить: по милости Божіей приходилось мнѣ въ иное утро подписываться въ томъ до четырехъ сотъ разъ и болѣе. Послѣ того нельзя не вѣрить тому и не затвердить этой истины, отъ которой иногда заробить у меня въ глазахъ и такъ надоѣсть мнѣ имя мое, что для рожда и развлеченія радъ бы вмѣсто князя *Петра Вяземскаго* написать: *графъ Дмитрій Хвостовъ* (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 625).

122) *Телескопъ*, журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Николаемъ Надеждинымъ, въ Москвѣ, съ 1831—1836 г.

123) „Неистовый Орландъ“ *Л. Аріоста*. Переводъ *Раича*. М. Часть 1-я. 1832. Часть 2-я. 1833. Часть 3-я. 1837.

124) „Система Россійской Словесности“, составленная Императорскаго Московскаго университета профессоромъ *Ивиномъ Давыдовымъ*. М. 1832.

125) 31-го декабря 1832 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Вотъ что маленькій Гриммъ (А. И. Тургеневъ) писалъ ко мнѣ изъ Венеціи: „Я давно собирался попросить тебя дать знать И. И. Дмитріеву, что я очень огорченъ его холодностію въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ, и что если я виноватъ, то невинно, и потому ему легко простить мнѣ и любить меня по старому (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 625).

126) 2-го февраля 1833 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Баронъ Розень, издатель *Альционы*, просилъ меня представить альманахъ его патриарху нашей словесности“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 627).

127) Въ то время, когда строгій приговоръ состоялся въ Петербургѣ надъ *Европейцемъ* Кирѣевскаго, книгопродавецъ А. Ѳ. Смирдинъ перемѣстилъ свой книжный магазинъ на Невскій проспектъ, и этотъ обыкновенный случай, по словамъ книгопродавца Смирдина, доставилъ ему „счастіе видѣть у себя на *новосельѣ* почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ“. Графъ Д. И. Хвостовъ, по выраженію Смирдина, „маститый поэтъ нашего времени“, сдѣлалъ „отъ своей музы“ привѣтствіе. На этомъ пиру, по свидѣтельству Смирдина, „гости литераторы, изъ особенной благосклонности ко мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на *новосельѣ* каждый своимъ произведеніемъ“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 16—17). Та-

кимъ образомъ, въ 1833 году появилось въ Петербургѣ *Новоселье*. Часть первая. Изъ заключающихся въ немъ статей И. И. Дмитриевъ обратилъ вниманіе на слѣдующія: „Незнакомка“, барона *Брамбеуса* и „Бригадиръ“, князя *В. Ѡ. Одоевскаго*, съ посвященіемъ И. С. Мальцеву и съ эпиграфомъ изъ И. И. Дмитриева:

Жилъ, жилъ, и только что въ газетахъ
Осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ“.

Новоселье украшено виньеткою, рисованною Брюловымъ и гравированною Галактионовымъ; она изображаетъ обѣденный столъ, во главѣ котораго сидитъ И. А. Крыловъ. Въ моей библиотекѣ имѣется второе изданіе первой части *Новоселья*, сдѣланное въ 1845 году.

128) 2-го февраля 1833 года князь Вяземскій писалъ Дмитриеву: „Въ самое то время, какъ я собирался составить съ позволенія вашего біографическіе вопросы о Карамзинѣ, явился ко мнѣ Перевощиковъ, бывший казанскій, а послѣ дерптскій профессоръ, и сказалъ мнѣ о намѣреніи своемъ написать жизнь Николая Михайловича. Вотъ вопросы, мнѣ имъ представленные. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны своею *простосердечностію*... Перевощиковъ ума не очень остраго и глубокомысленнаго, но литературные труды его не безъ достоинства... Во всякомъ случаѣ трудъ его не будетъ помѣхою моему, и я охотно даю ему шагъ предомню“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 628—629).

129) Въ это время скончался въ Дерптѣ внукъ Карамзиной, князь Николай Петровичъ Мещерскій.

130) См. примѣчаніе 128-е.

131) Письмо это написано во время пребыванія И. И. Дмитриева въ Петербургѣ, лѣтомъ 1833 года. 22-е іюля — день именинъ дочери князя Вяземскаго, княжны Маріи Петровны.

132) 14-го августа князь Вяземскій писалъ Дмитриеву: „Могу увѣрить васъ, что вы оставили въ насъ живѣйшее и пріятнѣйшее впечатлѣніе. Наши отношенія всѣ такъ подѣ, разговоры наши такіе протоколы, мы всѣ такіа официальные лица, что право обдаеть душу и умъ свѣжестью и благоуханіемъ, какъ побесѣдуешь съ человѣкомъ изъ другой и высшей сферы“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 631).

133) Въ *Свертной Печет* былъ напечатанъ отрывокъ изъ письма П. А. Плетнева (отъ 15-го іюля 1833 года), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Вчера, на дружескомъ обѣдѣ, куда собралось нѣсколько почитателей знаменитаго поэта нашего И. И. Дмитриева, по случаю отъѣзда его изъ Петербурга, послѣ заздравнаго и прощальнаго тоста почетному гостю, Д. Н. Блудовъ предложилъ тостъ за благополучное окончаніе предпріятія, задуманнаго благодарными земляками Карамзина, замѣчая при томъ, что никто не имѣеть столько правъ начать открывающуюся

по сему предмету подписку, какъ И. И. Дмитріевъ, который началъ, вмѣстѣ съ безсмертнымъ другомъ своимъ, великое дѣло преобразованія нашего языка. Тостъ сей принятъ былъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Замѣчательно, что между участниками въ этомъ дружескомъ праздникѣ почти никого не было, кто бы, такъ сказать, не образовалъ вкуса своего произведеніями того, въ чью честь собрались они, и того, кому готовились воздать послѣдній долгъ благоговѣнія. Изъ чужестранцевъ присутствовалъ здѣсь саксонскій посланникъ, баронъ Люцероде; но любовью его къ русскому языку, въ изученіи коего оказалъ онъ примѣрные успѣхи, судя особенно по краткости времени пребыванія своего въ Россіи, просвѣщеннымъ уваженіемъ къ русскимъ писателямъ, и вообще къ русской словѣ, и онъ былъ не чужимъ на семъ литературномъ праздникѣ, и имѣлъ полное право быть и собесѣдникомъ нашимъ, и участникомъ въ открытой подпискѣ. Общество состояло изъ двадцати особъ, денегъ собрано при семъ случаѣ 4,525 рублей. Зачинщики сего добраго дѣла, симбирскіе дворяне, надѣемся, простятъ намъ, что мы поспѣшили преждевременно отозваться на поданный ими голосъ, и примутъ съ радушіемъ усердное приношеніе“ (*Сѣверная Пчела*, 1833, № 162).

134) Авдотья Павловна, супруга Ѳ. Н. Глинки, была дочь попечителя Московскаго университета тайнаго совѣтника Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, который былъ, между прочимъ извѣстенъ своею ненавистью къ Карамзину. Когда исторіографъ нашъ получилъ орденъ Владиміра 3-й степени, Кутузовъ счелъ своею священною обязанностью довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго (10-го августа 1810 года) слѣдующее: „Ревнуя о единомъ благѣ, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя наполнены вольнодумскаго и яacobинскаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперъ еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ. О семъ надобно очень подумать, буде не для насъ, то для потомства. Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались класическими. Какъ могу то воспретить, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены? Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно дать, а давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь“ (*Русскій Архивъ*, 1896, № 3, стр. 450).

135) Здѣсь, вѣроятно, И. И. Дмитріевъ указываетъ на статью Н. А. Полевого: „Древнѣйшая великокняжеская гробница въ Кремлѣ Московскомъ“, которая посвящена Его Превосходительству Алексѣю Ѳедоровичу Мамниновскому, глубокоуважаемому сочинителю Археографу Русскому (*Московскій Телеграфъ*, 1833. № IX, стр. 3—33).

136) Въ концѣ мая 1833 года Гречъ, въ первый разъ въ жизни, посѣтилъ Москву. Свою поѣздку туда онъ описалъ въ рядѣ писемъ, напечатанныхъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1833 года (№№ 124, 142, 177); но въ нихъ мы не нашли о посѣщеніи Гречемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, въ соупутствіи нѣкоего Кузена. Во время пребыванія Греча въ Москвѣ въ *Сѣверной Пчелѣ* появилась слѣдующая корреспонденція изъ Москвы: „Всѣ здѣшніе литераторы обрадованы приѣздомъ сюда небывалаго у насъ гостя, Н. И. Греча: всѣ, по возможности, его принимаютъ, приголубиваютъ, угощаютъ. Вчера давалъ ему обѣдъ здѣшній книгопродавецъ А. С. Ширяевъ, пригласивъ къ оному многихъ ученыхъ и писателей, между прочими гг. профессоровъ: Каченовскаго, Цвѣтаева, Перевощикова, Давыдова, Побѣдоносцева, Снѣгирева, доктора Кильдюшевскаго, директора Практической Академіи Шредера, П. А. Курбатова, князя П. И. Шаликова, Н. А. Полевого, С. А. Селивановскаго, Семена и др. Искренняя пріязнь, непринужденная веселость и русское радушіе предсѣдали въ семь обѣдъ, который въ отношеніи гастрономическомъ долженъ былъ оправдать и оправдалъ предъ гостемъ нашимъ славу московскаго хлѣбосольтва. При возглашеніи здравія Гречу прочтены были стихи, на сей случай сочиненные, между которыми обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе:

Русскимъ сердцемъ и душою,
Чистымъ русскимъ языкомъ,
Ты давно въ роднѣ съ Москвою!

.

...Ты живешь отъ насъ далече,
Но мы сердцемъ близъ тебя!..
И Святую Русь люби—
Русака мы любимъ въ Гречѣ!“

(*Сѣверная Пчела*, 1833. № 129).

До отъѣзда И. И. Дмитріева въ Петербургъ, 15-го іюня 1833 года, у него обѣдалъ, приѣхавшій оттуда, Гречъ, и „во весь обѣдъ“, пишетъ князь Вяземскій, „разсказывалъ анекдоты о Булгаринѣ и не весьма выгодно для чести его, и послѣ каждаго: *да не подумайте*, что онъ подлець, совсѣмъ нѣтъ, а уродъ, сумасбродъ, да не подумайте, что онъ злой человѣкъ, напротивъ предобрая душа, а уродъ“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1884. IX, 163).

137) 29-го апрѣля 1830 года попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ вельможа московскій князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Новый попечитель, кажется, не особенно сближался съ университетскою ученою братією и держалъ себя отъ нея въ почтительномъ отдаленіи. По крайней мѣрѣ князя П. А. Вяземскаго очень

удивило, что на данномъ княземъ Голицыномъ балѣ не было ни одного члена университета, и по этому поводу князь Вяземскій замѣтилъ: „Наши вельможи думаютъ, что ученость нельзя пускать въ гостиную“. По поводу назначенія князя Голицына Снегиревъ писалъ: „Недавно университетъ получилъ себѣ главу. Онъ богатъ, благочестивъ и патриотъ, и въ большомъ свѣтѣ живетъ уединенно. Нашъ университетъ имѣетъ нужду въ защитникѣ и покровителѣ, ибо противъ него перѣлки встаютъ тѣ, которые всѣмъ ему были обязаны“ (*Жизнь и Труды М. П. Полюдина*. С.-Пб. 1890. III, 8).

138) 1-го октября 1833 года, изъ С. Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Я ѣздилъ если не совсѣмъ въ чужіе края, какъ извѣстила о томъ московская молва, но по вашимъ слѣдамъ ѣздилъ въ русскіе чужіе края, то-есть, въ Дерптъ, гдѣ около двухъ недѣль погостилъ у Карамзиныхъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 633).

139) Баронъ Люцероде былъ саксонскимъ посланникомъ въ Петербургъ. Онъ еще и прежде выучился довольно хорошо по русски и во все пребываніе въ Россіи продолжалъ заниматься русскимъ языкомъ и русскою литературою. Между прочимъ перевелъ онъ на нѣмецкій языкъ одно изъ стихотвореній Кольцова; 1-го октября 1833 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Собесѣдникъ вашъ баронъ Люцероде нахвалялся Москвою и благосклоннымъ приемомъ вашимъ. Вообще онъ очень доволенъ путешествіемъ своимъ по Россіи и смотрѣлъ на нее глазами доброжелательнаго и образованнаго иностранца, что встрѣчается весьма рѣдко въ отношеніи къ намъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 634). См. примѣчаніе 133-е.

140) Село *Братцево* находится въ Московскомъ уѣздѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Прѣсенской заставы. Нѣкогда село Братцево принадлежало Корсакову, а въ настоящее время принадлежитъ княгинѣ Софіи Александровнѣ Щербатовой (рожденной графини Апраксиной).

141) Но *Московскому Телеграфу* не удалось исполнить свою угрозу. 18-го апрѣля 1834 года князь П. А. Вяземскій писалъ Дмитріеву: „А что говорятъ въ Москвѣ о паденіи *Телеграфа*?.. Признаюсь, существованіе *Телеграфа* въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, могло быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибѣгнуть къ усиленной мѣрѣ запрещенія, когда давно должны были дѣйствовать законныя мѣры воздержанія. *Телеграфъ*, удержанный въ границахъ цензуры, а не пользующійся, не въ примѣръ другимъ, правомъ какой-то лиценціи, упалъ бы самъ собою, особливо же при появленіи *Библиотеки*, которая вообще удовлетворяетъ потребностямъ нашей провинціальной и журналолюбивой публики... Запрещеніемъ *Телеграфа* въ глазахъ многихъ дѣлается

жертвою, и во всякомъ случаѣ заплатившіе подписчики его становятся жертвами“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 638—639).

142) 6-го декабря 1833 года высочайшимъ указомъ князь П. А. Вяземскій произведенъ въ статскіе совѣтники и утвержденъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли.

143) 23-го декабря 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Въ числѣ литературныхъ явленій намъ обѣщаютъ и привидѣніе: покойная *Бесѣда*, вызвана изъ гроба Шишковымъ и Оедоровымъ и уже вербуетъ народъ подъ свой саванъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 635).

144) Подъ *новымъ остроумцемъ*, по всѣмъ вѣроятіямъ, разумѣется баронъ Брамбеусъ, о которомъ 23-го декабря 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Путешествіе барона Брамбеуса раскупается и перевозится на-расхватъ. Не смотря на всю эту славу, я, признаюсь, могъ съ трудомъ дочитать десятокъ страницъ его. Шутки натянута, холодны, тяжеловѣсны. Сатира не въ цѣль, одни холостые заряды...“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 635—636).

145) 14-го августа 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Самое заглавіе—нелѣпость. *Библиотека для чтенія!* Да для чего же и можетъ служить Библиотека? Московскій Нащовинъ говоритъ: „послѣ того можно сказать: карета для ѣзды“. Что за глупость: *рѣзкость сужденій*, къ коимъ прибѣгали журналисты, какъ къ *самому крайнему средству*. Не въ рѣзкости сужденій бѣда, а въ неприличности, въ пристрастіи, въ наглости, въ невѣжествѣ, въ плоскости, въ подлости оныхъ. Рѣзкое сужденіе, но добросовѣстное и на благонамѣренномъ понятіи основанное, не пятно журналу, а напротивъ, заманка и подстреканіе для читателя. Тупыя, пошлыя безцвѣтныя сужденія—вотъ что моритъ читателя и журналъ. *По важности содержанія и благородному тону* не будетъ уступать лучшимъ иностраннымъ журналамъ сего рода! Точно харчевникъ, который, открывая харчевню свою, увѣряетъ почтеннѣйшую публику, что она не уступитъ лучшимъ рестораціямъ. Что значить журналъ, который заранѣе объявляетъ, что не будетъ входить въ споры ни съ какими журналами и не отвѣчаетъ ни на какія критики! Да стало быть онъ не журналъ! Журналъ—дѣйствующее лицо; онъ долженъ быть на площади, въ толпѣ, въ тѣсотѣ народной, отвѣчать направо и налево, задирать разговоры, пренія, быть всегда на ногахъ, въ движеніи, до поту лица своего. А что за журналъ, то-есть, трибунъ литературный, который объявляетъ: „не говорите со мною, потому что я никому отвѣчать не буду“.—Такъ спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся.—Дѣло не связываться съ негодяями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвѣчаешь ни на какія критики, глупо и неловко, потому что солжешь:

будешь отвѣчать, покрѣпишься - покрѣпишься да и сорвешься. Если судить по вывѣскѣ, такъ немного добра ожидать отъ новаго журнала“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 632).

146) Въ 1-мъ номерѣ *Библиотеки для чтенія* была напечатана статья Сенковскаго подъ заглавіемъ: „Скандинавскія саги въ отношеніи къ русской исторіи“.

147) Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось слѣдующее *Библиографическое извѣстіе*: „Наконецъ и въ Москвѣ получены и прочитаны первый номеръ журнала, издаваемого А. Ф. Смирдинымъ: *Библиотека для чтенія!* Кто не порадуется этому и съ патриотическою гордостью не скажетъ: И мы не отстаемъ на поприщѣ просвѣщенія отъ иноземцевъ! И у насъ есть свой журналъ, своя словесность!—Не касаясь другихъ русскихъ періодическихъ изданій, болѣе или менѣе, прямо или косвенно, смотря по своимъ силамъ и понятіямъ наблюдающихъ движеніе современнаго европейскаго просвѣщенія, перелистуемъ январскую книгу *Библиотеки*: Державинъ, Сенковскій, Пушкинъ, Жуковскій, баронъ Брамбеусъ, Гречъ, Козловъ, Полевой, Булгаринъ, Погодинъ, баронъ Розенъ, Скобелевъ, Максимовичъ, Яценковъ—съ своими оригинальными статьями въ отдѣленіяхъ русской словесности, наукъ, промышленности и сельскаго хозяйства, статьями, достойными соперничества съ ученымъ свѣтомъ.—Далѣе: иностранная словесность, художества, критика, литературная лѣтопись и смѣсь—сколько разнообразія, ума, учености и пользы для всѣхъ классовъ и состояній и все это въ *одной книгѣ* (въ 550 страницъ чистой, изящной печати), а ихъ должно быть *двенадцать*, въ составленіи коихъ, подъ редакціею гг. Греча и Сенковскаго, участвуютъ почти *всѣ* извѣстные своими дарованіями и произведеніями въ стихахъ и прозѣ русскіе писатели! Помоги, Боже, совершиться великому и славному предпріятію!.. Прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ и пользою всѣ статьи первой книги журнала *Библиотека*, мы невольно однакожь, и болѣе другихъ, останавливались въ особенности надъ четырьмя статьями: 1) *О. И. Сенковскаго*: „Скандинавскія саги въ отношеніи къ русской исторіи: сія статья величайшей важности и учености и по своей новосте и оригинальности взгляда *должна* сдѣлать весьма значительный переворотъ въ событіяхъ русской исторіи и дать новое направленіе критикѣ исторической (какъ жаль, что, не разработавъ предварительно и критически *всѣ* извѣстные матеріалы, у насъ принимаются *вновь* за составленіе *русскихъ исторій!*); но кто и когда ее оцѣнитъ; кто у насъ Аристархи; гдѣ и кто наши строгіе цѣнители и судьи? Удѣлъ подобныхъ статей одинаковъ: *сужденіе предоставитъ потомству*, или *иностранцамъ*. А современники? а русскіе? *Одни* отдыхаютъ послѣ небывалыхъ трудовъ, или чинятъ перья и *готовятся* писать; *другіе* занялись бы дѣльнымъ и полезнымъ, но всепожирающее время и занятія

другого рода, а иногда и лѣнь, поглощаютъ всѣ добрыя предпріятія и оставляютъ на *одномъ началѣ*, какъ бы не зная, что конецъ вѣнчаетъ дѣло; *третьи*, за преклонностью лѣтъ или слабостью здоровья, или, наконецъ, боясь мнимой укоризны современниковъ, не хотятъ, или не имѣютъ досуга приняться за трудъ и въ разборѣ чужого труда изложить откровенно свое мнѣніе; *четвертые*, наконецъ, поступаютъ слишкомъ осторожно (но едва ли благоразумно: ибо отъ столкновенія разныхъ мнѣній высѣкается истина), слѣдуя *похвальному* правоченію Молчалина: „Въ мои лѣта не должно смѣть—свое сужденіе имѣть.“ И развѣ мы не видали множества примѣровъ, какъ принимаются и оцѣниваются у насъ, въ Россіи, многія умныя, ученныя и полезныя книги, стоившія авторамъ великихъ трудовъ и пожертвованій, и даже сократившія жизнь? Какъ, напримѣръ, приняли и оцѣнили историко-критическія изысканія г. Венелина: „О болгаряхъ въ отношеніи ихъ къ россиянамъ“? Иные втихомолку посмѣялись; другіе побранили, поострились; третьи бросили какъ бы невзначай, украдкою и боязливо, нѣсколько похвальныхъ словъ и — замолчали; преступное молчаніе! И вотъ прошло *пять* лѣтъ; ожидали мнѣнія и рѣшенія Эверса—онъ умеръ—и книга *почти* забыта: ни худа, ни добра!.. Чтѣ ежели бы ожилъ нынѣ бессмертный Карамзинъ?.. Но мы не встали увлеклись въ горячности литературнаго патриотизма... Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидая въ слѣдующей книгѣ журнала обѣщанной Эймундовой саги, *долженствующей* озарить новымъ, прекраснымъ свѣтомъ сбивчивый XI вѣкъ русской исторіи, и въ особенности вѣяженіе Ярослава Владиміровича, мы продолжимъ теперь сію статью объ исторіи отечественной, какъ любимой нами наукѣ и нынѣ *современной* по направленію исторической критики. За взглядомъ на Скандинавскія саги слѣдуютъ: 2) „Взглядъ на исторію Россіи, отъ кончины Іоанна Калиты до кончины Іоанна III“ (1341—1505 г.)—статья *Н. А. Полеваго*; 3) „Историческіе афоризмы“ *М. П. Погодина*: мысли о первоначальномъ, повсемѣстномъ введеніи христіанской вѣры чрезъ женщинъ и о принятіи реформации разными племенами. Мысли авторовъ въ обѣихъ статьяхъ изложены вездѣ рѣзко, смѣло, новы и отчетливы; и 4) минуя въ семь извѣстій богатство отдѣленій словесности русской и иностранной и прочихъ частей журнала, съ ихъ весьма замѣчательными и любопытными статьями, мы остановимся на оригинально-изящной повѣсти барона *Брамбеуса*: „Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ“, повѣсти, чрезвычайно заманчиво, съ острою ума и глубокимъ познаніемъ свѣта и сердца человѣческаго рассказанной. — Впрочемъ, разбирать и оцѣнивать всѣ статьи первой книги *Библиотеки для чтенія* и извлекать все хорошее, дѣльное, умное, значило бы распространить *краткое* „Библиографическое извѣстіе“ на нѣсколько нумеровъ сихъ *Вѣдомостей*, и

главное, имѣть столько же свѣдѣній и познаній въ наукахъ, словесности и художествахъ, сколько аббатъ Меццофанти въ лингвистикѣ. Хвала и честь А. Ф. Смирдину, воскресившему въ нашъ вѣкъ времена умнаго и трудолюбиваго Новикова! Онъ первый, послѣ Новикова и „Исторіи“ Карамзина, принялся за сооруженіе памятника нашей словесности, достойнаго русскихъ и могущаго показать и намъ, и всему міру наше богатство, нашу славу—въ литературѣ! Но исполнится ли его великое и смѣлое предпріятіе? Ежели пріятное и доброе *начало* не обманываетъ нашего предчувствія, то мы смѣло ожидаемъ и хорошихъ послѣдствій, и окончанія. Но какъ *приметь* это публика: поддержитъ ли она это предпріятіе подпискою на сей журналъ? И дастъ ли ему ходъ и успѣхъ—полный и блистательный? Разбудятъ ли наконецъ русскіе писатели публику звуками роднаго, гармоническаго, отечественнаго языка, или они пронесутся мимо, какъ по пустынь Аравійской? Узнаемъ скоро. Помоги, Боже! Заключимъ сіе извѣстіе искреннимъ, пламеннымъ желаніемъ: да поддержитъ отечественная публика наша своимъ *ободреніемъ* общепользное, истинно-патріотическое предпріятіе г. Смирдина, и да не ослабѣетъ благородная ревность отечественныхъ литераторовъ и ученыхъ къ трудамъ на пользу, честь и славу нашего отечества!“

Ив. Дм.

По поводу порученія, возложеннаго И. И. Дмитріевымъ на князя П. А. Вяземскаго, послѣдній 18-го апрѣля 1834 г. писалъ: „Мнѣ должно вамъ теперь дать отчетъ въ неисполненіи одного порученія вашего по поводу статейки, напечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о первой книгѣ *Библиотеки*. По совѣщаніи съ Жуковскимъ признали мы благоразумнѣе не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, за неимѣніемъ благонадежнаго мѣста, куда послать апелляцію. Добросовѣстность редакціи *Инвалида* также нѣсколько на инвалидномъ положеніи, крива и хрома. На нее опереться нельзя: какъ разъ выдастъ. Съ нею никакого дѣла имѣть нельзя, ни важнаго, ни бездѣльнаго. *Съверная Пчела* изъ одного пчельника съ *Библиотексю*. Ея устами медъ пить, того и смотри, что поперхнешься. Между тѣмъ я, по приказанію вашему, говорилъ С. С. Уварову о лжеподписи краснорѣчиваго панегириста. Точно грустно, что нѣтъ у насъ ни одного добросовѣстнаго журнала, куда можно было бы передать безпристрастное и честное слово“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 637—638).

148) 9-го января 1834 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Я забылъ поздравить ваше высокопревосходительство, какъ оберъ-камергера нашихъ поэтовъ при лучезарнѣйшемъ дворѣ Феба, съ новымъ камеръ-юнкеромъ, поэтомъ Александромъ Пушкинымъ. Что скажетъ о томъ Полевой?“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 637). Съ своей стороны, С. Н. Карамзина писала И. И. Дмитріеву: „Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкер-

ствомъ, но теперь успокоился, ѣздить по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ женщинъ не перестаетъ кружить поэтическую голову ея мужа“ (*Письма Н. М. Карамзина*, стр. 439).

149) В. Л. Пушкинъ скончался въ Москвѣ 20-го августа 1830 года. 18-го апрѣля 1834 года князь Вяземскій писалъ, изъ Петербурга, Дмитріеву: „Что за новое изданіе стихотвореній покойнаго Василя Львовича, предпринимаемое въ Москвѣ и на которое графъ Хвостовъ собираетъ подписку въ Англійскомъ клубѣ? Кто издатель?“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 639). „Записки въ стихахъ Василя Львовича Пушкина“ были изданы въ Москвѣ въ 1834 году; въ предисловіи къ этому изданію князь П. И. Шаликовъ писалъ: „В. Л. Пушкинъ приобрѣлъ извѣстность поэта, любовь читателей, ласки свѣта и дружбу короткихъ знакомцевъ: вотъ мысли, побудившія меня издать сіи *Записки*, неважныя по своему содержанію, относящіяся единственно ко мнѣ, но пріятныя для воспоминаній о человѣкѣ, который своимъ житейскимъ простосердечіемъ уподоблялся *Лафонтену* болѣе, нежели кто-либо изъ нашихъ баснописцевъ. Какъ же не желать, чтобъ *сохранилось* все, что ни относится къ дарованію и характеру автора? Не скрываю и собственныхъ чувствъ: для меня *лестны* его записки, имѣющія въ глазахъ моихъ еще и ту цѣну, что онѣ—какъ знаю очень хорошо—суть *экспромты*; къ нимъ присовокупляю и нѣкоторые изъ отвѣтовъ своихъ“.

150) „Васильи Косме или оптическое путешествіе по столамъ приказныхъ. Сочиненіе *Александра Орлова*. М. 1834“.

151) Послѣ этого посѣщенія И. И. Дмитріева графъ Д. И. Хвостовъ прожилъ еще нѣкоторое время и скончался 22-го октября того же 1835 года.

152) 8-го сентября 1835 года скончался въ Москвѣ двоюродный братъ Дмитріева, Иванъ Петровичъ Бекетовъ, родившійся въ 1766 году. Тетка его, Екатерина Аванасьевна, была замужемъ за Иваномъ Гавриловичемъ Дмитріевымъ, отцомъ писателя (*Князь Лобановъ-Ростовскій. Русская Родословная Книга*. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1895. I, 40). 26-го сентября 1835 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Намъ очень прискорбно было узнать, что Москва готовила вамъ такую печальную встрѣчу. Ваше московское одиночество еще стало тѣснѣе. Право, назначьте Москву подмосковною своею и живите тамъ лѣто, а остальное время года съ нами, или по крайней мѣрѣ выберите Петербургъ своимъ увеселительнымъ домомъ и пріѣзжайте къ намъ ежегодно мѣсяца на два или на три“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 640).

153) Въ 1835 году князь П. А. Вяземскій имѣлъ несчастіе похо-

ронить свою дочь княжну Надежду Петровну, а 26-го сентября того же года онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Друзьямъ вашимъ было такъ отрадно послѣ разлуки съ вами найти въ васъ въ неизмѣнной полнотѣ все, чѣмъ они всегда такъ въ васъ дорожили. Мы истинно отдохнули и помолодѣли съ вами. Я же наиболѣе душевно вамъ благодаренъ. Въ тяжелой скорби моей, охолодѣвшій совершенно ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, я снова находилъ уже забытую сердцемъ отраду въ тихомъ и пріятномъ развлеченіи живительной и занимательной бесѣды. Отъѣздъ вашъ оставилъ незамѣстимое мѣсто въ семейномъ кругу нашемъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 639).

154) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, въ послѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ женатъ на внучкѣ Карамзина, Софьѣ Сергѣевнѣ Кушниковой.

155) Фердинандъ - Фридрихъ Рейссъ родился въ Тюбингенѣ 6-го февраля 1778 года. Предокъ его Вольфангъ Рейссъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство, въ 1531 году, императоромъ Карломъ V. Отецъ Фердинанда, Христіанъ Рейссъ, бывшій профессоромъ медицины въ Тюбингенѣ, по свидѣтельству профессора Геймана, и у насъ въ Россіи приобрѣлъ извѣстность однимъ изъ своихъ сочиненій: „Dispensatorium“, которымъ русскіе фармацевты долго руководствовались при составленіи лекарствъ и фармацевтическихъ препаратовъ. Подъ руководствомъ отца Фердинандъ Рейссъ приобрѣлъ первое образованіе въ домѣ родительскомъ; оставаясь дома до 1800 года, онъ получилъ въ это время въ Тюбингенскомъ университетѣ степень лиценціата медицины. Въ 1800 году онъ отправился къ родному своему дядѣ, профессору и оберъ-библіотекарю Л. Д. Рейссу, въ Геттингенѣ, гдѣ и получилъ, въ 1801 году, степень доктора медицины и хирургіи. Въ 1803 году Московскій университетъ пригласилъ его занять каеедру химіи съ званіемъ экстраординарнаго профессора. Въ дѣятельности Рейсса, какъ профессора, свидѣтельствуеъ Гейманъ, „обнаружилась глубокая многосторонняя ученость и строго-логическая система“. Въмѣстѣ съ тѣмъ Рейссъ былъ отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ. Въ 1818 году онъ произнесъ рѣчь: „О достоинствѣ древнихъ и о пользѣ изученія древнихъ языковъ, особенно латинскаго“. Кромѣ профессорскихъ трудовъ, Рейссъ былъ занятъ, въ теченіе нѣкотораго времени управленіемъ одной изъ старѣйшихъ московскихъ аптекъ, Покровской. По оставленіи управленія аптекою, въ 1822 году, Рейссъ принялъ званіе университетскаго бібліотекаря. Въ моей бібліотекѣ имѣется рѣдкая нынѣ книга, подъ заглавіемъ: „Расположеніе бібліотеки Императорскаго Московскаго университета“ (*Ordo Bibliothecae Universitatis Caesariae Mosquensis*), сдѣланное бібліотекаремъ *Фердинандомъ-Фридрихомъ Рейссомъ*. Москва. Въ Университетской типографіи. 1826. Въ 1832 году Рейссъ вышелъ въ

отставку, а съ 1833 года состоялъ ассистентомъ евангелической конси-сторіи; въ 1839 году переселился въ Штутгартъ, гдѣ и скончался 2-го апрѣля 1852 года (Биографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета. М. 1855. II, 329 — 340). 26-го сентября 1835 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Я передалъ Д. Н. Блудову и поклонъ вашъ, и порученіе, присоединивъ къ оному и мою покорнѣйшую просьбу, изъ благодарности къ бывшему попечителю, у котораго провелъ я нѣкоторое время въ домѣ при Московскомъ университетѣ. Дмитрій Николаевичъ сказалъ мнѣ, что онъ готовъ дѣлать все возможное, сколько изъ желанія исполнить волю вашу, столько же изъ уваженія къ профессору Рейссу, котораго онъ лично знаетъ“. По поводу житія князя Вяземскаго у профессора Рейсса Д. В. Давыдовъ говорилъ первому: „Я не зналъ, что отецъ твой готовилъ тебя въ аптекари“ (*Рускій Архивъ*, 1868, стр. 640).

156) По всѣмъ вѣроятіямъ, генераль-маіоръ Дмитрій Васильевичъ Чертковъ. Онъ родился 18-го апрѣля 1763 года, былъ женатъ во второмъ бракѣ на Любови Петровнѣ Козляниновой и скончался 7-го августа 1835 года. (Князь *Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. 1895. II, 363).

157) Паденіе, въ 1834 году, *Московского Телеграфа* и возникновеніе и процвѣтаніе, въ союзѣ съ *Сѣвѣрною Пчелою*, *Библіотеки для чтенія* возбудили въ Погодинѣ и его друзьяхъ мысль основать въ Москвѣ новый журналъ. Главными двигателями этого предпріятія были Мельгуновъ и Андросовъ. Объ этомъ предпріятіи Погодинъ счелъ долгомъ увѣдомить своего друга М. А. Максимовича. „Въ Москвѣ“, писалъ онъ,—„затѣялся журналъ, по мысли князя Д. В. Голицына, который хочетъ, чтобы Москва учила вкусу и литературѣ и т. п. Собра-лось денегъ тысячъ двадцать. Редакторъ Андросовъ, сотрудники: Го-голь, Кирѣевскій, Хомяковъ, Языковъ, Шевыревъ и т. п.“ Въ день именинъ Погодина, 8-го ноября 1834 года, Шевыревъ и С. Т. Аксаковъ завтракали у именинника и толковали о журналѣ. Въ концѣ 1834 года Андросовъ, состоявшій при Московскомъ генераль-губернаторѣ, князѣ Д. В. Голицынѣ, подалъ прошеніе о дозволеніи ему съ 1835 года изда-вать журналъ подъ названіемъ *Московскій Наблюдатель*. Цензурное начальство, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ, издаваемый Надеждинымъ *Телескопъ*, чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣ-которымъ противодѣйствіемъ петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однѣхъ рукахъ, то-есть, Греча, Булгарина и Сенковскаго, и въ уваженіе „засвидѣтельствovanja Московскаго генераль-губернатора, что Андросовъ сколько по благороднымъ своимъ качествамъ и отличной нравственности, столько же по трудолюбію и познаніямъ, совершенно

способенъ въ выполненію предпринимаемаго имъ изданія журнала“— нашло возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова, и 9-го декабря 1834 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на изданіе журнала. Кромѣ Андросова, въ изданіи *Московского Наблюдателя* приняли участіе: Баратынскій, Гоголь, М. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, Мельгуновъ, князь Одоевскій, Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* Шевыревъ вступилъ въ отчаянную борьбу съ противнымъ лагеремъ. Критическія его статьи возбуждали сочувствіе Пушкина, князя Вяземскаго и ненависть начинавшаго уже входить въ силу Бѣлинскаго, которому писалъ Н. В. Станкевичъ: „Братъ писалъ мнѣ, что ты послѣднею статьею рѣшительно убилъ Шевырева... Въ часъ добрый! Но вспомни, что Погодинъ всѣхъ насъ называетъ *рецензентами* и ждетъ, чтобы мы сами что-нибудь сдѣлали. Начинай же что-нибудь дѣлать“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 228—232, 352—353).

158) Виссаріонъ Григорьевичъ *Бѣлинскій* принадлежалъ къ кружку Станкевича. Фамилія его происходитъ отъ села Бѣлныи, въ Нижнеоломовскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Дѣдъ нашего критика, о. Никифоръ былъ священникомъ въ этомъ селѣ. Въ преданіяхъ семьи осталась почтительная память объ его благочестивой жизни. Отецъ Бѣлинскаго, состоя лѣкаремъ флотскаго экипажа, былъ женатъ на дочери флотскаго офицера. Во время нахождения ихъ въ Свеаборгѣ у нихъ, въ февралѣ 1810 года, родился сынъ Виссаріонъ (*Пѣтинь*. Бѣлинскій его жизнь и переписка. С.-Пб. 1876 I, 6—7). Благодушный и безпристрастный князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ: „Бѣлинскій былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій... Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга, Гегеля, сопряженіе вполне органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ: онъ не зналъ по нѣмецки, весьма плохо понималъ по французски... Нѣкоторые изъ положенія перешли къ нему по наслышкѣ... Всякій разъ, когда мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ, это было рѣдко, мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ развивалъ цѣлый органической философскій міръ *sui generis*. Въ Бѣлинскомъ совершился своеобразно тотъ переходъ, который въ философскомъ мірѣ совершился появленіемъ Гегеля послѣ Шеллинга. Напрасно противники Бѣлинскаго укоряютъ его въ томъ, что онъ не понималъ Гегеля. Нѣтъ! Онъ его вовсе не зналъ, но сблизился съ нимъ точно также, какъ математикъ, не зная работы другого математика, сблизается съ нимъ въ выводахъ единственно развитіемъ данной теоремы. Дѣло не въ томъ, хороши ли эти всѣ теоріи, но въ томъ, что развиты въ себѣ самомъ цѣлый рядъ философскихъ теорій, развившихся въ философской атмосферѣ міра, не далось бы дюжинному человѣку“. Но эта *высшая философская организація* была исключена изъ

Московского университета *за малыя способности*, какъ сказано въ опредѣленіи университетскаго совѣта. Если вѣрить Ксенофону Полевому, Бѣлинскій былъ нѣсколько времени гувернеромъ въ пансіонѣ Погодина, который могъ его познакомиться съ Надеждинымъ. Какъ журналистъ, Надеждинъ воспользовался дарованіями Бѣлинскаго, и послѣдній вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими „Литературными мечтаніями“, напечатанными въ *Молоть*. Свободными отношеніями къ авторитетамъ Бѣлинскій вызвалъ къ себѣ сочувствіе Каченовскаго, а Гречъ, прочитавъ эти „Мечтанія“, отозвался объ авторѣ ихъ: „Умный человекъ, но горькій пьяница, и пишетъ свои статьи, не выходя изъ запоя“. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ (Михайлова Гора, 11-го мая 1870 года), поминая старину, писалъ: „Помню я, въ университетской квартирѣ Надеждина сидитъ бывало пишущій вострапанный юноша за письменнымъ столомъ, на которомъ лежалъ французскій лексиконъ, и съ его помощью переводитъ статьи разныя для *Телескопа*. Что это за фигура? спрашивалъ я. Это исключенный изъ университета студентъ Бѣлинскій“. Но къ этому *исключенному студенту* Надеждинъ имѣлъ такое довѣріе, что когда въ 1835 году уѣхалъ за границу, передалъ ему во время своего отсутствія изданіе *Телескопа*. „А мы“, писалъ Н. В. Станкевичъ,—„понемногу всё станемъ ему помогать. За это берутся и еще нѣкоторыя особы“. Въ то время къ кружку Станкевича, а особенно къ Бѣлинскому, Погодинъ относился очень дружелюбно. „Былъ у меня Бѣлинскій“, пишетъ онъ,—„малый съ чувствомъ, какіе попадаются рѣдко. Обращалъ его къ умѣренности“. У Бѣлинскаго Погодинъ встрѣчался со Станкевичемъ, Бодянскимъ и др. Онъ любилъ „толковать съ ними о литературѣ“. А между тѣмъ въ это же время Бѣлинскій написалъ рѣзкую статью о трудѣ Погодина „Начертаніе Русской Исторіи“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 304—306).

159) Преемникомъ скончавшагося Мерзлякова въ Московскомъ университетѣ Погодинъ желалъ видѣть Степана Петровича Шевырева; того же желали Жуковскій и Пушкинъ, а послѣдній даже писалъ Плетневу: „Куда бы не худо посадить Шевырева на опустѣвшую кафедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, то-есть, надъ предрассудками и вандализмомъ“. Шевыревъ въ это время пребывалъ въ Италіи и оттуда, въ 1831 году, прислалъ Погодину свое разсужденіе „О возможности ввести италіанскую октаву въ русское стихосложеніе“, съ образчикомъ перевода седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“. По поводу этой присылки Погодинъ писалъ автору разсужденія: „Я не рѣшилъ еще, печатать ли твое разсужденіе, или прямо подать въ совѣтъ университетскій. На безпристрастность и благонамѣренность совѣта я не надѣюсь: Каченовскій, пользующійся выгодами литературной кафедры,

упрется руками и ногами на несоотвѣтствіе программѣ. Съ другой же стороны, Надеждинъ... и старый твой пріятель Снегиревъ тебѣ будутъ рады, но главные защитники въ Петербургѣ—Блудовъ, Жуковскій и Дашковъ. Пушкинъ ѣдетъ туда, облеченный во всеоружіе брани за тебя. Совѣсть и любовь къ университету говорятъ мнѣ, что это мѣсто долженъ занимать ты“. Но, призывая Шевырева на кафедру, Погодинъ самъ находилъ, что въ разсужденіи его объ *Октавахъ* „вольность искусственная, вотъ главный недостатокъ“, и въ то же время писалъ ему: „Больше смѣлости.. Твои *Октавы* будутъ тогда великое, полное завоеваніе, а теперь только счастливые набѣги, опыты силы и смѣлости, частныя побѣды. Разсужденіе твое вырвалъ у меня изъ рукъ Кубаревъ и только вчера возвратилъ, сказавъ мнѣ, что онъ почерпнулъ изъ него много поучительнаго и важнаго для своихъ изслѣдованій. Пушкинъ очень доволенъ, но, рѣшительно не любя Тасса, умоляетъ тебя приняться за Данта“. Предупреждая своихъ критиковъ, Шевыревъ писалъ Веневитинову: „У меня написалась эпиграмма на самого себя... Я послалъ ее къ Погодину, чтобъ онъ напечаталъ въ *Телеграфѣ*, но онъ такой лѣнтяй. Подошли ее пожалуйста къ Полевому или Булгарину...“

Эпиграмма — Октава.

Риемачь, стихомъ россійскимъ недовольный,
Затѣялъ въ немъ лихой переворотъ:
Сталъ стихъ ломать онъ въ дерзости крамольной,
Всѣмъ риемамъ далъ безчиннѣйшій разводъ,
Ямбъ и хорей пустилъ бродить по вольной.
И всѣхъ грѣховъ какой же вышелъ плодъ?
Дождь съ воплемъ, вѣтромъ, громомъ согласился,
И страшный міръ гармоній оглушился“.

(*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 304—306).

Въ словесномъ отдѣленіи Московскаго университета, 9-го ноября 1832 года, состоялось такое опредѣленіе членовъ онаго: „Приняли въ уваженіе, напечатанное въ *Телескопѣ*, разсужденіе Шевырева „О возможности ввести италіанскую октаву въ русское стихосложеніе“ и признали оное сочиненіемъ, доказывающимъ ученое знаніе италіанскаго и отечественнаго языковъ; но для точнаго выполненія 26 § Устава почитаютъ необходимо нужнымъ, чтобы Шевыревъ написалъ и представилъ диссертацию, имѣющую предметомъ основательное изслѣдованіе одного изъ ученыхъ предметовъ, коими онъ преимущественно занимался“ (Биографическій Словарь Московскаго Университета. М. 1855. II, 611). Когда состоялось это опредѣленіе, Шевыревъ уже возвратился изъ Италіи. Въ московскомъ обществѣ появленіе Шевырева произвело впечат-

лѣніе, и онъ безпрестанно получалъ приглашенія, Погодинъ не отставалъ отъ своего друга. Изъ Дневника перваго (подъ 2 сентября, 19, 23 и 30 октября 1832 года) узнаемъ: „Разъѣзжалъ съ Шевыревымъ...“ Подъ его „эгидою“ Погодинъ проникъ даже къ И. И. Дмитріеву и „былъ имъ принятъ очень ласково. Бесѣда шла объ Италиі. Вмѣстѣ обѣдали у Чертковыхъ, а вечеръ провели опять у И. И. Дмитріева“. „Я радъ“, пишетъ Погодинъ,— „что примирился съ нимъ передъ смертію“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 87—88). Надо замѣтить, что Погодину было отказано отъ дома у И. И. Дмитріева за критики Арцыбашева на „Исторію Государства Россійскаго“, которыя печатались въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, издававшемся двумя друзьями, Погодинымъ и Шевыревымъ. Этимъ обстоятельствомъ можно, конечно, объяснить нерасположеніе Дмитріева и къ Шевыреву. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1835 года Шевыревъ напечаталъ свой переводъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“ съ предисловіемъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Отрывки предлагаемаго перевода были помѣщены въ одномъ московскомъ журналѣ. Этотъ опытъ былъ исполненіемъ той теоріи русской октавы, которую изложилъ я въ особомъ разсужденіи. Едва ли какой-нибудь опытъ въ поэтическомъ мірѣ получаетъ успѣхъ, когда онъ является при своей теоріи. Но, кромѣ того, этотъ опытъ, перекроенный въ отрывки экономическимъ разчетомъ журнала, имѣлъ, можетъ быть, несчастіе явиться въ эпоху гармонической монотоніи, которая раздавалась тогда въ мірѣ нашей поэзіи и еще наполняла всѣ уши, начиная надобѣдать понемногу. Эти октавы, гдѣ нарушались всѣ условныя правила нашей просодіи, гдѣ объявлялся совершенный разводъ мужскимъ и женскимъ риомамъ, гдѣ хорей впутывался въ ямбъ, гдѣ двѣ гласныя принимались за одинъ слогъ,—эти октавы, пугающія всею рѣзкостью нововведеній, могли ли быть кстати въ то время, когда слухъ нашъ лелѣяла какаѣ-то нѣга однообразныхъ звуковъ, когда мысль спокойно дремала подъ эту мелодію и языкъ превращалъ слова въ одни звуки?..“ (*Московский Наблюдатель*, 1835 года, ч. III, 5—6). Князь П. А. Вяземскій заступился за Шевырева и писалъ И. И. Дмитріеву: „Я совершенно согласенъ съ вами въ отношеніи къ переводу Шевырева: въ языкѣ и стихахъ его часто встрѣчаются невѣрности, отзывающіяся Мерзликовымъ, который, по словамъ Жуковскаго, *побирался у сосѣдей*, когда настоящее слово, слово собственное, не ложилось подъ перо, или не могло уломаться въ стихъ. Жаль мнѣ, что Шевыревъ пустился на подобную проказу, потому что въ немъ есть умъ, знаніе, способность, и, держась дороги своей, могъ бы онъ идти хорошо и далеко. Онъ—не поэтъ, а литераторъ въ родѣ Баранта. Критическія статьи его всегда заслуживаютъ вниманія. Но журналистъ онъ тоже неудачный“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр 642).

160) Въ вознагражденіе усердной и полезной службы по управленію департаментомъ вѣшной торговли, во время болѣзни директора онаго, князю П. А. Вяземскому, 23-го ноября 1835 года, всемилостивѣйше повелѣно производить, вмѣсто аренды, не въ примѣръ дугимъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, по 1200 рублей.

161) Князь Петръ Ивановичъ Мещерскій, женившійся въ 1828 году на Екатеринѣ Николаевнѣ Карамзиной.

162) 25-го февраля 1836 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Нѣтъ ли также въ бумагахъ вашихъ извѣстнаго посланія А. С. Хвостова Фонъ-Визину, гдѣ онъ называетъ его *модскихъ умовъ безмѣнь* и пр.?" (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 643—644).

Александръ Семеновичъ Хвостовъ, бригадиръ и повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ при Екатеринѣ II, тайный совѣтникъ, управляющій Государственнымъ банкомъ для дворянства при Александрѣ I. Умеръ 67 лѣтъ отъ роду. Женатъ былъ на Екатеринѣ Яковлевнѣ Скоропадской (*Руммель*. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1887. II, 587). Въ литературѣ извѣстенъ онъ болѣе по преданію, какъ счастливый острословъ и тонкій эпикуреецъ, нежели по своимъ сочиненіямъ, изъ которыхъ только два до сихъ поръ обратили вниманіе потомства, именно: „Ода къ безсмертію“ (Хочу къ безсмертію пріютиться) и „Посланіе къ Фонъ-Визину“. А. С. Хвостовъ приходился двоюроднымъ братомъ графу Д. И. Хвостову (*Гротъ*. Сочиненія Державина. С.-Пб. 1866. III, 413).

163) 6-го января 1836 года скончался въ Москвѣ другой двоюродный братъ И. И. Дмитріева, Платонъ Петровичъ Бекетовъ. См. примѣчаніе 64-е. 25-го февраля того же 1836 г. князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Что сдѣлалось съ бумагами П. П. Бекетова? Въ нихъ должно быть много неизданныхъ рѣдкостей по части нашей литературы. Кому достались онѣ?" (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 643).

164) Здѣсь разумѣются „Бумаги Н. М. Карамзина для моихъ сыновей, когда они выростутъ: 1) Мнѣніе Русскаго Гражданина. 2) NB. Для Потомства. 3) Новое прибавленіе. 4) О манифестѣ 12 декабря 1825 года. 5) Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“.

165) 8-го іюня 1835 года Н. И. Надеждинъ, вмѣстѣ съ Д. М. Княжевичемъ, выѣхалъ изъ Москвы. Погодинъ его провожалъ и записалъ слѣдующее въ своемъ Дневникѣ: „Обѣдъ у Аксакова на провожанье Надеждина. Очень разстроены. Поѣхалъ провожать его. Мимо Сухово-Кобылиныхъ. Она, кажется, подъ окошкомъ. Онъ перекрестился и скинулъ шляпу предъ Страстнымъ монастыремъ“. Погодинъ проводилъ Надеждина до Черной Грязи, и дорогою послѣдній *разсказывалъ ему свою исторію*. Въ концѣ того же 1835 года Надеждинъ вернулся въ Москву изъ своего путешествія и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Послѣ

шестимѣсячнаго отсутствія, возвратясь изъ чужихъ краевъ, издатель *Телескопа* и *Молвы* считаетъ первѣйшею обязанностью испросить благосклоннаго извиненія у своихъ читателей за крайнее замедленіе въ выдачѣ книжекъ *Телескопа* и *Молвы* и перерывъ въ выходѣ листовъ *Молвы*, случившійся послѣ отъѣзда его за границу... Между тѣмъ, укрѣпясь въ здоровьѣ, освѣжаясь отдыхомъ и новыми могущественными впечатлѣніями во время путешествія по образованнѣйшимъ странамъ Европы, по Германіи, Франціи и Италіи,—онъ считаетъ долгомъ загладить прежнюю свою вину предъ читателями и заплатитъ за ихъ благосклонную къ себѣ снисходительность“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 311—312, 353—354).

166) Василій Степановичъ Межевичъ (1813—1849 гг.) произнесъ рѣчь въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ „О народности въ жизни и поэзіи“ (*Ученія Записки Императорскаго Московскаго Университета* 1836 г., янв., № VII, 94—146. VIII, 272—308). Въ 1833 году поступилъ въ Московскій дворянскій институтъ знаменитый археографъ Николай Васильевичъ Калачовъ, и здѣсь, подъ руководствомъ В. С. Межевича, съ особенною любовью занимался русскою словесностью. Погодинъ къ Межевичу не благоволилъ. Подъ 23-мъ января 1841 года Погодинъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Гадость во рту. 24-го—лучше, но слабѣ, и видно, что желчь дѣйствуетъ... Ставили пивки: пять *Межевичей*, пять *Бѣлинскихъ* и пять *Сенковскихъ*“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. V, 390; VI, 19).

167) Еще въ ноябрѣ 1827 года князь П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Радуюсь, что мой *Современникъ* пришелъ тебѣ на вкусъ. Кому же, какъ не тебѣ, быть главою такого предіриятія? По крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посовѣстятъ. Самъ Блудовъ скорѣе будетъ покровительствовать Булгарину, чѣмъ мнѣ, или журналу, выходящему подъ моимъ содѣйствіемъ, что между прочимъ уже и было. Другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь“. Въ послѣдній день 1835 года Пушкинъ обратился къ графу А. Х. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ему издавать *Современникъ*. „Отказавшись“, писалъ онъ,—„отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе *Современника* доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые“. Вскорѣ послѣ этого письма, а именно 14-го января 1836 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову: „Камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ просилъ разрѣшеніе издать въ нынѣшнемъ 1836 году четыре тома статей чисто литературныхъ, историческихъ, ученыхъ, также критическихъ. Его императорское величество на такую просьбу

г. Пушкина изволилъ изъяснить высочайшее свое соизволеніе“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 10. 1891. IV, 373—374).

Но не съ одною матеріальною цѣлью получать доходы предпринялъ Пушкинъ изданіе *Современника*. Была цѣль высшая. Какъ прежде *Литературною Газетою*, такъ теперь *Современникомъ* Пушкинъ и его друзья стремились противодѣйствовать вредному вліянію Греча, Булгарина, Сенковскаго и другихъ, которые издѣвались и закидывали грязью всѣ тѣ высшіе политическіе и нравственныя идеалы, которымъ поклонялись и служили Пушкинъ и его друзья (*Собраніе Сочиненій князя П. П. Вяземскаго* Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1893, стр. 535).

168) См. примѣчаніе 164-е.

169) Николай Петровичъ Николевъ родился въ 1758 году, воспитанъ былъ въ домѣ княгини Е. Р. Дашковой и служилъ въ гвардіи. На 27-мъ году, по слабости зрѣнія своего, вышелъ онъ въ отставку маіоромъ. Вскорѣ потомъ ослѣпъ онъ совершенно, и въ семь-то состояніи занятія литературою служили ему отрадою и утѣшеніемъ. Важнѣйшее его сочиненіе есть „Сорена“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, возбудившая (1781) вниманіе всей публики и благоволеніе Екатерины. Россійская Академія приняла Николева въ число своихъ членовъ. Онъ скончался въ январѣ 1816 года (*Гречъ*. Учебная книга російской словесности. С.-Пб. 1822. IV, 478—479).

170) Михаилъ Николаевичъ Макаровъ первоначальную извѣстность въ нашей литературѣ получилъ съ 1804 года изданіемъ вмѣстѣ съ студентомъ Славяно-греко-латинской академіи И. В. Смирновымъ *Журнала для милыхъ*. Въ первый разъ Макаровъ, встрѣтивъ Карамзина въ типографіи, тотчасъ поднесъ ему билетъ на *Журналъ для милыхъ*. Карамзинъ поблагодарилъ его и сказалъ: „Въ первый разъ еще вижу дѣтей журналистами“. Въ то время Макарову было однако 17 лѣтъ. *Съверный* же *Вѣстникъ* Мартынова поспѣшилъ дать совѣтъ, чтобы *милыхъ* и въ руки не брали этого журнала. Цѣль Макарова была не одно угожденіе милымъ, но „низпровергнуть варварскія укрѣпленія Шишкова противъ Карамзина“ (*М. Дмитриевъ*. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 78—79). Въ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ“ Воейкова значится: „Макаровъ, XIV класса, издатель *Журнала для милыхъ*; управляетъ департаментомъ шлифованія на московскихъ улицахъ камней“ (*Русская Старина*, 1874. IX, 614).

171) Въ 1836 году вышелъ первый томъ *Современника*, издаваемого Александромъ Пушкинымъ. Въ этомъ томѣ между прочимъ было напечатано: „Путешествіе въ Арзрумъ“, *А. Пушкина*; „Долина Ажитугай“, *султана Казы-Гирея*; „О движеніи журнальной литературы“, *Н. Гоголя*

и „Разборъ Парижскаго математическаго ежегодника“, князя *Козловскаго*

172) Сынъ премьеръ-маіора князя Бориса Петровича и княгини Анны Николаевны (рожд. Бологовской) князь Петръ Борисовичъ Козловскій († 1840) находится посланникомъ въ Туринѣ, потомъ въ Штутгардѣ, и весьма извѣстенъ былъ въ свое время замѣчательнымъ умомъ своимъ и обширными познаніями (Князь П. *Долорукъ*. Россійская Родословная Книга. С.-Пб. 1855. I, 202—204). Въ качествѣ русскаго посланника въ Туринѣ князь Козловскій былъ призванъ на Вѣнскій конгрессъ, чтобы содѣйствовать присоединенію Генуэзской области къ Пиемонту. Позднѣе провелъ онъ довольно много времени въ Англіи. Князь Варшавскій познакомился съ Козловскимъ во время путешествія по Европѣ великаго князя Михаила Павловича, при которомъ Паскевичъ находился. Паскевичъ полюбилъ его и при первомъ удобномъ случаѣ приблизилъ къ себѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ просиживалъ онъ съ нимъ ежедневно въ своемъ варшавскомъ кабинетѣ по нѣскольکو часовъ сряду далеко за полночь. Князь Козловскій долго не жилъ въ Россіи. Въ Петербургѣ новое поколѣніе и люди новаго порядка не знали его, столь извѣстнаго въ царствованіе императора Александра I. Старые люди успѣли забыть о немъ, или помнили только нѣкоторыя его странности, рѣзкія сужденія и острые слова. Онъ нашелъ въ Петербургѣ, кромѣ родственниковъ своихъ, нѣкоторыхъ вѣрныхъ пріятелей. Для него этой малой аудиторіи было недостаточно... Ему нужны были просторъ и многочисленные слушатели. „Онъ“, пишетъ князь Вяземскій, — „часто передавалъ мнѣ сѣтованія скорби своей. Наконецъ является онъ ко мнѣ однажды съ нѣскольکو просвѣтленнымъ лицомъ. Что же оказалось? Онъ почти торжественно объявляетъ мнѣ, что льдиная преграда пробита, и что, по приглашенію Шишкова, обѣдаетъ онъ у него сегодня. Свыкшійся съ европейскими понятіями, онъ думалъ, что членъ государственнаго совѣта, бывшій министръ просвѣщенія, президентъ Академіи долженъ занимать въ обществѣ и высокое, и передовое мѣсто. Смѣясь, вынужденъ былъ я разсѣять его оболстительное заблужденіе. Мой бѣдный Козловскій впалъ опять въ уныніе. Мнѣ стало жаль его, а дѣлать нечего. Къ удовольствію нашему“, продолжаетъ князь Вяземскій, — „мы находимъ Козловскаго въ лучшемъ положеніи. Дни его тяжкаго испытанія и опалы приходили къ концу... Двери Михайловскаго дворца гостепріимно и радушно раскрылись предъ нимъ... Онъ вскорѣ сдѣлался приближеннымъ и почти домашнимъ при этомъ дворѣ... Великая княгиня Елена Павловна, само собою разумѣется, раздѣляла сочувствіе супруга своего къ Козловскому и была къ нему такъ внимательна, что, зная его любовь къ наукамъ, давала въ честь его академическіе обѣды, приглашая на нихъ наши ученые знаменитости.

Тутъ Козловскій изъ дипломата, изъ блестящаго свѣтскаго человѣка, дѣлался настоящимъ профессоромъ. Императоръ Николай, вѣроятно, не имѣлъ сначала особеннаго благорасположенія къ Козловскому... Государь увидалъ однажды Козловскаго на вечерѣ въ Михайловскомъ дворцѣ. Козловскій былъ слабъ на ногахъ. Онъ сидѣлъ въ углу комнаты. Государь прямо подошелъ къ нему. Козловскій, разумѣется, съ усиліями хотѣлъ встать предъ нимъ. Государь мощною дланью своею усадилъ его. „Помилуйте, государь“, сказалъ Козловскій, — „когда сижу предъ вами, мнѣ кажется, что шестьдесятъ милліоновъ подданныхъ лежатъ у меня на плечахъ...“ Государь продолжалъ съ нимъ милостиво разговаривать. Онъ спросилъ его, зачѣмъ хочетъ онъ поселиться и служить въ Варшавѣ? „Чтобы проповѣдывать полякамъ любовь къ вашему величеству и къ Россіи“. „Ну“, сказалъ ему на то Императоръ, улыбаясь: „Какъ вы ни умны, а при всемъ умѣ и дарованіяхъ вашихъ, вѣроятно, цѣли вы своей не достигнете“. Послѣ того Козловскій бывалъ и при большомъ дворѣ. Въ заключеніе князь Вяземскій описываетъ намъ домашнюю обстановку и наружность князя Козловскаго: „До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Онъ лежалъ въ затасканномъ и засаленномъ халатѣ; изъ-за распавшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь. Столъ обставленъ и заваленъ былъ головными щетками, окурками сигаръ, объѣдками кушанья, газетами. Стояли стеклянки съ разными лѣкарствами, графины и недопитые стаканы разнаго питья. Въ неліце-мѣрной простотѣ видѣлись здѣсь и тамъ посуда, вовсе не столовая, и мебель, вовсе не салонная... Въ Козловскомъ была еще другая прелесть, была особенно притягательная сила, и эта сила заключалась въ его дородствѣ и неуклюжествѣ. Толщина, при нѣкоторыхъ условіяхъ, носить на себѣ какой-то отпечатокъ добродушія, развязности и какого-то милаго неряшества; она внушаетъ довѣріе и благопріятно располагаетъ къ себѣ. Надъ толщиной не насмѣхаешься, а радушно улыбаешься ей. Съ нею обыкновенно соединяется что-то особенно комическое и располагающее къ веселости“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1882. VII, 231—257). Въ моей библиотекѣ имѣется прекрасный портретъ князя П. Б. Козловскаго, доставшійся мнѣ отъ П. А. Валуева; подъ портретомъ находится слѣдующая надпись: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas!* Kozloffsky. 13-го апрѣля 1836 года, изъ Петербурга, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Не смотря на сухое заглавіе и даже главное содержаніе статьи князя Козловскаго (котораго, вѣроятно, знаете вы по слухамъ и по европейской молвѣ, если не знали лѣтъ за двадцать пять лично), совѣтую вамъ прочесть ее. Языкъ и слогъ его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пятенъ, очень замѣчательны

въ человѣкѣ, который всю жизнь свою провелъ за границею. Онъ собирается въ Москву, и вы найдете въ немъ любезнаго, просвѣщеннаго и добродушнаго чудака“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 647).

173) Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій (род. 1752 † 26 декабря 1809 г.) былъ при Екатеринѣ Великой посланникомъ сперва въ Дрезденъ, потомъ въ Туринъ, въ то же время онъ былъ членомъ Россійской Академіи. Будучи въ Туринѣ, онъ сочинилъ и напечаталъ въ 1790 году въ Дрезденѣ, на французскомъ языкѣ книжку, подъ заглавіемъ: „Диалогія или философическая картина человѣческаго ума“. Есть еще его сочиненія русская опера, подъ заглавіемъ: „Олинька или первоначальная любовь“, напечатанная въ Москвѣ, въ 1791 году (*Евскій. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей*. М. 1845. I, 70—71).

174) Эпиграфъ къ № 25 *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* былъ слѣдующій:

За Эвридикою и въ адъ Орфей сходилъ,
Для Эвридики онъ и жизни не щадилъ;
А я—какъ смерть возьметъ къ себѣ мою жену,
Я—даже въ самый рай за ней не загляну.

И. Дмитріевъ.

Въ напечатанномъ *Объясненіи* между прочимъ читаемъ: „Мы уполномочены и сами считаемъ обязанностію предостеречь читателей, что нѣкоторыя стихотворенія и статьи, печатаемыя въ разныхъ изданіяхъ съ подписью: *Иванъ Дмитріевъ*, нисколько не принадлежатъ и не могутъ принадлежать славному ветерану нашей словесности. Считаемъ за должное замѣтить, что еслибы кому судьба, по странному капризу, опредѣлила въ другой разъ назваться Михаиломъ Ломоносовымъ, Гавріиломъ Державинымъ, Николаемъ Карамзинымъ, Иваномъ Дмитріевымъ, Иваномъ Крыловымъ, Денисомъ Фонъ-Визинимъ, Василиемъ Жуковскимъ и такъ далѣе, то изъ *благоразумія*, являясь съ такимъ *опаснымъ во второй разъ* именованъ въ литературѣ, слѣдовало бы поставить на немъ какой-нибудь особенный знакъ...“ (*Московскій Наблюдатель*. М. 1836, VI, смѣсь, стр. 372—373).

175) См. примѣчаніе 164-е. 8-го августа 1838 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Препровождаю къ вашему высокопревосходительству одну изъ рукописей Н. М. Карамзина. Я взялъ ее нарочно для васъ у Екатерины Андреевны, чтобы скорѣе удовлетворить вашему любопытству“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 647—648).

176) Настасья Яковлевна Плюскова, пожилая фрейлина, пріятельница И. И. Дмитріева.

177) 22-го мая 1836 года княжна Марія Петровна Вяземская вышла замужъ за Петра Александровича Валуева.

178) По всѣмъ вѣроятіямъ, здѣсь Дмитріевъ разумѣетъ известную сатиру А. Ѳ. Воейкова подъ заглавіемъ: „Домъ сумасшедшихъ“, которая постепенно сочинялась въ теченіе 1814—1838 годовъ. Въ 1874 году эта сатира была издана П. А. Ефремовымъ (*Русская Старина*. 1874. Т. IX, стр. 581—611) Кроме того, Воейковъ написалъ „Парнасскій Адресъ-Календарь“ (1818—1820), въ которомъ о Дмитріевѣ читаемъ: „И. И. Дмитріевъ, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. По прошенію уволенъ отъ поэзіи въ царство дружбы и славы, съ ношеніемъ лавроваго вѣнча“ (*ibid.*, стр. 612).

179) Еще прежде на подобное поздравленіе князь П. А. Вяземскій отвѣчалъ И. И. Дмитріеву: „Я все-таки именичникъ въ одномъ Остафьевѣ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы то ни было, я—просто безымянный. Тамъ сердце, память и всѣ чувства души даютъ какой-то особенный смыслъ Петрову дню и смыслъ *не переводимый*, во всѣхъ отношеніяхъ этого слова. Ни на какой языкъ и никакъ съ мѣста его не переведешь. Сколькихъ уже нѣтъ, которые праздновали съ нами этотъ день; изъ живыхъ—какъ многихъ судьба разбросала и растасовала: кого вверхъ, кого внизъ, а все разрознила“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 620—621).

180) См. примѣчаніе 178-е.

181) 8-го августа 1836 года, изъ Остафьева, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Вчера успѣлъ я только что проѣхать черезъ Москву и пересѣсть изъ дилижанса въ коляску и отправился въ Остафьево къ своимъ молодымъ (Валуевымъ) и къ своей новорожденной Машенькѣ, и я спѣшилъ изъ Петербурга попасть къ ней на обѣдъ. Пробуду здѣсь, вѣроятно, до среды. Нетерпѣливо желаю лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 647).

182) Участіе, принятое И. И. Дмитріевымъ въ судьбѣ книгопродавецъ Кузнецовыхъ, свидѣтельствуемъ о добромъ его сердцѣ. Начальникъ московской цензуры Д. П. Голохвастовъ, 13-го декабря 1836 года, вошелъ съ представленіемъ въ главное управленіе цензуры, изъ котораго мы узнаемъ, что отецъ Ивана и Александра Кузнецовыхъ, Александръ Ивановъ, еще въ 1820 году изготовилъ для напечатанія книгу, подъ заглавіемъ: „Христіанскій Мѣсяцесловъ“; при подачѣ оной на разсмотрѣніе въ харьковскій цензурный комитетъ встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что привилегія печатать календари дарована единственно Академіи Наукъ. Когда же было доведено о томъ до свѣдѣнія бывшаго въ то время министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, то онъ призналъ, что изданіе Кузнецова не есть годовой календарь, но родъ столѣтняго календаря, и что „продажа издаваемого ежегодно Академіею календаря не потерпитъ никакого ущерба“ отъ напечата-

нія „Христіанскаго Мѣсяцеслова“. Такимъ образомъ, означенный мѣсяцесловъ былъ въ 1821 году въ Харьковѣ выпущенъ въ свѣтъ. Вскорѣ послѣ того А. И. Кузнецовъ обратился къ князю А. Н. Голицыну съ просьбою о дозволеніи напечатать оную книгу вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, на что 2-го іюня 1823 года и получилъ разрѣшеніе. Вслѣдствіе сего Кузнецовъ представилъ оригиналъ „Мѣсяцеслова“ въ московскій цензурный комитетъ, гдѣ Перевощиковъ и Снегиревъ одобрили оный и выдали оригиналъ съ дозволеніемъ печатать. Стеченіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, а именно: разстройство состоянія, долговременная болѣзнь и наконецъ самая смерть издателя остановили печатаніе „Мѣсяцеслова“. Остановка эта длилась до 1835 года, когда московскій купецъ Василій Ивановъ Хвастуновъ оказалъ пособіе на окончаніе печатанія этого изданія. Въ 1836 году книга была отпечатана и представлена въ московскій цензурный комитетъ; но къ выпуску ея въ свѣтъ въ комитетѣ нашли препятствія, о которыхъ Голохвастовъ и доносилъ въ главное управленіе цензуры.

2-го ноября 1836 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „По совѣту Сербиновича прибѣгнулъ я именемъ вашимъ къ посредничеству Д. Н. Блудова, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: По мнѣнію г. Буткова, просьба Кузнецова не можетъ быть не удовлетворена... Не мѣшало бы вамъ, если вы желаете добра просителямъ, замолвить о нихъ слово графу Строганову при встрѣчѣ съ нимъ и передать ему здѣшній отзывъ о семъ дѣлѣ...“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 648—649).

183) Князь П. А. Вяземскій, собираясь издавать *Старину и Новизну*, 2-го ноября 1836 года писалъ И. И. Дмитріеву: „Я намѣренъ издать историческій и литературный сборникъ и желалъ бы упрочить достоинство его вашимъ милостивымъ участіемъ. Не соблаговолите ли (пишу въ мундирномъ фракѣ и за вице-директорскимъ столомъ, казеннымъ перомъ, подъ которое нѣкоторыя слова ложатся сами собою) наградить меня отрывками изъ вашихъ записокъ, на примѣръ, относительноными до Державина, Карамзина, вашихъ первоначальныхъ литературныхъ трудовъ и пр.“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 649).

184) Въ томъ же письмѣ, отъ 2-го ноября 1836 года, князь Вяземскій писалъ къ Дмитріеву: „Въ другой разъ обращусь къ вамъ съ вопросами о Петровѣ-лирикѣ. Мнѣ хочется издать его не полного, а въ выборѣ, и приложить къ стихамъ его замѣчанія и біографическое извѣстіе. У насъ его совсѣмъ не знаютъ. Я его теперь перечитывалъ и объѣдался его сочинными выраженіями и особенно жирными рѣчами. Много въ стихотвореніяхъ его темнаго: надобно и къ нимъ ключъ, какъ къ Державинскимъ, а этотъ ключъ и всѣ ключи къ литературнымъ преданіямъ нашимъ въ рукахъ у васъ одного. Кажется, я слыхалъ отъ васъ, что вы знавали сына Петрова, также поэта

и переводчика Илиады. Гдѣ отыскать его?..“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 650).

185) Въ концѣ апрѣля 1803 года В. Л. Пушкинъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ теченіе 1803—1804 годовъ посѣтилъ Германію, Францію и Англію. Это путешествіе дало поводъ И. И. Дмитріеву написать „маленькую поэму, которую онъ напечаталъ отдѣльною книжечкою въ Москвѣ, въ 1808 году, подъ заглавіемъ: „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ“. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, „отъ котораго“, пишетъ Пушкинъ, — „имѣлъ я счастье получить и свой (чуть ли не послѣдній). Я храню его какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоценный. Въ этой маленькой поэмѣ съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887. V, 212). Желая перепечатать эту рѣдкую книжку въ своей *Старинѣ и Новизнѣ*, князь П. А. Вяземскій, 2-го ноября 1836 года, писалъ И. И. Дмитріеву: „Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что у него есть поэтическая шутка ваша о путешествіи Василя Львовича. Онъ мнѣ уступаетъ ее, если только вы на это согласитесь. Я вложилъ бы ее въ біографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тѣнь, вѣрно, не оскорбится моею нескромностію, а напротивъ, порадуетъ ей. При жизни своей онъ охотно читалъ эти стихи наизусть, — по смерти своей радъ онъ будетъ, что другіе ихъ читаютъ. А стихи хоть и шуточные, но принадлежать къ лучшимъ сокровищамъ нашей поэзіи, и жалъ держать ихъ подъ спудомъ“. Въ другомъ письмѣ своемъ, 18-го ноября 1836 года, князь Вяземскій писалъ: „Относительно „Путешествія Василя Львовича“ позвольте мнѣ здѣсь взять этотъ грѣхъ на свою совѣсть предъ Сергѣемъ Львовичемъ и сестрицею его... Только вы молча разрѣшите меня“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 649—651).

186) 9-го декабря 1836 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Позвольте мнѣ украсить мой сборникъ, который Пушкинъ совѣтуетъ мнѣ назвать *Старина и Новина*, а не *Новизна*, и отрывкомъ вашимъ о Карамзинѣ... Этотъ отрывокъ такъ занимателенъ и такъ живописенъ и *портретенъ*! А въ нашей литературѣ именно ничего портретнаго и нѣтъ. Благодаря новымъ критикамъ, *личностей* довольно, а *лицъ* нигдѣ не найдешь“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 652).

187) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ (род. 1755) учился въ Лейденскомъ университетѣ (1774 г.), потомъ былъ камергеромъ при дворѣ Екатерины II и, служа по дипломатической части, посланъ былъ въ Парижъ и въ Берлинъ, въ которомъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ съ 1785—1788 г. Въ „Старой записной книжкѣ“ князя П. А. Вяземскаго читаемъ: „Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, блестящій вельможа временъ Екатерины, человекъ

отмѣннаго ума, большой образованности, любознатель по всѣмъ отраслямъ науки, былъ до глубокой старости подверженъ страсти къ карточной игрѣ, которой предавался, такъ сказать, запоємъ“ (*Полное Собрание Сочинений князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, 95—96). Графъ С. П. Румянцовъ пережилъ своего друга И. И. Дмитріева, не смотря на то, что пятью годами былъ его старше, и скончался въ 1838 году.

188) 18-го ноября 1836 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Не довершите ли вы благодѣянія своего присылкою мнѣ, разумѣется, замнообразно и на короткое время, рѣдкаго вашего экземпляра перевода трехъ пѣсней „Потеряннаго Рая“. Статьи о твореніяхъ Петрова я теперь написать не успѣю, а по поводу у насъ неизвѣстнаго перевода его могъ бы я накинуть о немъ нѣсколько словъ и приложить къ нимъ ваши выписки. Нынѣ же переводъ Шатобріана подновилъ въ общей памяти и самого Мильтона: оно будетъ кстати“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 650—651).

189) О судьбѣ, постигшей бумаги П. П. Бекетова, А. Н. Корсаковъ пишетъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ нужно было побывать у одного изъ здѣшнихъ мастеровъ, чтобы сдѣлать въ его заведеніи кое-какіе заказы. Разговаривая съ хозяиномъ, я замѣтилъ въ его мастерской, среди разнаго хлама, какія-то связки бумагъ, значительно уже испорченныхъ и сыростью, и ѣдкою пылью. На вопросъ мой: что это за бумаги? Хозяинъ отвѣчалъ, что это такъ—старье разное... Случается заворачивать кое-что, такъ вотъ молодцы берутъ, добавилъ онъ. Я поднялъ одну связку и взглянулъ: четкій старинный почеркъ бросился мнѣ въ глаза.—„Дайте мнѣ ихъ просмотрѣть“, сказалъ я хозяину.—„Да хоть совсѣмъ возьмите—этого добра-то на Неглинной много“, отвѣчалъ онъ. Торгъ былъ непродолжителенъ. Хозяйскій „молодецъ“ снесъ „старье“ въ мои сани, и черезъ часъ я имѣлъ уже удовольствіе разсматривать бумаги листикъ за листикомъ“. И это „старье“ было только частью тѣхъ бумагъ, о которыхъ князь П. А. Вяземскій такъ заботливо спрашивалъ у И. И. Дмитріева (*Русскій Архивъ*, 1880, III, 327—328).

190) Въ „Опытѣ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ“, собран. *Николаемъ Новиковымъ* (С.-Пб. 1772, стр. 246), сказано: „Ширяевъ, Михайло, сочинилъ привѣтственную рѣчь Петру Великому, на Полтавскую побѣду въ 1721 году“.

191) См. примѣчаніе 186-е.

192) Намекая на статью Бѣлинскаго, напечатанную въ *Молоть*, Воейковъ писалъ: „Теперь въ томъ же журналѣ, въ которомъ такъ широко доказывали, будто бы мы до переводчика Шиллеровой трагедіи „Іоанны д’Аркъ“ не имѣли понятія ни объ англійской, ни о германской

литературѣ, радуются, что отыскали переводъ Шекспировой трагедіи „Смерть Юлія Цезаря“, сдѣланный въ осьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія“ (*Литературныя Прибавленія*, 1836, №№ 94 и 95).

193) Въ „Словарѣ Академіи Россійской“ (С.-Пб. 1814. III, 1406) читаемъ: „*Новизна*. 1) Качество вещи новой; 2) новое приключеніе или новое извѣстіе“.

„*Новина*, ум. новинка. 1) Въ просторѣчій называется холстина, особливо суровая, небѣленая; 2) ранній плодъ; 3) новая пашня, распаханная по вырубленіи и выжженіи стоявшаго на ней лѣса“.

194) См. примѣчаніе 182-е. 21-го января 1837 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Поставляю себѣ пріятною обязанностію увѣдомить ваше высокопревосходительство, что дѣло Кузнецовыхъ рѣшено, кажется, въ ихъ пользу и по вашему желанію. Нужно только будетъ перепечатать заглавный листъ и исполнить нѣкоторые цензурные обряды. Но книга отъ погибели спасена“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 652).

195) 17-го іюня 1837 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Незадолго до кончины Пушкинъ перечитывалъ ваши сочиненія и говорилъ о нихъ съ живѣйшимъ участіемъ и уваженіемъ. Особенно удивлялся онъ мастерской отдѣлкѣ вашего шестистопнаго стиха въ переводахъ Попе и Ювенала. Козловскій убѣждалъ его перевести Ювеналову сатиру „Желанія“, и Пушкинъ изучалъ прилежно даные вами образцы“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655).

196) 17-го іюня 1837 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Тургеневъ порадовалъ насъ пріятною надеждою на свиданіе съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ. Милости просимъ! Ожидаемъ и зовемъ васъ всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями нашими, хотя нашъ тѣсный кругъ ужасно осиротѣлъ, и осталось въ немъ пустое мѣсто, которое намъ уже не замѣтитъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655).

197) *Современникъ*, литературный журналъ А. С. Пушкина, изданный по смерти его княземъ П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ. Томъ пятый. С.-Пб. 1837. Въ этомъ томѣ былъ напечатанъ отрывокъ изъ рукописи Карамзина „О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“ (до смерти Екатерины II), съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса. А. Пушкинъ“. Въ томъ же томѣ было напечатано стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго „На память“, въ которомъ оплакивается кончина Пушкина.

И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стона,

Вамъ затвердить одно рыдающій мой стихъ:

Что яркая звѣзда съ родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщаль глаголь боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

198) 17-го іюня 1837 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Кончено ли дѣло книгопродавца Кузнецова, и кончено ли въ пользу его? Я по крайней мѣрѣ употребилъ всѣ средства къ тому, и меня обнадежили въ успѣхѣ. Если же нѣтъ еще рѣшительнаго конца, то я готовъ опять хлопотать“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655) И. И. Дмитріевъ за нѣсколько дней до своей кончины, въ Англійскомъ клубѣ „съ большимъ участіемъ“ рассказывалъ Погодину „исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова, у котораго остановлено изданіе „Христіанскаго Календаря“, и который теперь совсѣмъ разоряется; бранилъ привязчивыхъ цензоровъ: „не стыдно ли двумъ ученымъ сословіямъ, гражданскому и духовному, университету и академіи, напасть такъ на бѣдняка, и изъ чего? Изъ-за какихъ-то пустяковъ! Я пришлю его къ вамъ, и вы увидите въ чемъ дѣло. А незаконное пропускаютъ!“ (*М. Дмитріевъ*. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 153).

199) Владиміръ Петровичъ Давыдовъ родился въ 1809 году отъ перваго брака отца его, Петра Львовича, съ графиней Натальей Владиміровной Орловой, дочерью графа Владиміра Григорьевича Орлова. Высочайше утвержденнымъ, 20-го марта 1856 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта дозволено внуку графа Владиміра Григорьевича Орлова, камергеру Владиміру Петровичу Давыдову, принять имя и титулъ дѣда своего и потомственно именоваться *графомъ Орловымъ-Давыдовымъ* (*Князь П. Доморукъ*. Россійская Родословная Книга. С.-Пб. 1857. IV, 428, 435). Во время пребыванія И. И. Дмитріева, въ 1837 году, въ Петербургѣ, В. П. Давыдовъ только что вернулся изъ своего путешествія по Востоку и занимался приготовленіемъ къ печати своихъ „Путевыхъ записокъ, веденныхъ во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи, въ 1835 году“. Часть I-ая напечатана въ 1839, а II-ая въ 1840 году, въ Петербургѣ въ типографіяхъ Эдуарда Праца и Е. Фишера. При этой книгѣ изданъ великолѣпный „Атласъ рисунковъ къ путешествію Владиміра Давыдова“, исполненныхъ

Брюловымъ, Ефимовымъ и др. Это рѣдкое, въ настоящее время, изданіе имѣется въ нашей библиотекѣ, оно украшено слѣдующею автографическою подписью путешественника: *Александру Платоновичу Барсукову на добрую память отъ автора* (22-го февраля 1876 года).

Въ концѣ дней своихъ, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ обогатилъ русскую литературу обширнымъ сочиненіемъ, подъ скромнымъ заглавіемъ: „*Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова Составленъ внукомъ его графомъ Владиміромъ Орловымъ-Давыдовымъ*“ (въ двухъ томахъ. С.-Пб. 1878), и тѣмъ оправдалъ афоризмъ Погодина: *Музы благодарны.*

200) Николай Петровичъ Новосильцовъ, впоследствии сенаторъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Женатъ былъ на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Апраксиной. Умеръ 2 октября 1856 года (Князь П. *Доморукость*. Россійская Родословная Книга. С.-Пб. 1857. IV, 168).

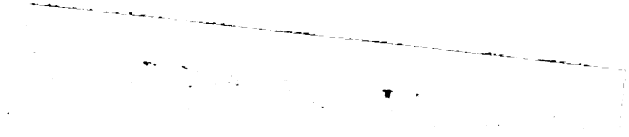
201) 13-го августа 1837 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „*Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ благополучнымъ возвращеніемъ восояси, ибо я знаю, что вы благополучно, бодро и въ добрый часъ пріѣхали, застали еще московскія веселья, августѣйшихъ гостей, Жуковского и поспѣли на высочайшую вечеринку, гдѣ были вы очень милостиво обласканы.....Мы живемъ по старому, тихо и однообразно. Петербургъ опустѣлъ и присмирѣлъ по отъѣздѣ своихъ хозяевъ:*

Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ...

Одиночество нѣсколько оживлено пребываніемъ здѣсь Дениса Давыдова, въ которомъ сохранились попрежнему веселость и живость неистощимая“. Въ другомъ своемъ письмѣ, 22-го сентября 1837 года, князь Вяземскій между прочимъ писалъ: „*Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство со днемъ вашихъ именинъ, душевно жалѣя, что не могу за столомъ у дорогого именинника осушить заздравный бокалъ въ честь ему на многія и многія лѣта*“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655—658).

Послѣ непродолжительной болѣзни, 3-го октября 1837 года, И. И. Дмитріевъ скончался и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Надъ могилой его поставленъ точно такой же памятникъ, какой надъ Карамзинымъ. Это было его желаніе. На гробовомъ камнѣ начертаны слова Святого Апостола Павла: *Подобаетъ бо тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облецися въ безсмертіе* (1 Кор., 15, 53).

10-го іюля 1897 года.
С.-Петербургъ.



LD9-40m-8,'66(G1159a4)4185

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY



8000810014

